

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

ВЪ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

XVI ВѢКА.

Ни одно изъ Славянскихъ племенъ не заслуживаетъ столь тщательнаго съ нашей стороны изученія, какъ сосѣднее намъ Польское племя, съ которымъ мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ; а между тѣмъ, при всей ограниченности свѣдѣній нашихъ о Славянахъ вообще, Поляковъ мы знаемъ менѣе, чѣмъ, напримѣръ, Герцеговинцевъ или Сербовъ-Лужичанъ. Сольются-ли когда-нибудь Славянскіе ручьи въ Русскомъ морѣ—это еще вопросъ, который, по всей вѣроятности, рѣшится отрицательно, такъ какъ положительное его рѣшеніе не представляется возможнымъ и желаннымъ ни Славянскимъ нашимъ братьямъ, ни намъ самимъ; а Польскій ручей (по крайности, значительнѣйшая его часть) уже давно влился въ наше море, и есть надежда, что въ ближайшемъ будущемъ окончательно съ нимъ сольется.

Мы слишкомъ мало знали и знаемъ Поляковъ, и потому, при всякомъ столкновеніи съ ними, дѣлали непростительные промахи и ошибки. Поляки, съ своей стороны, также не знали, или вѣрнѣе не хотѣли знать Россію и Русскихъ въ ихъ настоящемъ, а не извращенномъ видѣ, и потому часто дѣйствовали безразсудно, безтактно и безтолково; но они уже сознали свою ошибку, и даже самые ярые защитники польщизны совѣтуютъ имъ всесторонне изучать Россію—съ цѣлью эксплоатировать ее въ свою пользу, какъ это ясно высказано въ брошюрѣ Крашевскаго «Programm Polski. 1872». И они достигнутъ предположенной цѣли, если мы, по-прежнему, будемъ относиться апатично ко всему Польскому и не будемъ

стараться поближе ознакомиться съ Польскимъ народомъ въ его прошломъ и настоящемъ. Вотъ почему было бы желательно, чтобы наши періодическія изданія почаще помѣщали на своихъ страницахъ серьёзныя и безпристрастныя статьи по Польской этнографіи и исторіи политической и литературной. Съ своей стороны мы предлагаемъ читателямъ «Славянскаго Сборника» свой скромный трудъ, касающійся золотаго вѣка Польской литературы.

ВВЕДЕНІЕ.

Не даромъ XVI вѣкъ называется «золотымъ вѣкомъ» Польскаго государства и Польской литературы: никогда—ни прежде, ни послѣ—Польша не достигала такой славы и такого могущества; никогда Польская литература не имѣла такого важнаго значенія, общественнаго и государственнаго! Кто хочетъ знать Польшу и Поляковъ, тотъ долженъ обратиться къ изученію XVI вѣка, къ его исторіи, политической и литературной, тѣсно связанныхъ между собою и немыслимыхъ одна безъ другой. Тотъ не пойметъ смысла и значенія Польской литературы XVI вѣка, кто незнакомъ съ Польскою исторіей не только этого, но и предшествовавшихъ вѣковъ.

Никогда Польша не обнимала такой обширной территоріи, какъ въ XVI вѣкѣ. Кромѣ земель Коронныхъ (Великая и Малая Польша, Червонная Русь, Мазовше и Королевская Пруссія), ей принадлежали Литовская и по-Днѣпровская Русь до Чернаго моря и Лифляндія (1582 г.). Верховенство Польскаго короля признавали надъ собою княжества Прусское и Курляндское, Кашубское Поморье, Молдавія и Валахія. Народонаселеніе двухъ главныхъ составныхъ частей Польскаго государства, Короны и Литвы, было самаго разнообразнаго происхожденія: кромѣ Поляковъ, тутъ жили Нѣмцы, Литовцы, Евреи, Цыгане, Армяне, Румыны, Мадьяры, Татары и Итальянцы; но большинство народонаселенія составляли Русскіе. Обладаніе обширными равнинами Западной Руси было вопросомъ жизни для Польскаго государства. Это понималъ уже Болеславъ Храбрый, побывавшій въ Кіевѣ, въ качествѣ союзника Святополка Окаяннаго (1018); на память по себѣ, по словамъ поэта [1]), онъ вбилъ въ Днѣпръ желѣзные столпы:

---

[1]) J. U. Niemcewicza, «Śpiewy historyczne», XIII.

Na pamięć gdzie się Polacy zagnali
Jakie z Czech, Niemiec odnosili łupy,
Bije na Dnieprze, i Ossie, i w Sali
Żelazne słupy.

Такое вколачиваніе Польскихъ желѣзныхъ столповъ въ Русскихъ водахъ пріостановилось при преемникахъ Болеслава Храбраго на триста лѣтъ. При Владиславѣ Локоткѣ, союзникѣ Гедимина, появляются первыя Польскія поселенія въ Литовско-Русскихъ земляхъ. Сынъ его, Казиміръ Великій, чтобы закрѣпить за Польшею вновь пріобрѣтенную имъ (1339—1340) Червонную Русь (она уже принадлежала Полякамъ при Болеславахъ Храбромъ и Смѣломъ), сталъ усердно ее ополячивать, обращая бояръ въ католицизмъ, преслѣдуя православіе, распространяя Латинскую вѣру и поощряя Польскую въ ней колонизацію [2]). Вслѣдъ за тѣмъ онъ взялъ Луцкъ, Владиміръ-Волынскій и Брестъ-Литовскъ. Ягайло, возвративъ отъ Угровъ Червонную Русь (1388), поручилъ управленіе ею Польскимъ панамъ и роздалъ имъ обширныя Русскія земли: въ своихъ помѣстьяхъ паны строили Латинскіе костёлы и каплицы и, соболѣзнуя о малочисленности «правовѣрныхъ», т. е. католиковъ, призывали изъ Мазовша, для заселенія Русскихъ земель, хлоповъ и бѣдную шляхту. И эти огромными толпами шли на ихъ призывъ, преимущественно въ Русь Бельзскую, которая, по словамъ Польскаго историка, совсѣмъ «омазурѣла» (cała Ruś Bełzka zmazurzała). Тоже было и на Украйнѣ. Подольскую землю король пожаловалъ Краковскому воеводѣ Спытку, который заселилъ ее Поляками; Волынскимъ старостою былъ назначенъ каштелянъ Судомірскій, Кржеславъ Курожвенцкій — ревностный католикъ [3]). Крестивъ въ католическую вѣру (1387) присоединенную къ Польшѣ Литву, Ягайло настроилъ въ ней Латинскихъ костёловъ, при которыхъ поселилъ множество Польскихъ ксендзовъ. Въ ревности

---

[2]) Этого не скрываетъ добросовѣстный Польскій историкъ Андрей Морачевскій, («Dzieje rzeczypospolitéj Polskiéj», I, 195): «Skoro Kazimierz Ruś do Korony przyłączył, duchowieństwo Polskie zaczęło tępić kościół Ruski, a zaprowadzać łaciński. Który bojar dał na sobie chrzest pokatolicku poprawić, ten zaraz znaczenia i wpływu nabierał, człowiekiem do wszystkiego się stawał». Напротивъ того К. Шайноха («Jadwiga i Jagiełło», wyd. 2, t. III, str. 269) старается увѣрить, что Казиміръ не только не преслѣдовалъ, но даже покровительствовалъ православной церкви въ Червонной Руси, хотя и заботился объ учрежденіи католическаго бискупства во Львовѣ — «dla coraz liczniej nadpływaiących tu katolików łacińskich!» Лучшимъ опроверженіемъ Шайнохи служитъ то, что Русскіе обратились за помощью противъ мнимаго своего благодѣтеля къ Татарамъ, которые и не замедлили явиться на ихъ призывъ (1344 г.).

[3]) K. Szajnocha, «Jadwiga i Jagiello», III, 295—310.

къ католицизму онъ дошелъ до того, что издалъ указъ, которымъ воспрещалось католикамъ вступать бракъ съ православными. Униженные и оскорбленные королемъ, православные-Русскіе, составлявшіе большинство народонаселенія Литвы, возстали подъ предводительствомъ Витовта. Съ помощью Меченосцевъ, Витовтъ опустошилъ Литву, сжегъ всѣ костёлы, построенные Ягайломъ, и предавалъ жестокимъ истязаніямъ приверженцевъ католицизма [1]). Назначенный правителемъ Литвы Вигундъ Александръ подражалъ въ одеждѣ, языкѣ, обычаяхъ и образѣ жизни Полякамъ, такъ-что казался «стародавнимъ Полякомъ и шляхтичемъ». Виленскимъ воеводою былъ Малополянинъ Ясько Олесьницкій [2]). Вѣнцемъ дѣятельности Ягайлы въ Литвѣ былъ знаменитый съѣздъ въ Городлѣ (1413), называемый Польскимъ историкомъ «uzupełnieniem katolicizmu na Litwie, uzupełnieniem wiary i swobód katolickich» [3]). На немъ 47 Литовскихъ бояръ, принявшихъ католицизмъ, получили права Польскаго шляхетства. На немъ же были установлены на Польскій ладъ: воеводства, каштеляніи и другія должности, которыя могли быть замѣщаемы только Римско-католиками, но отнюдь не православными [4]). Вмѣстѣ съ Ягайлой присутствовалъ на этомъ съѣздѣ Витовтъ, ознаменовавшій уже себя казнью Жмуди, прогнавшей бискупа и каплановъ Латинскихъ. Оба задумали обращеніе православныхъ-Русскихъ въ католицизмъ, и съ этою цѣлью Витовтъ отправилъ на Констанцскій соборъ православныхъ епископовъ и священниковъ для принятія уніи, а Ягайло писалъ, что «онъ уже давно бы привелъ Русскій народъ къ послушанію святой Римской церкви, если бы не мѣшали тому безпрестанныя войны» [5]). Съ переходомъ Витовта въ лагерь Поляковъ и католиковъ, во главѣ православныхъ-Русскихъ сталъ князь Иванъ Чорторыйскій, пріобрѣвшій извѣстность убійствомъ жестокаго и подозрительнаго Сигизмунда Кейстутовича, правителя Литвы. Тяжелая зависимость отъ Польши и преслѣдованіе православія довели Литовцевъ и Русскихъ до того, что на съѣздѣ въ Люблинѣ (1448) они открыто

---

[1]) J. Moraczewski, I, 288—294. Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ Ягайло и въ Червонной Руси, какъ видно изъ словъ Шайнохи (IV, 333). (Jagiełło) dla zyskania poklasku cudzoziemców rozkazał, aby uboga dotąd katedra Rzymska w Przemyślu zajęla miejsce okazalszej cerkwi stołecznej Ruskiej. Wyrzucono więc duchowieństwo Greckie z dotychczasowej głównej świątyni w zamku, która dla naocznego przekonania uradowanych gości zachodnich poświęcona została natychmiast na katedrę łacińską. W zapale rugowania ołtarzów Ruskich nie przebaczono żadnemu z zakątów cerkwi, narażaiąc się na słuszną niechęć krajowców, której żadne pochwały zagraniczne nie wynagrodziły chwałonym». [2]) Ibid. 39. [3]) Ibid. 326. [4]) Moraczewski, II 81—83. [5]) Schajnocha, IV, 334.

заявили о своемъ желаніи отложиться отъ Польши, и съ тѣхъ поръ не участвовали на сеймахъ. Нѣсколько позже призванные ими Татаре стали грабить пограничныя Польскія области и толпами уводили жителей въ плѣнъ. Начало правленія Сигизмунда I, было ознаменовано возстаніемъ князя Михаила Глинскаго, Русскаго и православнаго, заклятаго врага Польскихъ порядковъ на Литвѣ. Съ двумя тысячами всадниковъ онъ разъѣзжалъ по Литвѣ, преслѣдуя Поляковъ и ихъ приверженцевъ. При помощи Василія II Ивановича, онъ надѣялся стать независимымъ Литовско-Русскимъ княземъ съ столицею въ Кіевѣ, поднять на Литвѣ и по-Днѣпровской Руси Русскую народность и православіе, уничтожить Польскіе порядки и истребить католицизмъ. Но замысламъ его не было суждено осуществиться, хотя онъ и овладѣлъ большею частью Литовско-Русскихъ земель. При Сигизмундѣ-Августѣ ненависть къ Польскому католицизму выразилась сочувствіемъ Литовской Руси къ новому ученію лютеранъ, Кальвинистовъ и анабаптистовъ, которымъ открыто покровительствовалъ знаменитый князь Николай Ивановичъ Радивилъ. Для противодѣйствія имъ, были вызваны въ Литву іезуиты, основавшіе коллегіи въ Вильнѣ и Полоцкѣ. Они были вѣрными союзниками Стефана Баторія и Сигизмунда III.

Втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ Поляки ясно сознавали, что ихъ политическое существованіе тѣсно связано съ обладаніемъ Литовско-Русскими землями; а въ половинѣ XVI вѣка стали уже опасаться, что постоянно возраставшая въ силѣ и могуществѣ, православная Россія не только возвратитъ себѣ утраченныя Литовско-Русскія земли, но даже поглотитъ саму Польшу. Тревожимый такими опасеніями, Сигизмундъ-Августъ созвалъ представителей Литвы и Польши въ Люблинъ (1569). На этомъ съѣздѣ было постановлено, что впредь Литва и Польша будутъ имѣть одинъ общій сеймъ и сообща будутъ выбирать короля. Люблинская унія не вводила ничего новаго въ политическія отношенія Польши и Литвы, а только закрѣпляла за первою господство надъ послѣднею въ томъ видѣ, какой создали вѣка.

Какъ на Руси Червонной и по-Днѣпровской, такъ и въ собственной Литвѣ, гдѣ господствовали Русскій языкъ и православная вѣра, Польша преслѣдовала одну и ту же политику — ополяченія посредствомъ католицизма. Преслѣдуя и унижая православныхъ, Поляки разными приманками старались совращать ихъ въ католицизмъ: бояре, принявшіе Латинскую вѣру, получили права́ Польскаго шляхетства; всѣ доходныя должности отдавались

только католикамъ; даже мѣщаниномъ Польскаго города могъ быть только католикъ. Вслѣдствіе этого принимали католицизмъ и полячились не только бояре, но и мѣщане. Католическія школы были также средствомъ къ ополяченію. Съ другой стороны, твердыхъ въ православіи и Русской народности старались всячески унизить. Такъ, въ коренномъ Русскомъ городѣ Львовѣ Русскіе (православные) могли покупать и строить домы только на Русской улицѣ, могли вступать только въ Русскія братства и вести только мелочную торговлю. Оттого такіе быстрые успѣхи оказалъ католицизмъ во Львовѣ: въ XV вѣкѣ въ немъ считалось 5 костеловъ и только одна православная и одна Армянская церковь. Не лучше было на Литвѣ и на Украйнѣ: на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года Русскіе бояре жаловались на притѣсненія со стороны Польскихъ воеводъ, которые заставляли ихъ даже работать на себя. Еще хуже было положеніе Русскаго духовенства—нешляхетнаго, хлопскаго (samego tylko chłopstwa): не только сеймы отягощали его всякими поборами, но каждый шляхтичъ считалъ Русскаго священника своимъ слугою, нерѣдко гонялъ его на барщину и подвергалъ тѣлесному наказанію. И православное духовенство, по сознанію самихъ Поляковъ, вполнѣ терпѣливо переносило всю тяжесть неволи. Короче: положеніе Русскихъ въ Польшѣ XV и XVI вѣковъ было нисколько не лучше положенія Словаковъ въ Венгріи въ наше время.

Совершенно въ иномъ положеніи находились Нѣмцы, жившіе въ Пруссіи и Лифляндіи и разсѣянные по городамъ и селамъ всей Польши и Червонной Руси. Извѣстно, что во второй половинѣ X вѣка Польша подпала двойной зависимости отъ Нѣмцевъ—церковной черезъ Познанскаго епископа, подчиненнаго архіепископу Магдебургскому, и свѣтской черезъ Мечислава, признавшаго надъ собою верховенство императора. Оттого былъ такъ легокъ Нѣмцамъ доступъ въ Польшу, путь куда первый указалъ имъ Болеславъ Храбрый (†1025), надѣлившій Нѣмецкихъ поселенцевъ разными льготами и преимуществами. Королю подражали шляхта и духовенство. Малонаселенность Польши и политическія обстоятельства содѣйствовали быстрому распространенію въ ней Нѣмцевъ, особенно въ XIII вѣкѣ. Нѣмецкіе поселенцы не только пользовались самоуправленіемъ, но даже были освобождены отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей. Нѣмецкія общины составляли

[1]) Moraczewski, VI, 197: «znosiło duchowieństwo kościoła wschodniego wszelkie dolegliwości niewoli zupełnie cierpliwie».

statum in statu. Въ XIII вѣкѣ Нѣмецкіе ремесленники проникаютъ въ Польскіе города̀, а что̀ еще важнѣе—на Польской землѣ возникаютъ Нѣмецкіе города̀. Въ 1230—1240 годахъ Нѣмцы поселяются въ Краковѣ и Судомірѣ съ правомъ самоуправленія по Магдебургскимъ законамъ. Въ 1252 году, они основываютъ чисто-Нѣмецкій городъ Neumarkt. Въ 1264 году они заселяютъ Корчинъ, и на мѣстѣ монастырскаго селенія Skarzessowia возникаетъ Нѣмецкій городъ. Въ Познани на-супротивъ стараго Польскаго города былъ построенъ новый Нѣмецкій (1252). Во второй половинѣ XIII вѣка нѣмечатся многіе города̀ въ Великой и Малой Польшѣ: Сѣрадзь, Люблинъ, Лубница, Побѣдзишка, Слупца и др., а въ концѣ этого вѣка Нѣмцы заселяютъ въ Куявіи города̀ Иновроцлавъ и Брестъ. Въ Мазовшѣ они появляются еще ранѣе (въ 1254 г. они поселились въ Плоцкой епархіи). Города̀, основанные Нѣмцами, получали въ собственность окрестныя поля близь-лежащій лѣсъ, деревни,— пользовались свободою рыбной ловли, освобождались на много лѣтъ отъ податей, пошлинъ, повинностей и т. п. , что̀ всего важнѣе, были изъяты изъ вѣдомства каштеляновъ и составляли свободныя общины, управлявшіяся Нѣмецкими законами. Во главѣ этихъ общинъ стояли наслѣдственные войты (Woyt съ Нѣмецкаго Vogt), изъ локаторовъ (locatores), т. е. основателей города. Они были высшими судьями во всемъ городскомъ округѣ и получали 1/3 судебныхъ доходовъ. Въ ихъ рукахъ была также полицейская власть; но гражданскія дѣла были въ вѣдѣніи бургомистра (proconsul) и его совѣтниковъ (consules jurati). Та̀къ было до XV вѣка, когда произошла реформа въ городскомъ управленіи, во главѣ которой стояли бургомистры (въ Познани 2, во Львовѣ 3) съ совѣтниками, а за войтами (advocati) и ратманами (райцами, лавниками, scabini) была оставлена только судебная власть.

Заимствованное отъ Нѣмцевъ, городское право (jus municipale Maideburgense, speculum Saxonum, jus Teutonicum, jus Sredense s. Novifori=Neumarkt въ Силезіи, jus Culmense) окончательно выработалось XVI вѣкѣ, хотя на Польской почвѣ оно подверглось вліянію мѣстныхъ обычаевъ, каноническаго и Римскаго права, но по своему духу осталось чужимъ: такъ, напримѣръ, въ немъ мѣсто Польской главчизны (пени за убійство) занимаетъ смертная казнь, независимо отъ вергельта; такъ, въ городскомъ судѣ употреблялись пытки (огнемъ и желѣзомъ) и т. п. По Нѣмецкому образцу, въ Польскихъ городахъ были купеческія и ремесленныя братства или цехи. Во главѣ каждаго цеха стоялъ старшина или цехмистръ

съ столовыми: они завѣдывали дѣлами братства и были его представителями передъ городскими властями. Членомъ братства могъ быть только мастеръ и притомъ мѣстный житель. Благодаря своему исключительному положенію въ государствѣ, Нѣмецкіе и онѣмеченные города быстро развивались и богатѣли. XV вѣкъ составляетъ эпоху ихъ процвѣтанія. Въ XVI они приходятъ въ упадокъ вслѣдствіе притѣсненій со стороны шляхты, которая не только подрывала городское самоуправленіе и унижала мѣщанъ, но даже буквально грабила города. Тѣмъ не менѣе и въ XVI вѣкѣ торговля и промышленность были въ рукахъ преимущественно Нѣмцевъ— этихъ паразитовъ Польши. Въ XVI вѣкѣ Польскій элементъ въ городахъ усиливается и польщизна начинаетъ вытѣснять нѣметчину, пустившую столь глубокіе корни, что еще въ началѣ этого вѣка въ такихъ городахъ, какъ Львовъ, говорились проповѣди по-Нѣмецки, и городскія дѣла велись на Нѣмецкомъ языкѣ, а Нѣмецкіе обычаи и одежда продолжали господствовать въ городахъ втеченіе всего этого вѣка.

Еще вреднѣе Нѣмцевъ для Польскаго государства были Евреи, жившіе по городамъ и селамъ и занимавшіеся торговлею, державшіе на откупахъ шинки и таможни и ссужавшіе деньги за большіе проценты. О нихъ упоминается уже въ X вѣкѣ: тогда они торговали рабами и были извѣстны, какъ ростовщики. Имъ покровительствовалъ Мечиславъ Старшій. Позже, во времена крестовыхъ походовъ, они массами бѣжали изъ Германіи въ гостепріимную Польшу, гдѣ стали эксплоатировать слишкомъ довѣрчивый народъ. Въ XVI вѣкѣ имъ покровительствовала расточительная шляхта, постоянно нуждавшаяся въ деньгахъ, а Степанъ Баторій сравнялъ ихъ во многихъ правахъ съ христіанами, отъ которыхъ они не отличались даже одеждою. Въ первой половинѣ этого вѣка они проникли въ Литву, гдѣ пользовались полною свободою.

Вмѣстѣ съ Нѣмцами и Евреями, торговлею занимались въ Польшѣ Армяне (съ XIII вѣка, если не ранѣе, преимущественно во Львовѣ, Луцкѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Кіевѣ), Румыны и Мадьяре (на Подолѣ), Итальянцы (въ большихъ городахъ) и Татаре (на Литвѣ со временъ Витовта, во Львовѣ и на Подолѣ). Сами же Поляки имѣли отвращеніе отъ занятій торговлею и промышленностью, а шляхтѣ это было даже возбранено закономъ, подъ страхомъ утраты шляхетства.

Любимое занятіе Поляка—сельское хозяйство. Но и оно было въ XVI вѣкѣ въ упадкѣ, такъ какъ шляхтичъ рѣдко имъ зани-

мался, а чужіе люди, работавшіе за него, думали только о личной корысти. Можетъ показаться страннымъ, что хлѣбородная Польша, считавшаяся житницею Западной Европы, нерѣдко сама голодала. Это происходило оттого, что чрезмѣрное количество хлѣба отпускалось заграницу—ради барышей. Успѣхамъ сельскаго хозяйства препятствовали ненормальныя отношенія шляхты къ хлопамъ. Это были безправные рабы, прикрѣпленные къ панской землѣ; надъ ними панъ имѣлъ даже право жизни и смерти [1]). Какъ панъ, такъ и фермеры (войты или солтысы) безнаказанно разоряли и угнетали хлоповъ, а потому они были, конечно, плохими работниками [2]). Войты же или солтысы, вполнѣ зависѣвшіе отъ произвола пана, который имѣлъ надъ ними право суда, думали только объ одномъ—какъ-бы поскорѣе нажиться.

Съ конца XV вѣка законъ и право въ Польшѣ существовали только для шляхты: все, что было ниже шляхтича, было лишено всякихъ гражданскихъ и политическихъ правъ; вся государственная властѣ—законодательная, судебная и административная—была сосредоточена въ рукахъ шляхты. Избираемый ею, король вполнѣ зависѣлъ отъ сената и сейма, которые вмѣшивались даже въ его частныя дѣла. Хотя въ принципѣ признавалось шляхетское равенство (извѣстная поговорка: szlachcic na zagrodzie równien wojewodzie), но на дѣлѣ всѣмъ заправляли сильные и богатые паны; мелкая же шляхта спасалась отъ ихъ насилія и своеволія по деревнямъ или находилась у нихъ на службѣ. Польскій панъ любилъ хвастаться, что ему прислуживаютъ равные ему шляхтичи; но шляхтичъ, служившій при панскомъ дворѣ, зналъ, что онъ не болѣе, какъ слуга пана: для него панъ былъ, по словамъ одного современнаго Польскаго писателя, «земнымъ богомъ». Чѣмъ былъ знатнѣе панъ, тѣмъ былъ многочисленнѣе его дворъ — подражаніе королевскому двору: при дворѣ князя Константина Острожскаго было до двухъ тысячъ пановъ и шляхты. Пана сопровождали его дворяне повсюду; а на сеймъ онъ являлся не иначе, какъ со своимъ придворнымъ войскомъ, съ большимъ обозомъ и множествомъ преданной ему шляхты. Меньшіе дворы примыкали къ бо̀льшимъ, такъ-что на сеймахъ бывали только двѣ или три партіи. Чья партія побѣждала, тотъ властвовалъ въ Польшѣ. Свое-

---

[1]) Mart. Cromerus, «Polonia» (Coloniae, 1576, p. 91): «Habent sane in eos domini vitae necisque potestatem».

[2]) Свободные земледѣльцы, кметы уже въ XV вѣкѣ обратились въ крѣпостныхъ; между ними и хлопами исчезло всякое различіе.

волію шляхты не было предѣловъ; она безнаказанно разбойничала по дорогамъ и грабила города, а паны нападали даже на иностранныя земли, хотя, по закону 1447 года de guerris, полагалась за это смертная казнь и вознагражденіе убытковъ. Также безнаказанно оставались убійства, совершаемыя шляхтою, хотя, по закону, она обязывалась платить глувчизну (въ началѣ XVI вѣка 120 гривенъ [1]), а съ 1588 вдвое больше; изъ огнестрѣльнаго же оружія вчетверо) и сидѣть въ тюрьмѣ годъ и 6 недѣль [2]). Законъ бездѣйствовалъ, потому что шляхтича могъ судить только король на сеймѣ, а сеймы собирались рѣдко, и то—на короткое время; судебныхъ же дѣлъ было такъ много, что они откладывались съ одного сейма до другого—до безконечности.

Своевольная и буйная шляхта отличалась пьянствомъ, обжорствомъ, развратомъ и страстью къ роскоши, для удовлетворенія которой считала всѣ средства позволенными. Поэтому каждый думалъ только о личной корысти, а не о пользѣ отечества. Сутяжничество и погоня за доходными должностями составляютъ характеристическія черты Польской шляхты XVI вѣка, и она исключительно занимаетъ всѣ должности, не только государственныя, но и церковныя. Поэтому не удивительно, что шляхетское по происхожденію духовенство было вѣрнымъ союзникомъ шляхты. Высшія духовныя званія и выгоднѣйшія церковныя должности были раздаваемы шляхтѣ не за заслуги и образованіе, а по протекціи. Для полученія такихъ званій и должностей, не требовалось и личнаго призванія, не было даже нужно, чтобы конкурентъ былъ изъ духовенства. Были примѣры, что король не только жаловалъ церковныя beneficia свѣтскимъ людямъ (Янъ Кохановскій, Судивой Чарнковскій), но даже назначалъ въ епископы мірянъ (такъ, Сигизмундъ Старшій назначилъ на Познанскую епархію коронпаго канцлера Павла Вольскаго). Закономъ 1538 года было постановлено, что аббатомъ монастыря могъ быть только Польскій шляхтичъ; если братія не находила такого между духовными, то выбирала между свѣтскими шляхтичами и представляла избраннаго ею на утвержденіе короля и посвященіе епископа. Понятно, что такіе импровизованные епископы, прелаты, каноники и аббаты менѣе всего думали о церкви и паствѣ: воспитаніемъ дѣтей они не занимались, защищать ученіе свой церкви были не въ состоя-

[1]) Гривна равнялась суммѣ около 10 рублей на нынѣшнія деньги.
[2]) Простой народъ за убійство подвергался смертной казни.

ніи (для этого нужна и особая подготовка, и особое призваніе); они умѣли — только жить по-шляхетски, т. е. утопать въ роскоши, нѣгѣ, развратѣ, пьянствѣ и обжорствѣ. Если чѣмъ занимались они, то—политикой: ѣздили по сеймамъ, интриговали, составляли партіи. Вотъ почему такъ низко пала Польская церковь въ XVI вѣкѣ: шляхта не хотѣла подчиняться церковному суду и смѣялась надъ церковнымъ проклятіемъ, а новыя вѣроученія, благодаря провозглашенному принципу вѣротерпимости, свободно ширились по огромному Польскому государству.

Съ 1520 года начинаетъ распространяться Лютеранское ученіе въ Польшѣ, откуда въ 1539 оно проникло въ Литву, гдѣ нашло защиту и покровительство у князя Николая Ивановича Радивила, по прозванію Чернаго, двоюроднаго брата королевы Варвары, маршала, а потомъ канцлера великаго княжества Литовскаго и воеводы Виленскаго. Къ послѣдователямъ Лютеранскаго ученія, принадлежали такіе знаменитые Польскіе писатели, какъ Андрей Фричъ Модржевскій (секретарь Сигизмунда Старшаго), Станиславъ Оржеховскій, Николай Рей изъ-Нагловицъ. Лютеране поддерживали Чешскихъ Братьевъ, которые изъ Великой Польши распространились въ Малую, подъ покровительствомъ Якова Остророга. Кальвинисты или Социніане (такъ названныя по проповѣднику этого ученія въ Польшѣ, Lelius Socinus) склонили на свою сторону даже короля Сигизмунда-Августа. Ни духовенство, ни шляхта не принимали никакихъ мѣръ для противодѣйствія нововѣрцамъ, а инквизиторская дѣятельность папскаго нунція Леонтія Липомана побудила ихъ только крѣпче сплотиться и дѣйствовать сообща. Съ этою цѣлью, они устроиваютъ съѣзды, сначала въ Пинчовѣ, потомъ въ Хрженцицахъ и, наконецъ, въ Козьминкѣ (1555). Эти съѣзды окончились слитіемъ Кальвинистовъ съ Чешскими Братьями. Тоже случилось съ Аріанами и анабаптистами, поддерживаемыми въ Литвѣ Радивилами, сначала Николаемъ Ивановичемъ, а по смерти его въ 1565 г. его двоюроднымъ братомъ Николаемъ Юрьевичемъ: они слились въ одно вѣроисповѣданіе. Въ Пруссіи большинство народонаселенія исповѣдывало Лютеранскую вѣру, признанную королемъ равноправною съ католическою, вопреки епископу Варминскому Гозію. Не находя въ королѣ опоры для поддержанія католицизма, кардиналъ Гозій вызвалъ іезуитовъ и поселилъ ихъ въ Эльблонгѣ (1564). Въ слѣдующемъ году они основали свои коллегіи сначала въ Браунсбергѣ, а потомъ въ Пултускѣ и Познани. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ они распространились по Польшѣ и Литвѣ: ихъ

коллегіи находились въ Вильнѣ (1569), въ Ярославлѣ на Руси Червонной (1571), въ Полоцкѣ (1580), Ригѣ (1582), Люблинѣ, Несвижѣ, Гданскѣ, Калишѣ и Львовѣ. Большая часть этихъ коллегій была основана Степаномъ Баторіемъ, покровителемъ іезуитовъ. Въ 1572 году онъ преобразовалъ Виленскую іезуитскую коллегію въ академію, сравнивъ ее въ правахъ съ Краковскою. Первымъ ректоромъ этой академіи былъ знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга. При Сигизмундѣ III, воспитанникѣ іезуитовъ, этотъ орденъ распространился по всему Польскому государству, захватилъ въ свои руки воспитаніе дѣтей и пріобрѣлъ большія богатства и политическое значеніе. Подъ видомъ благочестія и ревности къ католицизму, іезуиты преслѣдовали науки и литературу и воспитывали въ своихъ школахъ юношей въ духѣ своего ордена, пріучая ихъ къ ханжеству и лицемѣрію, наполняя ихъ головы кухонною латынью и богословскими трактатами, но, пуще всего, стараясь богатыхъ шляхтичей втянуть въ свой орденъ или, по крайности, сдѣлать ихъ своими адептами и благотворителями. Благодаря такой дѣятельности іезуитовъ, не только науки и литература въ Польшѣ, но и само Польское государство пришли въ упадокъ.

Какъ духовенство мало заботилось о защитѣ вѣры и церкви, такъ-же шляхта мало думала объ оборонѣ государства отъ внѣшнихъ непріятелей. По закону, каждый шляхтичъ былъ обязанъ не только лично идти на войну, но также вести съ собою опредѣленное число воиновъ (въ XV вѣкѣ шляхтичъ, имѣвшій сто гривенъ дохода, долженъ былъ поставить одного копейщика и трехъ хорошо вооруженныхъ всадниковъ). Но его обязанностью было только защищать границы государства; походы-же заграничные были предпринимаемы насчетъ короля, что было сопряжено съ большими затрудненіями, такъ какъ въ королевской кассѣ былъ постоянный недостатокъ въ деньгахъ. Паны ходили на войну съ своимъ придворнымъ войскомъ; но обыкновенно ограничивались защитою своихъ старостъ, державъ королевскихъ имѣній и своихъ собственныхъ помѣстьевъ. Шляхта составляла конницу. Пѣхота состояла изъ мѣщанъ и иностранныхъ наемниковъ (большею частью Нѣмцевъ, а при Степанѣ Баторіѣ — Венгерскихъ гайдуковъ; въ концѣ XVI вѣка было много Французовъ, Англичанъ и Шотландцевъ). До второй половины XVI вѣка въ Польшѣ не было постояннаго войска, а на такъ называемое pospolite ruszenie шляхта собиралась неохотно, неисправно и медленно. Въ походы она забирала съ собою складныя постели, разную посуду и цѣлые сундуки съ дорогимъ платьемъ,

которымъ щеголяла, какъ на смотру: разноцвѣтныя шелковыя и атласныя одежды, — панцыри, блиставшіе золотомъ и серебромъ, съ коршуновыми крыльями, — леопардовыя и медвѣжьи шубы. За шляхтою шла цѣлая толпа слугъ, исполнявшая всѣ панскія прихоти. Отъ такого войска было мало пользы государству; а потому на сеймѣ 1562 года было учреждено для защиты отъ Турокъ, Татаръ и козаковъ, безнаказанно грабившихъ Польскія области, постоянное войско (obrona potoczna, wojsko kwarciane). На его содержаніе была назначена четвертая часть королевскихъ доходовъ. Подъ командою польнаго гетмана оно стояло лагеремъ около Днѣстра и Днѣпра. Въ 1576 году Степанъ Баторій учредилъ конную гвардію (wojsko nadworne jezdne) изъ тысячи охотниковъ, одѣтыхъ по-Венгерски или гусарски и тяжело-вооруженныхъ; а въ 1578 году онъ организовалъ Польскую пѣхоту изъ жителей городовъ, мѣстечекъ и селъ (20 кметовъ поставляли одного рекрута). По ея образцу была впослѣдствіи (1595) организована Литовская пѣхота. Число Польскаго войска (считая Запорожскихъ и Низовскихъ козаковъ, панскія и городскія войска, а также значительную артиллерію) простиралось въ XVI вѣкѣ до 200,000. Главнокомандующимъ былъ коронный или великій гетманъ; ему былъ подчиненъ польный гетманъ. Войско получало незначительное жалованье, притомъ неисправно платимое, а потому дозволяло себѣ всякаго рода своеволіе и насиліе въ деревняхъ, черезъ которыя проходило. Жалобы на недостатокъ дисциплины въ войскѣ часто повторялись; но дѣла поправить было нельзя, потому что Польскіе финансы находились въ плохомъ состояніи, благодаря упадку торговли и промышленности и дурной системѣ податей и повинностей, вся тяжесть которыхъ падала на мѣщанъ и хлоповъ. Многочисленная и богатая шляхта вмѣстѣ съ духовенствомъ не платила ни гроша въ государственную казну.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе Польскаго государства въ XVI вѣкѣ,—извнѣ блестящаго, внутри гнилаго. Польскій Златоустъ, Петръ Скарга сравнивалъ его съ гніющимъ внутри яблокомъ, для спасенія котораго нѣтъ никакого средства [1]). Но напрасно онъ указывалъ на болѣзни Польши, предвѣщающія близкую ея смерть [2]); напрасно онъ предсказывалъ ей грозную будущность; напрасно всѣ передовые люди того времени требовали для

---

[1]) «Kazania sejmowe», wyd. Turowskiego, str. 37.

[2]) Ibid. 16: «A jeśliście ostrożni i mądrzy lekarze, najdziecie kilaś szkodliwych chorób jej, które jej bliską smierć ukazują».

спасенія Польши немедленныхъ коренныхъ реформъ въ обществѣ и государствѣ.... Ихъ голосу не внимали правившіе Польшею своекорыстные паны, и предсказаніе Скарги исполнилось: она распалась, досталась въ чужія руки, стала предметомъ насмѣшекъ и поруганій, а сыны ея стали влачить бѣдственную и презрѣнную жизнь на чужбинѣ [1]).

Не одинъ Скарга, а всѣ сколько-нибудь замѣчательные Польскіе писатели XVI вѣка ясно сознавали, въ какомъ опасномъ состояніи находилась больная Польша. Историки, публицисты, ораторы, проповѣдники, поэты изображаютъ ее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и, въ тоже время, предлагаютъ мѣры для ея спасенія. Рядомъ съ непріятными, иногда отвратительными картинами дѣйствительности, передъ нами рисуются свѣтлые идеалы, къ которымъ стремились передовые люди Польши того времени. Такимъ образомъ, Польская литература XVI вѣка знакомитъ насъ не только съ внутреннимъ состояніемъ Польши, но и съ воззрѣніями на различные вопросы, общественные и государственные, лучшихъ ея представителей.

Мы разсмотримъ рядъ такихъ вопросовъ, начиная съ самаго важнаго о положеніи шляхты въ Польскомъ обществѣ и государствѣ. Въ связи съ этимъ вопросомъ находится нѣсколько другихъ: о воспитаніи, о государственномъ управленіи, о законахъ и судахъ, о военной оборонѣ. Затѣмъ постепенно мы перейдемъ къ вопросамъ о духовенствѣ, о королевской власти, о мѣщанахъ и, наконецъ, о простомъ народѣ. Говоря о мѣщанахъ, коснемся вопроса о положеніи иностранцевъ и иновѣрцевъ въ Польскомъ государствѣ. Разсматривая эти вопросы, мы будемъ сначала изображать дѣйствительность, на основаніи современныхъ сказаній Польскихъ и иностранныхъ, а за тѣмъ будемъ указывать, какъ относились къ этой дѣйствительности Польскіе писатели и какія реформы они предлагали.

---

[1]) Ibid. 35—36: «I ta niezgoda przywiedzie na was niewolą, w której wolności wasze utoną i w smiech się obrocą.... Ziemie i księstwa wielkie, które się z Koroną ziednoczyły i w jedno ciało zrosły, odpadną i rozerwać się dla waszej niezgody muszą.... Odbieżą was, jako chałupki przy jabłkach, gdy owoce pozbierają, którą lada wiatr rozwieje; będziecie, jako wdowa osierociała, wy, coście drugie narody rządzili, i będziecie ku pośmiechu i wrąganiu nieprzyjaciołom swoim. — Język swój i naród swój pogubicie, i ostatki tego narodu.... potracicie, i w obcy sie naród.... obrócicie.... Będziecie nie tylo bez pana krwi swojej i bez wybierania jego, ale też bez ojczyzny i królestwa swego, wygnańcy wszędzie nędzni, wzgardzeni, ubodzy, włóczęgowie, które popychać nogami tam, gdzie was pierwiej ważono, będą....»

I. ШЛЯХТА.

1. Паны и шляхта.

Освященное закономъ, шляхетское равенство никогда въ Польшѣ не существовало: оно было такимъ-же идеаломъ, какъ единогласіе [2]). Съ тѣхъ поръ какъ начинается достовѣрная исторія Польши, паны отличались отъ шляхтичей: однихъ лѣтописи титулуютъ barones, primates, nobiles, domini, другихъ—fratres [3]); позже, въ XVI вѣкѣ, пановъ называютъ proceres, optimates, ordo senatorius, а шляхтичей—nobiles, ordo equester [4]). При Пястахъ только паны принимали участіе въ государственномъ управленіи, а шляхта служила лишь въ войскѣ; паны въ это время располагаютъ Польскимъ престоломъ. Внѣшнимъ образомъ паны отличались отъ шляхты золотыми цѣпями, а потомъ, по примѣру Нѣмцевъ, гербами (вся шляхта получила гербы только въ XVI вѣкѣ). Когда былъ учрежденъ сенатъ (въ концѣ XII вѣка), въ немъ засѣдали только паны и епископы. Шляхта принимаетъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ только съ сейма въ Хенцинахъ (1331). Присоединеніе къ Польшѣ Литвы при Ягайлѣ способствовало еще большему возвышенію пановъ надъ шляхтою; по рѣшенію Городельскаго съѣзда 1413 года, въ ряды Польскихъ пановъ стали Литовско-Русскіе княжескіе роды Слуцкихъ или Олельковичей, Острожскихъ, Вишневецкихъ, Пронскихъ, Масальскихъ, Збаражскихъ, Корецкихъ, Корачевскихъ, Чорторыйскихъ, Лукомльскихъ, Сангушекъ, Рожинскихъ, Порыцкихъ. За ними признается княжескій титулъ, несуществовавшій въ Польшѣ. Съ тѣхъ поръ, малопо-малу вводятся въ Польскомъ государствѣ иностранные титулы: Тенчинскіе, Гурки, Тарновскіе и нѣкоторые другіе получаютъ титулы графовъ, а Радивилы—князей Римской имперіи; папа Климентъ VIII пожаловалъ Мышковскихъ въ маркизы. Въ началѣ XVI вѣка паны пытались утвердить свое преимущество передъ шляхтою путемъ законодательнымъ, но встрѣтили грозное

---

[2]) D-r Siegfried Hüppe («Verfassung der Republiq Polen», s. 71) говоритъ, что «die Gleicheit des Adels in Polen niemals mehr als ein Ideal war. Ebenso wie die Einstimmigkeit!»

[3]) W. A. Maciejowski, «Historya prawodawstw Słowiańskich», wyd. 2, t. II, str. 101—103, 107—108. — J. Lelewel, «Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne» (Paris, 1844), p. 15. [4]) Hüppe, 72.

сопротивленіе со стороны безчисленныхъ шляхтичей, собравшихся въ Львовѣ (1537). Хотя закономъ и не было признано разграниченіе между панами и шляхтою, тѣмъ не менѣе въ общежитіи оно существовало. Въ общественномъ мнѣніи старая, родовитая шляхта стояла несравненно выше новой, пожалованной королемъ [1]); а богатые паны содержали при своемъ дворѣ цѣлыя толпы мелкопомѣстной шляхты и, чтобы поддержать блескъ своего рода, учреждали ординаціи или майораты (Николай Ивановичъ Радивилъ въ 1589 г., Янъ Замойскій въ 1590 г.). Такимъ учрежденіемъ они обезпечивали будущность своего потомства, которое, въ противномъ случаѣ, при раздробленіи родоваго имущества, могло снизойти въ ряды простой шляхты, подобно тому, какъ шляхта уже въ это время съ утратою земельной собственности стала терять права̀ шляхетства: безземельная шляхта (gołota, odartus, impossessionatus) въ Польскихъ законахъ XVI вѣка рѣзко отличается отъ шляхтичей, которые были не только bene nati, но и possessionati. Голота подлежала гродскому суду, а не земскому, не могла занимать государственныхъ должностей и участвовать на сеймахъ. Своимъ происхожденіемъ она обязана развившемуся въ Польшѣ въ XV и XVI вѣкахъ принципу: каждый шляхтичъ долженъ быть помѣщикомъ. Вслѣдствіе этого принципа шляхетскія помѣстья дробились до безконечности, по мѣрѣ увеличенія потомства, что̀ порождало пауперизмъ. «Восемь шляхтичей изъ Ошмяны ведутъ одну козу на торгъ», говоритъ Польская поговорка. Въ Мазовшѣ, гдѣ шляхта составляла половину народонаселенія, были нерѣдки помѣстья объемомъ въ одинъ Магдебургскій моргъ, и шляхтичъ самъ обработывалъ свою землю босикомъ, но при шпорахъ (!) и саблѣ. О такихъ шляхтичахъ помѣщикахъ говаривали Русскіе мужики: «Если собака сядетъ на землю шляхтича, то хвостомъ достанетъ земли его сосѣда» [2]). Въ особыхъ отношеніяхъ къ панамъ находилась чиншо́вая и ленная шляхта: первая (на Руси Червонной и въ Литвѣ) платила имъ чиншъ, вторая-же (въ Польшѣ) находилась въ вассальныхъ къ нимъ отношеніяхъ (напр. Горайскимъ, по привилегіи 1583 г., была

---

[1]) Вислицкій статутъ 1347 года отличаетъ уже отъ старой шляхты (equites) новую (scartabellus, świerczałka), которая до послѣднихъ временъ не пользовалась равноправностью съ нею, какъ говоритъ Hüppe (s. 74): «Und bis auf die spätesten Zeiten hatte nicht der Neugeadelte die volle Berechtigung des Freien, sondern erst seine Urenkel, wenn nicht in der Nobilitationsurkunde ausdrücklich gesagt war praeciso scartabellatus».

[2]) Hüppe, s. 73.

подчинена шляхта въ окрестностяхъ Щебрженшина [3]). Такимъ образомъ, и въ общежитіи, и въ законодательствѣ дѣлалось различіе между старою, родовитою шляхтою и новопожалованною, между шляхтою-помѣщиками и безземельною голотою, между панами и ихъ вассалами; а слѣдовательно—шляхетскаго равенства не существовало. Если-же обратимся къ исторіи, то она намъ скажетъ, что надъ шляхтою, составлявшею десятую часть всего народонаселенія Польши и простиравшеюся до милліона людей [4]), господствовало нѣсколько сильныхъ и богатыхъ пановъ.

Какъ-же смотрѣли Польскіе писатели XVI вѣка на такое нарушеніе шляхетскаго равенства?

Одни изъ нихъ слѣдовали общественному мнѣнію и учили любить и чтить пановъ, какъ земныхъ боговъ (pana swego prawdziwie milować i we czci, jako ziemskiego boga, mieć), Представителемъ ихъ можно считать Луку Гурницкаго. Другіе-же, какъ Андрей Фричъ Модржевскій, Николай Рей изъ-Нагловицъ и Себастіанъ Клёновичъ, возставали противъ родовитой шляхты, гордившейся гербами и подвигами предковъ, и проповѣдывали новое ученіе о превосходствѣ личныхъ заслугъ передъ знатностью происхожденія.

Понятно, что такой писатель, какъ Лука Гурницкій, который почти всю жизнь свою провелъ при панскихъ дворахъ [5]),

---

[3]) Moraczewski, «Dzieje rzeczypospol. Polsk.», VI, 96—97.

[4]) По вычисленію Гюппе (стр. 79). — Іеронимъ Липпомано, Венеціянскій посолъ при Польскомъ дворѣ, въ реляціи отъ 1575 г., насчитываетъ только 200,000 штяхты («relazione del regno di Polonia di Girolamo Lippomani l'anno 1575»). Рукопись библ. св. Марка въ Венеціи № 917 Cl. VII, Ital. По моей копіи л. 18 об. По Польскому переводу Рыкачевскаго («Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690», t. I) стр. 257.—Фульвій Руджери, папскій нунцій въ Польшѣ, въ реляціи отъ 1565 г., говоритъ, что жителей въ Польскомъ королевствѣ, безъ шляхты, было 3.500,000, именно 2.500,000 хлоповъ и 1.000,000 мѣщанъ. «Шляхта живетъ большею частью по деревнямъ, и число ея весьма значительно; говорятъ даже, что изъ трехъ сословій—шляхты, мѣщанъ и хлоповъ—шляхта самая многочисленная (!), и притомъ такъ убога, что сама по большей части обработываетъ землю, именно въ Мазовшѣ, гдѣ не болѣе 20 зажиточныхъ шляхтичей, а остальные ходятъ за плугомъ» («Relacye nuncyusz.», t. I, str. 125).

[5]) Возвратившись изъ Италіи, гдѣ учился въ Падуанскомъ университетѣ, Гурницкій поступилъ ко двору славившагося гостепріимствомъ и ученостью Самуила Мацѣевскаго, епископа Краковскаго и великаго канцлера Короннаго, по смерти котораго (1545) пошелъ въ дворяне его преемника Андрея Зебржидовскаго († 1550 г.); затѣмъ онъ служилъ при дворахъ Пржирембскаго (впослѣдствіи архіепископа Гнѣзненскаго) и Филиппа Падневскаго, епископа Краковскаго и великаго канцлера Короннаго, по рекомендаціи котораго получилъ мѣсто секретаря и библіотекаря короля Сигизмунда-Августа. Гурницкій занималъ эту должность до 1565 года, когда былъ назначенъ старо-

не могъ относиться къ панамъ иначе, какъ съ раболѣпнымъ подобострастіемъ. Въ сочиненіи «Dworzanin Polski» (Польскій придворный) онъ представилъ апологію родовитой шляхты.

«Придворный, образовать котораго я хочу», говоритъ Гурницкій [1]), «долженъ происходить изъ знатнаго шляхетскаго дома; ибо не такъ стыдно нешляхтичу не поступать честно и благородно, какъ шляхтичу: если онъ хоть немного своротитъ съ того пути, по которому шли его предки, то оставитъ пятно на своемъ домѣ, и не только ничего не прибавитъ, но утратитъ и то, что́ было пріобрѣтено. Шляхетство подобно возженному свѣточу, который освѣщаетъ и дѣлаетъ очевидными добрые и злые поступки людей, возбуждаетъ, воспламеняетъ къ доблести, какъ боязнью хулы, такъ и надеждою на честь и славу [2]). Но этотъ свѣточъ не освѣщаетъ дѣлъ подлыхъ людей (низкаго происхожденія), а потому они не имѣютъ ни побужденія къ доблести, ни боязни хулы; напротивъ, имъ сдается, что они не обязаны стараться о томъ, чтобъ превзойти въ чемъ-нибудь своихъ предковъ; а шляхтичу кажется непристойнымъ не подойти хоть сколько-нибудь къ тому предѣлу, къ которому пришелъ его предокъ. А потому почти всегда бываетъ, что въ битвѣ или на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди добываютъ почести, шляхтичъ лучше поступаетъ и болѣе отличается, чѣмъ нешляхтичъ; ибо природа повсюду посѣяла сокровенныя зерна, которыя способность и силу, полученныя отъ своего предка, перваго зерна, передаютъ тѣмъ зернамъ, которыя выпустили изъ себя, и уподобляютъ ихъ самимъ себѣ. Это мы видимъ не только на табунахъ лошадей и у иныхъ животныхъ, но также на растеніяхъ, отрасли которыхъ всегда подобны стволу:

стою Васильковскимъ и Тыкотинскимъ. Умеръ послѣ 1602 года. Знаменитѣйшее его произведеніе—«Dworzanin Polski» (1-е изд. Краковъ, 1566). Образцомъ для него послужило «Il libro del Cortegiano» графа Вальтасара Кастильони (Венеція, 1528 г.); но содержаніе взято изъ высшаго Польскаго общества, половины XVI вѣка. Оно написано въ формѣ пріятельскихъ бесѣдъ при дворѣ Самуила Мацѣевскаго о томъ, каковымъ долженъ быть придворный; раздѣлено на 4 книги; отличается образцовымъ языкомъ.—Гурницкій писалъ также политическія брошюры и записки о своемъ времени («Dzieje w koronie Polskiej», 1538 — 1572). См. о немъ монографію Владислава Трембицкаго («Zbiór wiadomości o życiu i pismach L. Górnickiego», въ «Bibl. Warsz.», 1843, III, 77 sqq.).

[1]) «Rozmowy o dworzaninie», изд. Варш., 1761, кн. I, стр. 17 (по изд. Туровскаго, стр. 24—25).

[2]) «Szlachectwo jest jako rozpalona pochodnia, która objaśnia i kładzie przed oczy dobre i złe człowiecze sprawy, i pobudza, zapala ku cnocie, tam bojaznią niesławy, jako też nadzieją czci a chwały».

если-же случится выродокъ, то вина въ томъ не природы, а небрежнаго садовника. Тоже бываетъ и съ людьми: при хорошемъ воспитаніи они почти всегда подобны своимъ родителямъ, а часто и лучше ихъ. Если не будетъ хорошаго садовника или воспитателя, то, какъ садовое дерево обращается въ лѣсное, а домашнее животное въ дикое, такъ и человѣкъ скоро одичаетъ и никогда не подымется изъ такого состоянія, развѣ если naturae benignitas разсыплетъ на него свои дары....»

Изъ приведеннаго отрывка видно, что Гурницкій отдавалъ предпочтеніе старой, родовитой шляхтѣ передъ новою, подобно тому, какъ древніе Римляне считали патриціевъ выше, чѣмъ homines novi; отъ Римлянъ-же онъ заимствовалъ и свои доводы. Извѣстно, что, по ученію Горація,

Fortes creantur fortibus et bonis,
Est in juvencis, est in equis patrum
Virtus. Nec imbellem feroces
Progenerant aquilae columbam.

Какъ увидимъ впослѣдствіи, Гурницкій въ своемъ «Придворномъ» проповѣдывалъ не только прирожденность шляхтѣ гражданскихъ доблестей, но даже оボготвореніе пановъ.

Еще яснѣе Гурницкій выразилъ свой взглядъ на отношенія шляхты къ панамъ въ двухъ политическихъ брошюрахъ, въ которыхъ совѣтовалъ учредить въ Польшѣ аристократическое правленіе, по Венеціянскому образцу. Въ одной изъ нихъ («Rozmowa o elekcyi, o wolności, o prawie y obyczaiach Polskich, podczas elekcyi krola jego mości Zygmunta III czyniona») онъ говоритъ, что «трудно быть порядку тамъ, гдѣ всѣ управляютъ: демократія (pospolstwo)— звѣрь многоголовый, а не объ одной головѣ, а потому не легко ее укротить»—демократія (populus) ведетъ къ тираніи, единодержавію; единственное средство для ея обузданія—возвышеніе сенаторскаго сословія и образованіе изъ него постояннаго сейма (sejm ustawiczny), который бы находился при особѣ короля [3]).

Въ другой брошюрѣ, изданной уже по смерти автора его сыномъ (въ Эльблонгѣ 1650 г.) подъ заглавіемъ «Droga do zupełney wolności», Гурницкій подробнѣе развиваетъ свой проэктъ преобразованія Поль-

---

[3]) Мы пользовались 2-мъ изданіемъ 1616 года (Краковъ). Первое изданіе, неизвѣстно гдѣ и когда вышедшее, озаглавлено такъ: «Rozmowa Polaka z Włochem o wolnościach i prawach Polskich». Эта брошюра раздѣлена на три разговора: 1—объ избраніи короля, 2 — о Польскихъ законахъ и 3 — о необходимости реформъ въ Польскомъ государствѣ. Подъ выраженіями pospolstwo, populus Гурницкій понимаетъ шляхту.

скаго правительства: кромѣ постояннаго сейма, члены котораго выбираются ежегодно и который былъ-бы тѣмъ-же, чѣмъ былъ въ Венеціи Большой Совѣтъ (Consiglio Maggiore), онъ предлагаетъ учрежденіе еще двухъ новыхъ Управленій или Совѣтовъ: Верховнаго (Rada или Urząd Gorny), изъ 17-ти членовъ, выбираемыхъ на полгода, и Совѣта Двѣнадцати (Urząd dwunastu mężów), ежегодно избираемыхъ, по образцу и съ атрибутами Венеціянскихъ Consiglio Minore i Consiglio Dieci. По проэкту Гурницкаго, король былъ-бы только предсѣдателемъ этихъ двухъ совѣтовъ съ правомъ голоса, а Польшею управляли-бы 28 пановъ. «Самъ по себѣ онъ не имѣлъ-бы никакой власти, а правилъ-бы вмѣстѣ съ ними. Что-же касается его неволи, то это святая неволя — жить хорошо, имѣть большіе доходы, прекрасный дворъ, потѣшаться охотою, быть у всѣхъ въ почетѣ, быть избирателемъ на высшія государственныя должности и не трястись по дорогамъ» [1]).

Совѣты Гурницкаго пришлись какъ нельзя болѣе по сердцу Польскимъ панамъ, которымъ хотѣлось имѣть de jure ту власть, которою они пользовались de facto [2]).

Иначе смотрѣлъ на отношенія пановъ къ шляхтѣ, иной взглядъ на шляхетство имѣлъ другой Польскій писатель XVI вѣка, Николай Рей изъ-Нагловицъ [3]). Хотя онъ и воспитался при

---

[1]) «Sam (Król) nie będzie nic mogł, ale ze wszystkiemi władać wszystkiem będzie. A co się tej niewoli tycze, swięta to niewola — mieć się dobrze, mieć wielkie dochody, dwor ozdobny, używać przejazdek w łowy, być we czci u wszystkich, elektorem być wszystkich dostojenstw a nie kołatać się po drogach» (по изд. 1650 г. G. III; эта брошюра перепечатана Туровскимъ: «Pisma prozaiczne Łukasza Górnickiego»).

[2]) Впослѣдствіи мы подробнѣе разсмотримъ проэктъ государственныхъ реформъ Польши, представленный Гурницкимъ.

[3]) Сохранилась любопытная его біографія, написанная другомъ его Андреемъ Тржецескимъ (она перепечатана Туровскимъ въ приложеніи къ сочиненію Рея «Żywot człowieka poczciwego»). Новѣйшее изслѣдованіе о немъ Бронислава Завадскаго вышло во Львовѣ въ 1875 году: «Mikolaj Rej z Nagłowic». Рецензія на это изслѣдованіе, написанная П. Хмѣлевскимъ, помѣщена въ выходящемъ въ Варшавѣ журналѣ «Niwa» (январь 1875). Характеристику Рея изъ-Нагловицъ представилъ I. И. Крашевскій въ сочиненіи «Dziś i lat temu trzysta» (Вильна, 1863): авторъ сопоставляетъ современную ему шляхту съ шляхтою временъ Рея. Для сравненія съ Реемъ любопытно также извѣстное сочиненіе Игнатія Красицкаго, «Pan podstoli», въ которомъ представленъ идеалъ шляхтича конца прошлаго вѣка. О жизни Рея (1505—1568) извѣстно очень мало. Онъ происходилъ изъ стараго Чешскаго рода Вершовцевъ, назвавшихся впослѣдствіи Окшичами. Отецъ его былъ зажиточный шляхтичъ и жилъ въ своемъ мѣстечкѣ Журавнѣ на Днѣстрѣ. Заботясь о воспитаніи своего сына, онъ отдалъ его въ школу сначала въ Краковѣ, а потомъ въ Львовѣ; но Николай, ничему не научившись, вернулся домой, гдѣ, по словамъ его біографа, до 18 лѣтъ билъ баклуши (baki strzelał). Отданный на 20-мъ году ко двору Тенчинскаго, онъ мало-по-малу привыкалъ къ чтенію Латинскихъ класси-

дворѣ пана Андрея Тенчинскаго, воеводы Судомірскаго, но, какъ человѣкъ самостоятельный, обязанный образованіемъ самому себѣ, онъ не таскался по панскимъ дворамъ, не искалъ милостей знатныхъ и богатыхъ пановъ, а жилъ независимо въ своихъ имѣніяхъ, изрѣдка появляясь при королевскомъ дворѣ и на сеймахъ. Въ знаменитѣйшемъ своемъ произведеній «Żywot człowieka poczciwego» онъ представляетъ идеалъ шляхтича по своему образцу. «Не тотъ, говоритъ онъ [4]), правый шляхтичъ, кто не украшенъ доблестями, а такъ только титулуется или печать съ гербомъ носитъ на пальцѣ, или повѣсивъ ее на шнурѣ на шеѣ, или кто печатаетъ краснымъ или зеленымъ воскомъ, или кто на красивыхъ воротахъ навѣшалъ или прибилъ таблицы съ гербами, или кто хвалится дѣдами, прадѣдами и иными своими предками. Это еще мало. Напротивъ, если ты выродился изъ нихъ, отличаясь только распутными нравами, то лучше бы и не вспоминалъ ихъ, потому что ты ихъ унизилъ, и если бы они были живы, то очень бы гнѣвались, что ты называешься ихъ потомкомъ. Если ты и подобенъ имъ лицемъ или ростомъ, то обычаями далеко отъ нихъ различенъ. И не знаю, не отказались-ли бы они отъ отъ тебя. Правое шляхетство есть нѣкая чудная сила и настоящее гнѣздо доблести, славы, достоинства и чести [5]). Кто столь почтенное гнѣздо добровольно самъ оскверняетъ, тотъ уподобляется смердящему удоду, который и самъ смердитъ, и гнѣздо свое пакоститъ, чего ни одна птица не дѣлаетъ, напротивъ—каждая чиститъ его. Ибо это благороднѣйшее сокровище основывается на трехъ

ковъ, на которыхъ и образовалъ себя. Женившись, поселился въ деревнѣ, гдѣ занимался хозяйствомъ и чтеніемъ. Николай государственной должности не хотѣлъ принять, но на сеймахъ изрѣдка бывалъ и даже говорилъ рѣчи, (на Петрковскомъ сеймѣ 1558—9 гг. о правахъ шляхты, о неповиновеніи Прусскихъ городовъ и о папскихъ аннатахъ, которыя совѣтовалъ употребить на оборону государства). Выдвинутый на литературное поприще своими единовѣрцами—Кальвинистами, онъ въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ нападалъ на католицизмъ, но потомъ сталъ вѣротерпимѣе. Писалъ много въ стихахъ и прозѣ. Для насъ особенно важны: «Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego» (1560), «Zwierzyniec» (1562) и «Zwyerciadlo» (1567), главную часть котораго составляетъ «Żywot człowieka poczciwego».

[4]) «Zwierciadło albo kształt, w którym każdy stan snadnie się może swym sprawam jako we zwierciadle przypatrzyć (Краковъ, 1568). Księgi wtore Żywota poczciwego człowieka, list 52 (въ изд. Туровскаго, стр. 108—109). —Въ составъ этой книги вошли: «Żywot człowieka poczciwego», «Apophtegmata», «Narzekania wszey Korony» и «Zbroia rycerza». — «Żywot», по тремъ возрастамъ человѣческимъ, раздѣленъ на 3 книги: въ 1-й говорится о воспитаніи юношества, во 2-й—о жизни домашней и общественной шляхты, въ 3-й—о томъ, какъ слѣдуетъ проводить старость.

[5]) «Albowiem szlachectwo prawie iest iakaś moc dziwna a prawie gniazdo cnoty, slawy, każdej powagi y poczciwości».

вещахъ: на благородномъ происхожденіи благородныхъ предковъ, на благоразумномъ воспитаніи и, болѣе всего, на приличномъ и пристойномъ поведеніи». Примѣрами изъ Греческой и Римской исторіи авторъ старается доказать, что человѣка возвышаютъ личныя его доблести, а не внѣшній блескъ или знатное происхожденіе, и заключаетъ словами: «Шляхетство заключается не въ благородствѣ происхожденія, не въ красотѣ лица, не въ гордой осанкѣ, не въ выставленныхъ напоказъ гербахъ: все это какъ-бы ягоды на шиповникѣ—съ-виду красны, но вкусу никакого, а шипы колятъ-себѣ! Но кто украсится доблестью, воздержаніемъ, благородными поступками, прекрасными дѣлами,—тотъ подобенъ хорошо привитому деревцу, которое приноситъ красивые и вкусные плоды [1]).

Рей представляетъ намъ идеалъ человѣка-шляхтича: въ его головѣ, непривыкшей къ строгому мышленію, понятія о шляхетствѣ и доблести смѣшались, и его poczciwy człowiek есть идеалъ шляхтича. Подсмѣиваясь надъ панами, хвалящимися славою своихъ предковъ, гордящимися гербами, онъ, по воззрѣніямъ своимъ на другія, низшія сословія остался шляхтичемъ: онъ признавалъ человѣческія достоинства только въ шляхтѣ, а потому признавалъ важность шляхетскаго происхожденія, но не въ такой степени, какъ Гурницкій. Много въ его глазахъ значило шляхетское происхожденіе, но далеко не все: чтобъ быть шляхтичемъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ, необходимо было еще получить хорошее воспитаніе и отличаться безукоризненною жизнью. Личныя качества, личныя заслуги возвышаютъ одного шляхтича надъ другимъ, а не древность рода, не слава предковъ, не богатство.

Шляхетское происхожденіе и недостатокъ образованія не позволили Рею повыше подняться надъ сословными предразсудками своего вѣка: это удалось жившему нѣсколько позже его, замѣчательному эпическому и сатирическому поэту, Севастіану Фабіану Клёновичу [2]), и это удалось ему, благодаря преимущественно

[1]) «A tak nie toć iest szlachectwo zacność narodu, piękna uroda, wspaniała postawa, wywieszone herby, wszytkoć to są iako iagody na głogu, chociaż się pięknie czyrweneią, ale smaku w nich żadnego nie masz, a głog przedsię drapie. Ale ktho się nie ozdobi cnotą, pięknym na wszem umiarkowaniem, poććiwemi postępki, nadobnemi a ozdobnemi sprawami, ten iest iako szczep pięknie usczepiony, któryś siebie nadobne iagodki a wdzięczne owoce zawszdy podawać może» (по изд. 1568 г. л. 52 об., по изд. Туровскаго стр. 110).

[2]) Клёновичъ (по Латыни Acernus) родился въ 1551 году въ Сульмержицахъ (въ нынѣшнемъ великомъ княжествѣ Познанскомъ), гдѣ отецъ

тому, что онъ происходилъ изъ мѣщанскаго сословія и получилъ основательное образованіе въ Краковской академіи. «Мудрецы, говоритъ онъ въ поэмѣ «Victoria deorum» [3]), поставили шляхетство съ его титулами на высокой скалѣ доблести, подобно тому, какъ искусный архитекторъ построилъ среди мраморныхъ утесовъ замокъ, высѣченный изъ твердаго алмаза. Если мать природа возжетъ счастливую звѣзду, то шляхетство будетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ снисходительнѣе посмотритъ на тебя царственное свѣтило, и если небо броситъ на тебя дружественный лучъ и при твоемъ рожденіи не зажжется злая звѣзда. Но природу и звѣзды побѣждаетъ трудъ и постоянство: ими достигаются божественные чертоги Пиѳагора, его положили боги на границѣ доблести». Далѣе поэтъ описываетъ гордый замокъ добродѣтели на неприступной скалѣ. Путь къ нему затрудняетъ судьба, несправедливая къ доблестнымъ; но трудомъ, постоянствомъ и терпѣніемъ побѣдишь и Юнону, и мачиху-природу. «Богъ-же могущественнѣе всѣхъ геніевъ: онъ управляетъ звѣздами; его святая воля движетъ невидимыми силами и людьми. Онъ обуздываетъ страсти людей, онъ побуждаетъ ихъ къ доблести — матери шляхетства. Отожествляя шляхетство (nobilitas) съ доблестью (virtus), Клёновичъ вѣритъ въ прирожденныя человѣку качества и во вліяніе на него звѣзды, появляющейся на небѣ при его рожденіи; но природа

его былъ войтомъ; изучалъ въ Краковской академіи право, филологію и философію и, по окончаніи курса, получилъ степень доктора философіи и магистра свободныхъ наукъ; съ 1576 по 1580 годъ служилъ при магистратѣ во Львовѣ, откуда переселился въ Люблинъ, гдѣ съ 1583 г. былъ писаремъ и лавникомъ, а потомъ райцею—до своей смерти (1608 г.). Писалъ по-Польски и по-Латыни. Въ поэмѣ «Flis» (1595 г.) онъ описалъ берега Вислы отъ Варшавы до Гданска и нравы и обычаи прибрежныхъ жителей. Въ другой поэмѣ на Польскомъ языкѣ—«Worek Iudaszow» (1600)—онъ изобразилъ пороки современной ему Польши. Изъ двухъ его поэмъ на Латинскомъ языкѣ—«Roxolania» описываетъ Червонную Русь и ея жителей, а «Victoria deorum» (1595—1605) представляетъ этику въ стихахъ, вмѣстѣ съ описаніемъ Польскаго общества и государства: за эту ѣдкую сатиру на шляхту и духовенство поэтъ подвергся преслѣдованію преимущественно со стороны іезуитовъ. О немъ A. Mierzyński написалъ монографію: «De vita, moribus scriptisque latinis S. Z. Acerni» (Берлинъ, 1857). При ней приложенъ текстъ «Роксоланіи».

[3]) Sebastiani Sulmircensis Acerni, «Victoria deorum, ubi continetur veri herois educatio» (безъ обозначенія мѣста и года изданія), cap. II, pp. 12—12. Это обширная дидактико-сатирическая поэма въ 44 главахъ (683 страницы), основанная на изреченіи: bene nasci, bene vivere et bene mori,—переполненная заимствованіями изъ Латинскихъ классиковъ, особенно Ювенала и Виргилія. Въ посвященіи Адаму Горайскому поэтъ такъ опредѣляетъ свою цѣль: «Movit nos igitur et incitavit ad hoc opus aggrediendum morum nostri saeculi superba, invidiosa et insignis depravatio, qua propter haec scripta nostra multis in locis accedunt ad satyricam petulantiam».

и звѣзды побѣждаются упорнымъ трудомъ надъ самимъ собою. Онъ вѣритъ также въ судьбу и въ предопредѣленіе Божіе.

Эта смѣсь языческихъ съ христіанскими вѣрованіями была свойственна его вѣку. Эти вѣрованія раздѣлялъ и Рей. Онъ говоритъ: «одинъ родится злымъ, другой—добрымъ, одинъ—гордымъ, другой—покорнымъ, одинъ—щедрымъ, другой—скупымъ, одинъ—пьяницею, другой—трезвымъ, одинъ—мудрымъ и разсудительнымъ, другой—глупымъ, тупымъ и прирожденно-беззаботливымъ.... Это называется по-Латыни fatum....» [1]). И онъ также вѣрилъ во вліяніе на человѣка звѣздъ и и въ предопредѣленіе (praedestinatio [2]). Для борьбы съ прирожденными склонностями, по его словамъ, Богъ далъ человѣку разумъ, указывающій ему путь къ добру и правдѣ [3]).

Шляхетство, продолжаетъ Клёновичъ [4]), столь-же древне какъ родъ человѣческій: оно столь-же естественное вознагражденіе за доблести, какъ за пороки—наказаніе. Какъ въ древности награждали доблестныхъ людей конями, щитами и золотыми цѣпями, такъ въ Польшѣ въ награду жаловали ихъ шляхетствомъ (pasowanie na rycerstwo). Высшею наградою за доблести были царскіе корона и скипетръ. Шляхта отъ хлопства отличается между людьми такъ-же, какъ между богами Dii majores et minores, какъ солнце отличается отъ звѣздъ, левъ отъ прочихъ животныхъ, орелъ отъ остальныхъ птицъ. Даже въ республикѣ пчелъ есть свой царь.

Война была первымъ случаемъ къ проявленію доблести и къ наградѣ шляхетствомъ. Но одной храбрости на войнѣ еще недостаточно, чтобъ заслужить званіе шляхтича. Тотъ только настоящій шляхтичъ, достойно носящій свой гербъ, кто угоденъ богамъ, кто защищаетъ и украшаетъ отечество, кто съ доблестью соединяетъ умъ, кто счастливо выполняетъ замыслы ума, кто своими талантами побѣждаетъ природу и звѣзды.... Тотъ шляхтичъ, кого вѣнчаютъ его благодѣянія, кого милуютъ небесные боги.... Тотъ только достоинъ званія шляхтича, кто возвышается надъ чернью славою своихъ подвиговъ.... Все равно изъ древняго или новаго рода происходитъ тотъ мужъ, что сіяетъ собственною славою, пріобрѣтенною блистательными дѣлами. Если онъ желаетъ хвалы отъ отдаленныхъ потомковъ, пусть достойно служитъ современникамъ. Если кто такъ поступаетъ, зачѣмъ мнѣ спрашивать объ его предкахъ? Доблесть есть един-

---

[1]) «Żyw. człow. poczciw.», kn. I, cap. I, f. 2 (1568,—по изд. Туровскаго, стр. 6). [2]) Ibid. f. 2 (у Туровскаго, стр. 7). [3]) Ibid., cap. II, f. 4 (у Туровскаго, стр. 9). [4]) «Victoria deorum», cap. III, pp. 12—16.

ственное украшеніе шляхтича [5]). Примѣрами изъ исторіи поэтъ доказываетъ, что многіе знаменитые люди были низкаго происхожденія; а слѣдовательно, основаніе шляхты—не происхожденіе, а доблесть [6]).

Но зачѣмъ обращаться къ исторіи другихъ народовъ, продолжаетъ поэтъ [7]), если собственная наша исторія свидѣтельствуетъ:

Nobilitatis opes modicis exurgere rivis
Virtutemque sacram nil stemmata prisca morari.

И въ примѣръ приводитъ Пяста и Лешка II. Даже не отъ законнаго брака, говоритъ онъ далѣе [8]), происходили знаменитые люди (Ахиллъ, Александръ Македонскій, Ромулъ и Ремъ), но славою подвиговъ они стерли съ себя пятно своего происхожденія. Потомъ Клёновичъ приводитъ argumenta e contrario [9]), у знаменитыхъ людей бываютъ негодныя дѣти. Наконецъ, переходитъ къ argumentum ad minus: подобно царствамъ, погибаютъ и вымираютъ знатные роды, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть вѣчнымъ; а слѣдовательно, самый принципъ родовитой шляхты непроченъ; старые шляхетскіе роды раньше или позже должны уступить мѣсто новымъ [10]). Возраженіе защитниковъ старой шляхты, опирающееся на вышеприведенномъ изреченіи Горація, поэтъ находитъ тупымъ, потому что отъ животныхъ нельзя заключать о людяхъ: качества животныхъ—матеріальныя, качества людей—духовныя [11]).

Съ такою силою и послѣдовательностью Клёновичъ опровергалъ теорію общественныхъ преимуществъ, даруемыхъ рожденіемъ. Теорія личныхъ заслугъ нашла въ немъ ревностнаго поборника, незараженнаго, подобно Рею, шляхетскими предразсудками: онъ не только не отрицалъ человѣческихъ достоинствъ въ среднемъ и низшемъ сословіи, но, напротивъ, старался доказать, что пятно самаго низкаго происхожденія смывается личными заслугами, а знатность происхожденія унижается и оскверняется личными недостатками и пороками. Онъ проповѣдуетъ равенство не одной шляхты, а всѣхъ сословій: по его теоріи, законъ долженъ одинаково карать и награждать всѣхъ гражданъ, не взирая на ихъ происхожденіе. И эту теорію онъ проводитъ во всей своей обширной поэмѣ, какъ будемъ имѣть случай убѣдиться впослѣдствіи. Клёновичъ выше Рея, не только по своей теоріи, но и по впечатлѣнію, которое онъ производитъ на читателя; самоучка Рей, почерпавшій свои свѣдѣнія изъ опыта

---

[5]) Ibid. cap. IV, pp 16—18. [6]) Ibid. cap. V—XI. [7]) Ibid. cap. XII, pp. 64 sqq. [8]) Ibid. cap. XIII, pp. 69 sqq. [9]) Ibid. cap. XIV—XVII. [10]) Ibid. cap. XVII, p. 82. [11]) Ibid. cap. XVIII—XIX.

жизни, дѣйствуетъ на сердце; Клёновичъ силою науки дѣйствуетъ на умъ. Отъ того современники смотрѣли на Рея, какъ на забавнаго шутника и остряка, а на Клёновича, какъ на опаснаго новатора; надъ однимъ трунили, другого преслѣдовали.

Тѣже доводы противъ общественныхъ преимуществъ родовитой шляхты представилъ почти за полвѣка до Клёновича, знаменитый Польскій политикъ, Андрей Фричь Модржевскій (Modrevius) [1]). Въ сочиненіи «De republica emendanda» [2]) онъ говоритъ: «Вижу, что, по нашимъ обычаямъ и законамъ, высшія государственныя должности отдаются только шляхтѣ. И, по-видимому, та̀къ и слѣдуетъ: ибо одни почти шляхтичи имѣютъ у насъ постоянныя мѣста̀ жительства и вѣрные доходы: они не занимаются грязными ремеслами или прибыльными операціями, поселяющими въ людяхъ отвращеніе, а обработываютъ землю, плоды которой составляютъ ихъ доходъ. Для государства-же важно, чтобы начальники (praefecti) были людьми зажиточными; ибо люди черезъ-чуръ бѣдные или слишкомъ богатые, занимая высшія государственныя должности, обыкновенно эксплоатируютъ государство, по бѣдности или другой причинѣ. Слѣдуетъ въ пользу шляхты припомнить еще то важное обстоятельство, что она происходитъ отъ тѣхъ, которые храбро защищали государство и часто жертвовали за него своею жизнію; а почти всегда случается, что сыновья всегда стараются походить на своихъ отцевъ и предковъ, а потому государство ожидаетъ отъ потомковъ тѣхъ-же результатовъ доблести, какіе оно получило отъ предковъ. Но слѣдуетъ, чтобы всѣ шляхтичи были того мнѣнія, что государство удостоиваетъ ихъ почестей не столько за ихъ происхожденіе, сколько за доблесть ихъ предковъ: кто изъ нихъ выродился, тотъ ихъ недостоинъ. Должно-бы войти въ обычай, что-

---

[1]) Отвѣчая на пасквиль Станислава Оржеховскаго («Tricius sive de majestate sedis Apostolicae»), Модржевскій сообщаетъ краткія свѣдѣнія о своей государственной службѣ: «разъ я былъ посломъ къ Альберту, князю Прусскому, два раза секретаремъ посольства къ императору Карлу V и къ брату его Римскому королю Фердинанду и разъ къ Генриху Младшему, князю Брауншвейгскому; при женѣ его королевнѣ исправлялъ должность канцлера». Онъ происходилъ изъ небогатыхъ шляхтичей; родился около 1500, умеръ около 1590 года.

[2]) A. Fr. Modrevii, «Commentariorum de republica emendanda» libri V, Basileae 1554, lib. I, cap. XVIII, pp. 60—63.— Первое изданіе вышло въ Краковѣ въ 1551 году. Это сочиненіе раздѣлено на 5 книгъ: I—de moribus, II—de legibus, III—de bello, IV—de Ecclesia, V—de schola. — 4 книги (за исключеніемъ 4-й о церкви) были изданы въ Польскомъ переводѣ Кипр. Баришка въ Лейпцигѣ въ 1577 г. (есть и новыя изданія: Виленское 1770, Перемышльское 1857). Изображая современую ему Польшу, авторъ предлагаетъ разныя реформы. Мы неоднократно будемъ обращаться къ этому замѣчательному произведенію Польскаго ума XVI вѣка.

бы, при отличенiи почестями, болѣе всего обращалось вниманiе на доблесть. Да не попустить король или тотъ, кому подобаетъ, чтобы хвалились передъ нимъ закоптѣлыми изображенiями предковъ; но пусть узнаетъ умъ и характеръ того, кого намѣренъ удостоить почестей, — пусть услышитъ его голосъ въ сенатѣ или въ судѣ, пусть истребуетъ его совѣта, пусть узнаетъ его дѣятельность на войнѣ и въ мирное время. Ибо кто не привыкъ къ подобнымъ дѣламъ ума и науки, кто не знаетъ и не терпитъ честнаго труда, кто обыкновенно проводитъ большую часть времени въ игрѣ и на пирахъ, едва-ли будетъ замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ. Тому, кто соединяетъ съ лѣностью порочность, развѣ государственная служба не дастъ случая произвольно нарушать законъ и несправедливо оскорблять? Такой человѣкъ будетъ пристрастенъ какъ въ выборѣ, такъ и въ обхожденiи съ подчиненными. Такiе люди ненавидятъ честныхъ, храбрыхъ и умныхъ, усматривая въ ихъ молчанiи дурное о себѣ мнѣнiе, зная, что ихъ болѣе уважаютъ и считаютъ болѣе достойными, чѣмъ ихъ самихъ. Итакъ, слѣдуетъ знать познанiя и поведенiе того, кого назначаютъ на госудаственную службу. Пусть предстанутъ его заслуги для государства или церкви, пусть будутъ на лицѣ доказательства его доблести и способности. А такимъ образомъ почестями будутъ вонаграждаемы не прадѣдовскiе гербы, а доблести, съ ними соединенныя. Но такъ какъ многiе полагаютъ, что при назначенiи на почетныя должности слѣдуетъ болѣе обращать вниманiе на шляхетское происхожденiе чѣмъ на доблесть, то слѣдуетъ изобличить это заблужденiе и постановить, что истинное шляхетство состоитъ не столько въ знаменитости предковъ или въ древности гербовъ, сколько въ доблести (veram nobilitatem non tam in majorum claritate, aut stemmatum vetus tateрositam esse, quam in virtute). Ибо кто не знаетъ, что никто не таковъ, какъ его предки, и что какъ имѣнiя, такъ и родители не въ насъ, а внѣ насъ. Если у меня больше средствъ, чѣмъ у тебя, то я богаче тебя, если мои предки оказали государству больше услугъ, чѣмъ твои, то они выше твоихъ; но какъ богатства не дѣлаютъ меня доблестнымъ, такъ и шляхетство предковъ не дѣлаетъ меня шляхетнымъ.... На столько-же кровь твоихъ шляхетныхъ предковъ дѣлаетъ тебя шляхетнымъ, на сколько кровь отцевъ-ремесленниковъ дѣлаетъ сыновей ремесленниками, кровь атлетовъ атлетами, кровь медиковъ медиками. Если отъ медиковъ не родятся медики, отъ ремесленниковъ ремесленники, отъ атлетовъ

атлеты, то по сходству слѣдуетъ заключить, что отъ шляхтичей также не родятся шляхтичи; ибо часто сыновья не походятъ на родителей, иногда отъ хорошихъ родятся дурные, какъ отъ дурныхъ хорошіе».

Подтвердивъ это положеніе примѣрами изъ Римской и Польской исторіи, авторъ продолжаетъ: «Кто-же думаетъ, что шляхетство предковъ можетъ чрезъ посредство крови (sanguinis communione) перейти къ потомкамъ? Гербы свидѣтельствуютъ только о доблести и подвигахъ нашихъ предковъ. Ихъ побѣды и тріумфы должны насъ побуждать къ подражанію ихъ дѣяніямъ; но они не могутъ возвысить насъ надъ другими, пользующимися равными съ нами правами, точно также какъ надпись или изображеніе не придаетъ вѣсу сосуду. Дуракъ, пожалуй, этому и повѣритъ, но не человѣкъ знающій и разсудительный. Гербы не могутъ имѣть инаго вліянія, какъ только возбуждать насъ къ подражанію доблестямъ предковъ, которыми они пріобрѣли важные титулы и славное имя. Если-же мы не стремимся походить на нашихъ родителей, то, по справедливости, считаютъ насъ выродками, стоящими ниже тѣхъ, у кого нѣтъ такихъ славныхъ семейныхъ преданій. Доблесть не можетъ передаваться по наслѣдству отъ предковъ потомкамъ, какъ имущество по завѣщанію: она пріобрѣтается собственными дѣлами и трудомъ. Кому болѣе нравится бездѣйствіе и нѣга, кто поступаетъ неблагородно, кто безчеститъ своими пороками себя, родителей и друзей, да знаетъ тотъ, что онъ выродился изъ шляхетности предковъ и ни къ чему не послужатъ ему древнія изображенія и славныя дѣянія дѣдовъ и прадѣдовъ, какъ слѣпому самый яркій свѣтъ, какъ глухому самые пріятные звуки. Но большая часть нашей шляхты заражена превратными мнѣніями; ибо они придаютъ происхожденію большее значеніе въ государствѣ, чѣмъ чему-нибудь иному, а потому весьма многіе не заботятся о томъ, чтобъ блистать нравами, ученостью, славными дѣяніями: непривычные къ труду, они проводятъ долгія ночи въ игрѣ въ кости и въ возліяніяхъ Бакху; ни о чемъ они столько не заботятся, какъ о томъ, чтобъ блистать драгоцѣнными камнями, серебромъ и золотомъ, дорогими одеждами и многочисленною дворнею».

Сравнивая Модржевскаго съ Клёновичемъ, находимъ большое между ними сходство: и тотъ, и другой представляютъ тѣже самые доводы противъ ненормальнаго положенія въ Польскомъ государствѣ знатныхъ пановъ, захватившихъ въ свои руки всю власть. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Клёновичъ копиро-

валъ Модржевскаго; скорѣе, оба они были отголоскомъ мнѣнія передовыхъ людей Польши XVI вѣка, къ сожалѣнію, весьма немногочисленныхъ, а потому неимѣвшихъ рѣшительнаго вліянія на общественное мнѣніе, которое отдавало предпочтеніе знатности происхожденія передъ личными заслугами. Такіе единичные представители правды и разума, какъ Модржевскій, Клёновичъ и Рей, не могли повліять на массу шляхты, жившей на панскомъ хлѣбѣ и видѣвшей въ своихъ панахъ земныхъ боговъ; а исторически развивавшаяся впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ власть пановъ не могла быть такъ легко и такъ скоро поколеблена усиліями нѣсколькихъ людей, хотя бы они были одушевлены самыми благородными стремленіями.

2. Воспитаніе и общественныя школы.

Даже такіе писатели, какъ Рей, Гурницкій и Клёновичъ, которые вѣрили во вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка и во врожденные ему пороки и доблести, не отрицаютъ важности воспитанія; другіе-же писатели, стоявшіе выше ихъ по своему уму и образованію, считаютъ вопросъ о воспитаніи однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Многіе изъ Польскихъ писателей XVI вѣка оставили намъ свои воззрѣнія на этотъ вопросъ: признавая единогласно дурное состояніе школъ и дурную систему воспитанія въ современной имъ Польшѣ, они предлагаютъ, каждый по своему разумѣнію, необходимыя реформы.

На недостатокъ школъ нельзя было жаловаться: ихъ было довольно много, и число ихъ втеченіе XVI вѣка постоянно увеличивалось; но многочисленныя школы католическія и иновѣрческія болѣе вредили государству и отдѣльнымъ гражданамъ, чѣмъ приносили пользу: онѣ были въ рукахъ духовенства, которое преслѣдовало своекорыстныя цѣли, вовсе не заботясь о томъ, чтобы его воспитанники получили образованіе сколько-нибудь пригодное для ихъ самихъ и для государства.

Во главѣ общественныхъ школъ стояла Краковская академія, учрежденная Казиміромъ Великимъ (1364) и возобновленная Владиславомъ Ягайлой (1397 — 1400); но, находясь въ рукахъ духовенства, она стала исключительно католическою духовною семинаріею (по постановленію Пётрковскаго синода 1542 года, ея воспитанники должны были даже носить «habitum clericalem»), которая,

по словамъ Польскаго писателя [1]), заботилась болѣе о царствѣ небесномъ, чѣмъ о пользѣ государства. «Богословіе и схоластическая философія Ѳомистовъ (послѣдователей и толкователей Ѳомы Аквинскаго) и Дунсъ-Скота (съ начала XVI вѣка), диспуты, астрологическія бредни занимали ее болѣе всего; необходимыя-же для края науки, каковы: право, даже каноническое, и медицина, были въ полнѣйшемъ пренебреженіи». Поэтому Польская молодежь искала образованія за границею — въ университетахъ Пражскомъ, Парижскомъ, Итальянскихъ (въ Падуѣ, Болоньѣ и Римѣ) и Нѣмецкихъ (католики ѣздили въ Вѣну, Ингольштадтъ и Стразбургъ,— протестанты въ Виттенбергъ, Лейпцигъ, Франкфуртъ-надъ-Одрою, Крулевецъ и Лейденъ). Изъ нихъ выходили люди, дѣйствительно, замѣчательные по уму и образованію, а Краковская академія порождала только золотую посредственность: изъ среды своихъ профессоровъ она поставляла епископовъ и архіепископовъ, а своими воспитанниками переполняла монастыри, отнимая у государства тысячи рукъ и головъ. Вмѣсто истиннаго просвѣщенія, она распространяла суевѣрія; не давая необходимыхъ въ жизни познаній, она посредствомъ пустыхъ богословско-схоластическихъ препираній пріучала своихъ учениковъ къ фразёрству; возбуждая ихъ къ насилію надъ единовѣрцами и позже надъ іезуитами и защищая ихъ отъ заслуженной за это кары, она развивала въ нихъ своеволіе и пренебреженіе закона. Даже такіе защитники Краковской академіи, какъ ректоръ ея, Яковъ Гурскій [2]), сознавались, что ея профессоры думали только о личной корысти, а не о наукѣ, и что своимъ безнравственнымъ поведеніемъ привели ее въ упадокъ [3]).

Какъ было велико число среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ XVI вѣкѣ, опредѣлить невозможно по недостатку источниковъ. Къ среднимъ принадлежали школы въ Пултускѣ, Познани (основана епископомъ Любранскимъ въ 1502 г.), Львовѣ, Эльблонгѣ, Торунѣ и Гданскѣ. Низшихъ (элементарныхъ) школъ было болѣе въ городахъ и мѣстечкахъ, чѣмъ въ деревняхъ, хотя со времени Сигизмунда Старшаго рѣдко при какомъ деревенскомъ костелѣ не было школы. Всѣ католическія школы находились подъ непосред-

[1]) J. Łukaszewicz, «Historya szkół w Koronie i w wielkiem księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794». T. I. (Познань, 1849), стран. 49.

[2]) «Apologia D. Jacobi Gorscii pro academia Cracoviensi, publice in renunciandis novis magistris dicta A. D. 1581 die 11 mensis Martii». Cracoviae, 1581.

[3]) J. Łukaszewicz, op. cit. I, 49—66.—Cnf. J. Sołtykowicza «O stanie akademii Krakowskiey od założenia jey w roku 1347 aż do teraźnieyszego czasu». W Krakowie 1810 (панегирикъ академіи и ея профессорамъ).

ственнымъ надзоромъ духовенства. Въ низшихъ школахъ учили читать и писать, ариѳметикѣ, катихизису, церковному цѣнію и Латыни по грамматикѣ Доната и по Катоновымъ «Disticha moralia»; въ среднихъ-же школахъ обучали также Греческому языку и риторикѣ. Школы протестантскія стояли выше католическихъ: въ нихъ обучали преимущественно классическимъ языкамъ по новой системѣ, заимствованной у иностранцевъ, и по лучшимъ Латинскимъ и Греческимъ писателямъ (читали и переводили на Польскій языкъ Теренція, Цицерона, Юстина, Виргилія, Горація, — Ксенофонта, Лукіана и Демосѳена); учили также немного риторикѣ, ариѳметикѣ и музыкѣ, а позже и Нѣмецкому языку; но болѣе всего занимались Лютеранскимъ катихизисомъ и объясненіемъ обрядовъ Лютеранской церкви. Такимъ образомъ, хотя методъ преподаванія и учебныя пособія въ протестантскихъ школахъ были лучше, чѣмъ въ католическихъ, направленіе ихъ было одинаково: на первомъ планѣ были интересы вѣроисповѣданія, а не народа и государства [4]).

Со второй половины XVI вѣка появляются въ Польшѣ новыя школы—іезуитскія, съ новымъ направленіемъ, отъ котораго ожидали въ началѣ такъ много пользы для церкви и государства, но которое впослѣдствіи погубило Польскій народъ. Кардиналъ Станиславъ Гозій, епископъ Варминскій, находясь на Тридентскомъ соборѣ, познакомился съ нѣкоторыми членами только-что созданнаго ордена іезуитовъ, занимавшагося воспитаніемъ дѣтей, и вскорѣ убѣдился, что они могутъ оказать ему большую услугу въ противодѣйствіи быстро ширившейся по Польшѣ реформаціи. Съ этою цѣлью онъ поспѣшилъ вызвать іезуитовъ изъ Рима и Германіи въ Брунсбергъ въ Варміи, отдалъ имъ покинутый Францисканцами монастырь и доставилъ необходимыя средства для открытія школы: въ 1565 году была открыта первая въ Польшѣ іезуитская школа въ Брунсбергѣ. Ревнитель католицизма Гозій содержалъ въ этой школѣ на свой счетъ много дѣтей бѣдной шляхты съ разныхъ концевъ Польши. Въ тоже время онъ письменно увѣщевалъ пановъ отдавать своихъ сыновей на воспитаніе ученымъ іезуитамъ, а епископовъ побуждалъ къ открытію іезуитскихъ коллегій, — и съ легкой руки Гозія іезуиты быстро распространились по всей Польшѣ: втеченіе 20 лѣтъ, благодаря ревности кардинала и покровительству Степана Баторія, іезуиты открыли свои школы въ Пултускѣ, Вильнѣ, Ярославлѣ (на Руси Червонной), Познани, Полоцкѣ, Ригѣ,

---

[4]) J. Łukaszewicz, op. cit. I, 66—73.

Люблинѣ, Несвижѣ, Гданскѣ, Калишѣ и Львовѣ. По просьбѣ Виленскаго епископа Протасевича, Степанъ Баторій преобразовалъ іезуитскую коллегію въ Вильнѣ въ академію (1578 г.), сравнявъ ее въ правахъ съ Краковскою. Хотя для начала были открыты два факультета—богословскій и филологическій, но программа ея была обширнѣе программы Краковской академіи, и предметы преподаванія были разнообразнѣе: кромѣ богословскихъ и философскихъ наукъ, въ ней преподавались: піитика, риторика, математика, физика, и языки: Еврейскій, Греческій, Латинскій, Французскій, Англійскій и Итальянскій [1]). При Сигизмундѣ III, воспитанникѣ іезуитовъ, число іезуитскихъ школъ сильно увеличилось, а орденъ чрезвычайно разбогатѣлъ и пріобрѣлъ большое вліяніе на государственныя дѣла [2]). Единственными предметами обученія въ іезуитскихъ школахъ были Латынь и богословіе; много времени тратилось на риторическія упражненія и театральныя представленія Объ образованіи ума и сердца своихъ воспитанниковъ іезуиты не заботились: напротивъ того, они старались заглушить въ нихъ добрые зародыши, убить въ нихъ волю и сдѣлать ихъ автоматами, которыхъ они сами приводили въ движеніе, когда хотѣли. Если воспитанникъ былъ богатъ и знатенъ, то изъ него они дѣлали своего поклонника и благотворителя; если-же онъ былъ бѣденъ, но даровитъ, то они вербовали его на службу своему ордену [3]).

Для противодѣйствія развращающему вліянію іезуитовъ, гетманъ Янъ Замойскій основалъ въ 1595 году въ своемъ городѣ Замостьѣ академію по образцу Итальянскихъ университетовъ съ тремя факультетами юридическимъ, филологическимъ и медицинскимъ; но, не смотря на всѣ его пожертвованія и заботы, академія не могла процвѣтать и находила безпрырывно препятствія въ своей полезной дѣятельности, то со стороны Сигизмунда III, нелюбившаго Замойскаго, то со стороны іезуитовъ [4]).

Дѣвушки воспитывались въ монастыряхъ Францисканскихъ, Доминиканскихъ, Цистерскихъ и т. п.: ихъ учили грамотѣ и рукодѣлью. Съ 1550 года протестанты стали заводить женскія школы, въ которыхъ стали также обучать догматамъ своей церкви. Вообще на воспитаніе дѣвушекъ обращали мало вниманія, неохотно ихъ отдавали въ школы, и грамотная шляхтянка еще рѣдкость въ XVI вѣкѣ [5]).

---

[1]) Исторію Виленской академіи написалъ Михаилъ Балинскій: «Dawna akademija Wileńska». Pb. 1862. [2]) J. Łukaszewicz, o. c. I, 116—126.
[3]) Moraczewski, Dzieje rzeczyposp. Polsk. V, 185. [4]) J. Łukaszewicz, I, 127 — 129. [5]) Moraczewski, ibid. VI, 211. Łukaszewicz, o. c. I, 80.

Удивительно, что вопросъ о воспитаніи такъ мало занималъ какъ Поляковъ, такъ и иностранцевъ, описывавшихъ Польшу въ XVI вѣкѣ: какъ тѣ, такъ и другіе или совершенно о немъ умалчиваютъ, или же сообщаютъ самыя поверхностныя свѣдѣнія. Янъ Красинскій въ своемъ описаніи Польши (1574 г.) [6] не говоритъ ни слова о школахъ и воспитаніи своихъ соотечественниковъ. Писавшій тремя годами позже его, Мартынъ Кромеръ [7], свидѣтельствуетъ, что воспитаніе юношества было въ небреженіи, несмотря на то, что школы были посѣщаемы какъ богатыми, такъ и бѣдными, какъ шляхтою, такъ и мѣщанами и хлопами; въ нихъ съ малолѣтства обучали не только мальчиковъ, но и дѣвушекъ Латинскому языку, который поэтому былъ въ большемъ употребленіи въ Польшѣ, чѣмъ въ самой Италіи. Знаніе иностранныхъ языковъ и «humanitatis studia» были также въ ней распространены. Не пренебрегали и изученіемъ медицины. Что знаніе иностранныхъ языковъ было весьма распространено въ Польшѣ, свидѣтельствуетъ также Александръ Гваньини [8]): по его словамъ, Поляки

---

[6]) «Ioannis Crassinii Polonia. Ad sereniss. et potentiss. Henricum I Valesium, Dei gratia utriusque Poloniae regem». Bononiae 1574. — Польскій переводъ съ комментаріями Станислава Будзинскаго вышелъ въ Варшавѣ въ 1852 году: «Jana Krasińskiego Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne Polski w wieku XVI, oraz materyały do panowania Henryka Walezyusza».

[7]) «Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae libri duo. Authore Martino Cromero». Coloniae 1577, lib. I, pp. 67—72: «Juventutis laxior est paulo et neglectior educatio... Ad scholas quidem et magistros mittere mares liberos et latinis litteris teneram aetatulam imbuere omnibus, pauperibus juxta ac divitibus, nobilitati ac plebi, oppidanae praesertim studium est. Multi paedagogos domi alunt. Itaque ne in medio quidem Latio quis reperiat tam multos vulgo, cum quibus latine tamen loqui possit. Puellae quoque nobiles et urbanae vel domi, vel in monasteriis vernacula imo et latina lingua legere et scribere discunt... Nunc certe, posteaquam animadversum est in precio esse linguarum, eloquentiae, humanitatisque studia, cupide ea quoque nostrates amplexi sunt, sed ad usum civilem et vulgarem magis, quam ad gloriam... Nec medicinam posthabent, postea quam ea vulgatis delicatiore et laxiore victus ratione morbis, in praecio esse coepit. In aliis minus elaborant, propterea quod minus ea conducere videntur ad commoda et ornamenta vitae comparenda».

[8]) «Sarmatiae Europeae descriptio, quae regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Masoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam, et Moscoviae Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Guagnini Veronensis, equitis aurati, peditumque praefecti, diligentia conscriptae. Typis Matthiae Wirzbięte». (Cracoviae 1578). «Poloniae descriptio» f. 77: «Viri sunt excellentissima industria praediti, variarumque gentium idiomata callent, imprimis vero linguae Latinae peritissimi, qua ut vulgari majori ex parte in civitatibus et pagis passim utuntur, idque omnibus divitibus ac pauperibus peculiare est, quod imprimis pueros litteris imbuendos apprimeque ad consumptionem sedecim plusve annorum in pulveribus scholasticis committunt, sumptibus pro magistris indulgendo, unde linguam Latinam omnes fere congrue callent... Qua de re Polonia omnium fere gentium studia vicisse videtur, quod rarus esset, qui Latinas litteras non cal-

не щадили средствъ (?) на содержаніе школъ, въ которыхъ дѣти до 16 лѣтъ и болѣе учились Латинскому языку, а потому почти всѣ говорили по-Латыни: занимались также изученіемъ Нѣмецкаго, Мадьярскаго, Итальянскаго, Французскаго и Испанскаго языковъ. Павелъ Муканте, секретарь кардинала Генриха Гаетано, отправленнаго папою Климентомъ VIII къ Сигизмунду III для заключенія союза противъ Турокъ въ 1596 году [1]), говоритъ, что въ Польшѣ нѣтъ недостатка въ школахъ, въ которыхъ дѣти не только бѣдной шляхты, но также мѣщанъ и хлоповъ учатся Латинскому языку и музыкѣ; хотя для бѣдныхъ учениковъ существуетъ много бурсъ и пріютовъ, однако какъ въ Краковѣ, такъ и въ другихъ городахъ можно встрѣтить учениковъ, побирающихся по улицамъ и живущихъ подачкою.

На разсматриваемый нами вопросъ гораздо болѣе обращали вниманіе Польскіе поэты и публицисты. Особнякомъ между ними стоитъ Рей изъ-Нагловицъ: школы не только ничему его не научили, но даже поселили въ немъ и отвращеніе къ школьному ученію, и онъ не только порицаетъ господствовавшій въ нихъ методъ преподаванія, но и самыя науки, которыя въ нихъ преподавались. Въ своей передѣлкѣ поэмы Марка Полингенія Стеллата [2]), вышедшей въ Краковѣ въ 1558 году подъ заглавіемъ «Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego» [3]), онъ выражается съ пренебреженіемъ о наукахъ вообще [4]), жалуется, что малолѣтнимъ дѣ-

leret, deinde Germanicum, Hungaricum, ac passim Italicum et magna ex parte Gallic·m, Hispanicumque extra vulgare suum Sarmaticum idiomata nesciret».

[1]) Польскій переводъ его дневника въ изданіи Нѣмцевича: «Zbior pamiętnikow historycznych o dawnéy Polszcze», t. II, str. 141.

[2]) Вышла въ свѣтъ въ 1531 году.

[3]) Полное заглавіе этой длинной и скучной поэмы: «Wizerunek własny żywota człowieka poczciwego, w ktorym iako we źwierciedle snadnie każdy swe sprawy oględać może: zebrany y z filozophow y z rożnych obyczaiow swiata tego». Раздѣлена на 12 пѣсенъ. Содержанія морально-сатирическаго: нѣкій ученикъ философа Гиппократа, наслушавшись его ученія о правдѣ, отправляется отыскивать ее по свѣту; онъ путешествуетъ отъ одного философа къ другому (отъ Гиппократа къ Діогену, Эпикуру, Анаксагору, Сократу, Ѳеофрасту, Солину, Платону, Зороастру (!), Ксенократу, Солону и, наконецъ, къ Аристотелю) и каждый изъ нихъ излагаетъ ему свою систему этики (jak poczciwie żyć). Примѣры взяты изъ жизни Польскаго народа. Въ началѣ предисловія авторъ жалуется, что Поляки не любятъ своего языка и не читаютъ Польскихъ книгъ.

[4]) Rozdzyał szosty, list 80 (изд. Матвѣя Виржбенты 1558 г.).

Baw' sie więcey mądrością niżli naukami,
    Stłuczesz dyabła by szermierz prostemi sztukami.
Boć nauka iest by kwiat co na drzewie rośc ie,
    Ale mądrość za owoc stanie wszytkim proście.

тямъ вбиваютъ въ голову грамматику посредствомъ побоевъ и сѣченія розгами [5]), смѣется надъ Овидіемъ и Виргиліемъ [6]), и надъ Греческою и Римскою миѳологіею [7]), отъ которыхъ нѣтъ никакого проку,—считаетъ безполезными логику, грамматику и риторику [8]), порицаетъ страсть къ заграничнымъ путешествіямъ, которыя пріучаютъ молодёжь къ иностраннымъ обычаямъ и къ порочной жизни: «одинъ стремится въ Римъ, другой во Францію; было бы, вѣдь, дурно миновать Падую и Венецію; Феррара, Неаполь, Миланъ и Парижъ, все это, можно сказать, по дорогѣ» [9]). Осмѣивая изнѣженное домашнее воспитаніе, Рей совѣтуетъ родителямъ держать дѣтей въ страхѣ и съ малолѣтства пріучать ихъ къ добродѣтельной жизни [10]); это, по его мнѣнію, конечная цѣль воспитанія [11]). Разбросанныя въ этой поэмѣ отрывочныя замѣчанія о воспитаніи Рей собралъ, дополнилъ и привелъ въ систему въ позднѣйшемъ, уже извѣстномъ читателямъ, трудѣ «Żywot człowieka poczciwego». По его мнѣнію, воспитаніе должно быть основано на началахъ религіи, которыя слѣдуетъ черпать изъ св. писанія, а не изъ общераспространенныхъ книгъ, переполненныхъ разными вымыслами и удивительными заблужденіями [12]). Когда дитя научится познавать Бога, къ злымъ строгаго, къ добрымъ милосерднаго, тогда легче будетъ приступить къ другимъ наукамъ; но пусть съ малолѣтства не учатъ его грамматикѣ, логикѣ, ариѳметикѣ, труднымъ и для болѣе взрослыхъ, ни запутаннымъ поэтическимъ

---

[5]) Rozdz. VII, l. 88:

A nasz pan aż ledwo w rok, y tho aż z nauki,
    A przy tey Grammatice częste będą puki.
Potrze sobie koliana a potłucze czoło,
    Bo sie musi satoczyć przytym nieraz w koło.
A gdy mało podroście, wnet woyt nad nim stoi
    Z brzeziny, a pan młody barzo sie go boi.
Siecze ociec, siecze żak, więc też pani matka
    Chce też uczyć swoich praw, dobije ostatka.

[6]) Rozdz. I, l. 6:

Łacnoć z Owidyuszem kiedy o miłości
    Przeczytasz iego błędne swieckie wszeteczności.
Albo y Wirgiliusz gdy wiedzie s przełaie
    Ony dziwne fabuły czo ie baba baie.

Изъ Римскихъ поэтовъ Рей хвалитъ одного Горація (Rozdz. V, l. 55):

Nadobnie Horaciusz roskosz swiata thego
    Wypisał, a napirwey zaczał ią od tego,
Gdy kto rownego dobra szczęściem przypadłego
    Używa s poczciwoscią wedle stanu swego.

[7]) Ibid. l. 5. [8]) Rozdz. VII, l. 86—87. [9]) Ibid. l. 89—90. [10]) Rozdz. V, l. 57; rozdz. VII, l. 88. [11]) Rozdz. VII, l. 90.
[12]) Ks. I, cap. IV, list 8 (ed. 1568, по изд. Туровск. стр. 17).

баснямъ; ибо какая ему польза отъ того, что онъ будетъ знать, кàкъ Цирцея перемѣняла людямъ головы, кàкъ странствовалъ Улисъ, кàкъ проказничала Елена или чтò дѣлала Пенелопа: эти басни не мѣшаетъ ему прочесть для развлеченія впослѣдствіи, когда онъ научится чему иному. Но пусть читаетъ житія знаменитыхъ людей древности, прославившихся умомъ и доблестью [1]).

Чему-же слѣдуетъ учить? спрашиваетъ авторъ далѣе [2]). «Конечно, не грамматикѣ, которая учитъ только щебетать и выкручивать обольстительныя слова, и то не съ малымъ затрудненіемъ молодыхъ головокъ: ей онъ охотно научится потомъ, когда привыкнетъ къ дивнымъ выраженіямъ и прекраснымъ словамъ Латинскимъ, которымъ и конца нѣтъ. И безъ грамматики Полякъ такъ легко научается Итальянскому, Нѣмецкому, Турецкому и Татарскому языкамъ, какъ будто это были его природные языки. Не знаю также, какая бы была польза Поляку отъ логики, которая учитъ только хитросплетенными словами изъ правды дѣлать неправду, изъ неправды правду: кого Богъ не обидѣлъ умомъ, тому не зачѣмъ этому учиться. Найдется у насъ иной, съ виду простачекъ, который съумѣетъ такъ ловко вывернуться, какъ самый ученый магистръ въ коллегіи. Такъ называемыя свободныя науки — грамматика, логика, риторика, музыка, ариѳметика, геометрія и астрономія—суть науки важныя и трудныя. Есть еще другія яко-бы людьми вымышленныя: живопись, рѣзьба, фехтованіе и т. п. Кто къ чему готовится, кому чтò нравится, тотъ тому и учится. Но для добродѣтельной жизни нѣтъ наукъ важнѣе тѣхъ, которыя украшены разумомъ и добродѣтелью, какъ-то: справедливость, постоянство, разсудительность, воздержаніе, милосердіе, степенность и самосознаніе. Ибо къ чему послужатъ, продолжаетъ Рей [3]), пышныя и разукрашенныя слова, заимствованныя изъ грамматики, если онѣ далеко расходятся съ правдою и дѣйствительностью? Не все-ли это равно, что одѣть прекрасное платье и потомъ запачкать его грязью или засыпать пухомъ? Или чтò поможетъ геометрія, учащая измѣрять свѣты и чужія земли, тому, кто не умѣетъ размѣрить на самого себя того клочка земли, который Богъ ему даровалъ, такъ чтобы жить благочестиво воздержно и спокойно, какъ слѣдуетъ христіанину? Или какая польза отъ астрономіи, которая учитъ по движенію небесныхъ свѣтилъ узнавать будущее, если ты не умѣешь разузнать и того,

[1]) Ibid. f. 12. (Туровск. стр. 25). [2]) Ibid. cap. V, f. 13 r°. (Туровск. стр. 28).
[3]) Ibid. ff. 13 r°—14 r°. (Туровск. стр. 29—30).

что̀ совершается передъ твоими глазами?... Къ чему учиться пѣть по музыкѣ, когда другой передъ тобою скверно верещитъ? Къ чему учиться изъ ариѳметики считать чужія тысячи, когда ты не умѣешь справиться и съ тѣмъ немногимъ, что̀ у тебя есть?» Выше всѣхъ наукъ и искусствъ Рей ставитъ науку жить, ка̀къ слѣдуетъ (żyć poczciwe).

Такое воззрѣніе на науки, напоминающее извѣстныя слова Простаковой въ комедіи Фонвизина «Недоросль», могъ имѣть только человѣкъ, самъ ни чему неучившійся, а такимъ и былъ Рей, по-свидѣтельству его біографа Тржецескаго. Имѣя весьма смутное понятіе о наукахъ, преподававшихся въ школахъ, образовавъ самъ себя чтеніемъ книгъ Латинскихъ и Польскихъ безъ системы, безъ надлежащаго выбора, метаясь отъ богослововъ къ классикамъ, прислушиваясь къ разговору людей образованныхъ,—самоучка Рей въ самомнѣніи считалъ себя идеаломъ того шляхтича, котораго онъ хотѣлъ изобразить въ своемъ произведеніи, а потому свое самовоспитаніе ставилъ образцомъ для другихъ: отсюда отрицаніе пользы школьнаго ученія, отсюда своеобразная система практическаго воспитанія, основаннаго на хорошихъ примѣрахъ образованнаго и неиспорченнаго общества. Хорошее общество — вотъ та школа, въ которой долженъ учиться юноша. Бесѣда въ такомъ обществѣ, по его мнѣнію, полезнѣе чтенія книгъ, или, выражаясь его словами, живой голосъ лучше здохлой шкуры, изъ которой выдѣлываютъ пергаменъ [4]). О слышанномъ слѣдуетъ размышлять и хорошее удерживать въ памяти [5]).

Хотя самъ Рей никогда не выѣзжалъ за границу Польши [6]), тѣмъ не менѣе онъ считаетъ заграничное путешествіе полезнымъ дополненіемъ домашняго воспитанія: онъ совѣтуетъ молодымъ людямъ присмотрѣться къ образу жизни, нравамъ и обычаямъ другихъ народовъ и усвоить себѣ то, что̀ есть у нихъ хорошаго [7]). Цѣль и результатъ заграничнаго путешествія онъ представляетъ такъ [8]): «Поѣзжай въ чужіе краи не за тѣмъ, чтобы удивляться роскошнымъ палаццо или невиданнымъ видамъ, а за тѣмъ, чтобы присмотрѣться къ иностраннымъ обычаямъ и нравамъ, особенно къ

---

4) Ibid. f. 15 r⁰ (Тур. 32): «Lepszy iest zawždy žywy głos niž zdechła skora czo ią na pargamin wyprawuią». 5) Ibid. ff. 15 r⁰—16 (Тур. 33).

6) Рей писалъ о себѣ:

Bom ja tež prosty Polak, nigdzie nie ieždzaiąc,
Tum sie pasł na dziedzinie, iako lesie zaiąc.
Z granicy Polskiej milim nigdzie nie wyiechał,
Lecz co widzieć przystoi, przedsiem nie zaniechał.

7) Ibid. cap. VI—VII. 8) Ibid. cap. VIII, ff. 23 t⁰—24 (Туров. стр. 49).

такимъ, съ которыхъ ты могъ бы взять примѣръ для себя.... Не трать времени по-пустому, ибо его никогда не воротишь, но будь постоянно занятъ: или читай, или учись чему-нибудь, или присматривайся къ окружающему тебя и разсуждай, чтó хорошо и чтó дурно. Старайся своимъ поведеніемъ въ чужихъ краяхъ снискать себѣ общее расположеніе.... Старайся вернуться домой не только съ танцами, съ надушенными перчатками, съ разноцвѣтными жилетами, но съ умомъ, украшеннымъ добродѣтелью и наукою, дабы ты могъ служить примѣромъ для другихъ и утѣшеніемъ для твоихъ родственниковъ».

Когда молодой человѣкъ достигнетъ зрѣлаго возраста, женится и станетъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ имѣніи, пусть онъ свободные часы посвящаетъ чтенію [1]). «Не нужно большихъ средствъ, чтобъ наговориться съ философами и рыцарями, объѣхать весь свѣтъ, сидя на мѣстѣ, не подвергаясь при томъ опасностямъ путешествія.... Хорошо знать природу каждаго звѣрька, каждой птички, каждаго деревца, каждой травки, чтó можетъ пригодиться тебѣ въ хозяйствѣ и сдѣлать тебя человѣкомъ пріятнымъ въ обществѣ. Но не читай все, чтò попало: какая тебѣ польза отъ Овидія и Горація, писателей для тебя трудныхъ и переполненныхъ баснями? Читай такія книги, изъ которыхъ ты могъ бы научиться добродѣтельной жизни, а не пустымъ сказкамъ».... Врагъ школьнаго воспитанія и классическаго образованія, Рей проповѣдуетъ житейскую мудрость, которой слѣдуетъ учиться не столько изъ книгъ, сколько изъ обращенія съ людьми въ его смыслѣ образованными и добродѣтельными, какъ у себя дома, такъ и заграницею.

Замѣчательно, что поэтъ, стоявшій несравненно выше Рея по образованію и дарованіямъ, и при томъ самъ учившійся заграницею,—Янъ Кохановскій [2]), возставалъ противъ заграничныхъ

---

[1]) Ibid. lib. II, cap. XVII f. 112 r⁰. (Туров. стр. 238—239).

[2]) Янъ Кохановскій (1530—1584) учился въ Германіи и Италіи; въ Парижѣ познакомился съ поэтомъ Ронсаромъ; по возвращеніи на родину, былъ нѣкоторое время (1560—1566 гг.) королевскимъ секретаремъ; большую часть жизни провелъ въ своей деревнѣ Чернолѣсье. О немъ Осипъ Пржиборовскій издалъ въ Познани въ 1857 г. хорошую монографію: «Wiadomość o życiu i pismach Jana Kochanowskiego». Это былъ замѣчательный лирическій поэтъ. Лучшія его произведенія: «Псалтырь Давыдовъ», «Трены» на смерть малолѣтней его дочери Урсулы (въ подражаніе Овидію) и «Пѣсни». «Псалмами» Кохановскаго восхищался Мицкевичъ. По его словамъ, ни на одномъ изъ новыхъ языковъ нѣтъ такого вдохновленнаго, высокопоэтическаго перевода псалмовъ; но это не переводъ, а подражаніе. Иногда у Кохановскаго сквозь спокойный лиризмъ пробивается сатира на современные нравы и политическія ошибки Поляковъ (таковы: «Satyr», «Fraszki» и прозою «Wróżki»).

путешествій: въ своемъ «Сатирѣ»[3]) онъ говоритъ, что иностранное воспитаніе (postronne ćwiczenie) испортило Поляковъ. Въ уста Сатира онъ влагаетъ такую рѣчь: «Не понимаю, почему вы посылаете дѣтей въ Италію или Германію, когда у васъ есть свои школы, куда прежде пріѣзжали учиться иностранцы. Вамъ кажутся простаками ваши учители; да, если вы у нихъ отнимете и то немногое, что̀ они имѣютъ, они вскорѣ станутъ и грегоріанцами. На десять гривенъ, однако, они довольно измышляютъ; но вознаграждайте по заслугамъ, и, скажу вамъ, школы ваши сравняются съ Сорбонами. Не жалѣйте только издержекъ на воспитаніе дѣтей дома (на родинѣ), и увидите, что вся Падуа пріѣдетъ къ вамъ. Если же вы посылаете ихъ (заграницу) ради обычаевъ, то, повѣрьте мнѣ, найдете тамъ и добрые, и злые, и не знаю, которые болѣе по вкусу молодёжи. Понимайте по себѣ: что̀ вамъ, то и ей (нравится). Я, глупый, та̀къ разумѣю и при томъ останусь, что Польшу та̀къ измѣнило только иностранное воспитаніе [4]). О чемъ бы я болѣе говорилъ, если бы не было мнѣ противно. Каждое государство стои̇тъ своими порядками, къ которымъ слѣдуетъ пріучать дѣтей съ-малолѣтства; если имъ понравится новизна, то по ней со-временемъ они будутъ перестроивать міръ». А въ одномъ изъ мелкихъ стихотвореній [5]) Кохановскій та́къ изображаетъ изнѣженную и испорченную молодёжь: «Не умѣетъ сынъ шляхетскій сѣсть на коня; не любо ему ѣхать на охоту на дикаго звѣря съ копьемъ въ рукахъ: лучше онъ умѣетъ пить и играть въ писанныя карты или запрещенныя кости».

Странно, что Кохановскій, самъ путешествовавшій нѣсколько лѣтъ заграницею и получившій образованіе въ иностранныхъ университетахъ, не только отвергаетъ пользу заграничнаго воспитанія, но даже приписываетъ ему упадокъ Польши; онъ видитъ только дурную сторону, а хорошую какъ бы преднамѣренно скрываетъ; между тѣмъ, онъ долженъ былъ знать, что лучшіе представители современной ему Польши (а въ томъ числѣ и онъ самъ) обра-

---

[3]) «Dzieła Jana Kochanowskiego» (Warszawa, 1864), str. 173—174.

[4]) Ja głupi tak rozumiem i przy tem zostanę,
Że Polskę nic inszego o taką odmianę
Nie przyprawiło, jedno postronne ćwiczenie.

[5]) Ibid. p. 56 (Pieśni, ks. II, № 10).
Nie umie syn szlachecki na koń wsięść, i w łowy
Na dziki zwierz z oszczepem jechać nie gotowy:
Lepiej kufla świadomy, albo kart pisanych,
Każeszli dać i kostek, prawem zakazanych.

зовались заграницею; если-же большинство не выносило никакой пользы изъ заграничнаго путешествія, а заражалось только страстью подражать иностранцамъ въ одеждѣ, экипажахъ, пищѣ, напиткахъ и увеселеніяхъ, то виновато было въ томъ первоначальное воспитаніе молодыхъ шляхтичей, неприготовленныхъ къ тому, чтобы воспользоваться плодами Европейской образованности, нравственно испорченныхъ уже до́ма. Еще страннѣе слышать изъ устъ Кохановскаго, воспитанника Краковской академіи, жалобу на то, что школы въ Польшѣ не находили достаточной поддержки со стороны общества и государства и, вслѣдствіе того, пришли въ упадокъ Краковская академія (такъ какъ ее преимущественно имѣлъ въ виду поэтъ) была болѣе обезпечена, чѣмъ многіе иностранные университеты, въ которыхъ науки процвѣтали [1]); но она далеко отстала отъ Сорбоны и Падуи по другимъ причинамъ, выше упомянутымъ; что же касается среднихъ и низшихъ школъ, то въ упадкѣ ихъ виновато духовенство, въ рукахъ котораго онѣ находились: обязанное содержать школы на свои обширныя средства, оно думало только о томъ, какъ-бы перещеголять шляхту въ роскоши и развратѣ. Въ изнѣженности-же и испорченности молодёжи были виноваты не столько школы, сколько сами родители, какъ это прекрасно изобразилъ Петръ Збылитовскій [2]) въ «Разговорѣ Польскаго шляхтича съ иностранцемъ» [3]): «Имѣя сына, шляхтичъ спѣшитъ отдать его въ школу, что́ конечно хорошо: пусть будетъ изъ него сначала бѣдный школьникъ; я этого не хулю. Это — хорошее дѣло, здравый совѣтъ настоящаго мудреца: пусть каждый учится, пока есть время, ибо потомъ не получишь его и за дорогое золото. Отвезши его въ школу, часто навѣщаетъ, чтобы знать, учится ли сынъ, иль праздно проводитъ время; и всякій разъ, что пріѣдетъ, даритъ его щедро: справляетъ ему башмаки, бѣлыя перья, дорогое платье. А школьникъ въ довольствѣ, вмѣсто грамматики и риторики, учится въ корчмѣ танцамъ, попиваетъ винцо — дорогую мальвазію, никого не боится, ни чьего не спрашиваетъ позволенія. Одѣвъ новые башмаки, атласную курточку, а поверхъ гранатовую Мадьярскую делію (широкій плащъ съ большими рукавами), ду-

---

[1]) J. Łukaszewicz, o. c. I, 62—64.—Ту-же жалобу столь-же несправедливо повторяетъ Я. Гурскій въ своей «Апологіи Краковской академіи».

[2]) Онъ былъ воспитанникомъ Краковской академіи; много путешествовалъ; считался знаменитымъ юристомъ; большую часть жизни провелъ въ своей деревнѣ; умеръ въ 1649 году. Прославился своими идиліями.

[3]) «Rozmowa szlachcica Polskiego z cudzoziemcem» (первый разъ издана въ Краковѣ въ 1600 г.) стр. 32—34, по изд. Туровскаго.

маетъ себѣ: «я-ли это, пышно убранный, буду ходить съ голою головою — не отпущу чуприны? Да что-же? ксендзомъ, вѣдь, я не буду, — я хочу пожить на свѣтѣ, пойду ко двору, а между тѣмъ, пока отецъ замѣтитъ, весело буду проводить молодые свои годы». Бѣгаетъ изъ корчмы въ корчму, пируетъ: вѣдь, молодежь не слушаетъ совѣта старшихъ. Потомъ внимательный наставникъ даетъ знать отцу, что его сынокъ рѣдко бываетъ въ школѣ. Отецъ встревожится, пріѣдетъ въ городъ, и чтобъ въ гнѣвѣ не прибилъ онъ сына, сопровождаетъ его жена. Пріѣхавши отецъ принимается бранить сына, а онъ, выросшій въ своеволіи, мало боится его рѣчей или, вѣрнѣе, ни во что ихъ не ставитъ. «Такъ скажу тебѣ, батька рѣшительно, что не быть мнѣ отнынѣ школьникомъ: я хочу быть молодцомъ-дворяниномъ при дворѣ». И тотчасъ беретъ его домой немудрый отецъ и даетъ ему полную волю. И держитъ его при себѣ, а потомъ спроситъ: «какую службу, сынокъ, хочешь себѣ выбрать? Хочешь, говоритъ, отвезу тебя въ городъ (do grodu) [4]); не печалься: еще на пару платья, а не то и на двѣ, возьму тебѣ у купца бархату, а на верхнюю делію дорогой багряницы». Найдется такой, что сейчасъ-же согласится, чтобы по-прежнему обмануть отца и въ довольствѣ и распутствѣ проводить время, ничего не дѣлая, таскаясь по пирамъ. Не умѣетъ онъ написать даже вызова въ судъ, въ законахъ ни аза не разумѣетъ, — а пріѣдетъ домой, ему нужна ужъ шестерня, да карета разноцвѣтная съ дорогими коврами, для козачковъ тонкое Голландское сукно, а для кучеровъ Лондонское, да къ тому-жъ мѣдныя шоры и сбрую для лошадей. Наѣздится онъ шумно по своему уѣзду, и отцовское гумно хорошо объ этомъ знаетъ: скирды уже кланяются своему пану, а цѣпы стоятъ безъ дѣла (т. е. гумно опустѣло и нечего уже болѣе молоть). Скажетъ отецъ ласково своему сыну: «послушай, Ѳомушка, вотъ-то новость: всегда съ гумна сберегалъ я денежки (жена и всѣ объ этомъ знаютъ), а теперь, клянусь, нѣтъ у меня и полной копы (60) грошей въ кошелькѣ, и долженъ я поскорѣе затребовать у хлоповъ чиншъ (оброкъ). На тебя пошло все гумно: видно, съ руки тебѣ добрые гроши. Въ этомъ году, какъ ты знаешь, я купилъ себѣ только сѣрую куртку (sajan) да карюю лошадку. Потерялъ ты масляницу—женю тебя въ маѣ. Хоть пора и трудная, не

[4]) Гродъ (по-Русски городъ) обозначалъ у Поляковъ укрѣпленный городъ въ отличіе отъ мяста (мѣста, откуда мѣщанинъ)—торговаго и промышленнаго города. Гро́ды были военными и отчасти судебными центрами. Гро́дскому или старостинскому суду подлежали уголовныя дѣла шляхты; но, по преимуществу, это былъ судъ безземельной шляхты—голо́ты.

бойся, а только принарядись. Если нѣтъ у тебя въ шкатулкѣ, займу у сосѣда: такова моя воля, таковъ мой совѣтъ». И женятъ молодаго человѣка—отчасти въ долгъ, отчасти на свои».

Еще Рей жаловался на изнѣженное воспитаніе, которое шляхтичи давали своимъ дѣтямъ: только родится ребенокъ, приставятъ къ нему нянюшекъ и мамушекъ, одѣваютъ его, какъ куклу, балуютъ, пичкаютъ всякою всячиною, и чѣмъ онъ больше ростетъ, тѣмъ больше у него капризовъ: отецъ возьми, гдѣ хочешь, а подай милому сынку, чтó ему вздумается, и деретъ онъ отца, какъ шерсть съ овцы: гумно пустѣетъ, псарня распускается [1]).

Зная, какое вліяніе имѣетъ на дѣтей первоначальное домашнее воспитаніе, Клёновичъ [2]) совѣтуетъ родителямъ заботиться о хорошемъ выборѣ кормилицъ и нянекъ и собственнымъ примѣромъ влiять на нравственное развитіе ребенка: вмѣстѣ съ испорченнымъ молокомъ, говоритъ онъ, всасываются зародыши разныхъ болѣзней; испорченная нравственность кормилицы и няньки, неприличныя игры и пѣсни, наполненныя суевѣріями сказки, характеръ и образъ жизни родителей, наконецъ вся домашняя обстановка вліяютъ на сердце и умъ ребенка. Далѣе [3]) онъ оплакиваетъ изнѣженное воспитаніе, получаемое шляхтою, говоритъ о вредѣ изысканной и разнообразной пищи, порицаетъ обжорство и пьянство шляхты и восхваляетъ простую деревенскую жизнь съ ея тихими удовольствіями и разнородными, мѣняющимися по временамъ года, занятіями: среди такой обстановки выростаютъ люди здоровые и тѣломъ, и духомъ.

«Ваша молодежь, говоритъ Гурницкій устами Итальянца въ своемъ «Діалогѣ по поводу избранія Сигизмунда III» [4]), получаетъ чрезвычайно дурное воспитаніе, ибо вы воспитываете своихъ дѣтей не въ трудѣ, а въ нѣгѣ; прежде-же, какъ я слышалъ, у васъ было воспитаніе весьма строгое. А какъ я уже говорилъ, тщетны законы, гдѣ нѣтъ хорошихъ обычаевъ; а хорошихъ обычаевъ не можетъ быть тамъ, гдѣ молодые люди растутъ въ распущенности. Иной, прежде чѣмъ придетъ въ возрастъ, умираетъ отъ пьянства и разврата. У васъ не считается стыдомъ жить распутно, проводить въ городахъ время въ развратѣ и пьянствѣ, никто не обуздываетъ молодежь, никто не пріучаетъ ее къ труду. Ей позволяется

---

[1]) «Wizerunek» ll. 57, 88. [2]) «Victoria deorum» cap. XX.

[3]) Ibid. cap. XXI.

[4]) «Rozmowa o elekcyi, o wolności, o prawie y obyczaiach Polskich. Podczas elekcyi krola jego mci Zygmunta III czyniona». (Варшава 1761 г.).

забрать въ городѣ у купца товаровъ и не заплатить, скандалъ учинить, увести дѣвушку и потомъ отдать ее слугѣ, стрѣлять, напасть на домъ, увести изъ дому, избить, поранить, убить — все это шутки».

Въ другомъ, уже извѣстномъ читателямъ, сочиненіи [5]) Гурницкій говоритъ: «Мнѣ уже было двадцать лѣтъ, а я еще не былъ отлученъ отъ матери и сестеръ, и долго еще послѣ того не зналъ, что̀ такое женщина, а теперь дѣти, едва вышедшіе изъ пеленокъ, болѣе знакомы съ развратомъ, чѣмъ въ то время пожилые люди». Въ этомъ сочиненіи Гурницкаго разбросано много здравыхъ мыслей о воспитаніи: правда, онъ имѣетъ въ виду только дворянина (т. е. придворнаго, въ такомъ смыслѣ и мы будемъ употреблять это слово); но такъ какъ шляхта обыкновенно начинала свою карьеру службою при дворахъ знатныхъ пановъ, то мысли Гурницкаго о воспитаніи дворянина можно отнести къ шляхтѣ вообще. Дворянинъ или, что̀ тоже, шляхтичъ—по призванію воинъ, а потому, прежде всего, долженъ обращать вниманіе на изученіе военнаго дѣла; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ ему исключительно посвящалъ себя, ни о чемъ иномъ не думалъ, какъ о войнѣ, ничего другого не говорилъ, какъ только, что оружіе для него самая мягкая постель и что ему пріятнѣе всего пить изъ шлема. Такой шляхтичъ, вѣчно съ нахмуренными бровями, съ суровою осанкою, съ закрученными усами, скоро каждому опротивитъ и заслужитъ слова, сказанныя одною почтенною барынею на вечерѣ подобному самохвалу. Всякій разъ, когда она приглашала его принять участіе въ танцахъ или въ разговорѣ съ дамами, онъ отвѣчалъ, что это не его ремесло. Наконецъ, барыня его спросила: «какое-же ваше ремесло?» Пріосанившись, онъ отвѣчалъ: «бродить въ непріятельской крови и своей не жалѣть». Возразила ему затѣмъ барыня: «такъ какъ теперь нѣтъ войны, то я совѣтовала бы вамъ хорошенько намазаться саломъ вмѣстѣ съ оружіемъ и со всѣмъ, что̀ вы употребляете противъ непріятеля, и затѣмъ спрятаться въ шкафъ, чтобы до войны вы еще болѣе, чѣмъ теперь, не заржавѣли» [6]).

Гурницкій совѣтуетъ своему дворянину не только изучать все что̀ нужно знать воину, но также заниматься гимнастическими упражненіями, развивающими и укрѣпляющими тѣло, музыкою, танцами и пѣніемъ, дѣлающими человѣка пріятнымъ въ обществѣ. Пусть также не пренебрегаетъ науками и иностранными языками

---

[5]) «Dworzanin Polski» (изд. Туровск.) стр. 70. [6]) Ibid. 28—30.

и бережется во всемъ утрированія, особенно въ разговорѣ. «Оно распространено въ Польшѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Полякъ, если хоть не далеко уѣхалъ заграницу, не хочетъ иначе говорить, какъ на языкѣ той страны, въ которой онъ немного побывалъ: если онъ былъ въ Италіи, то къ каждому слову прибавляетъ signor, если во Франціи, то—par ma foi, если въ Испаніи, то—nos otros cavaglieros; иной и не бывалъ въ Чехахъ, а переѣхалъ только Силезскую границу, и ужь не хочетъ говорить иначе, какъ по-Чешски, а какая это будетъ чехизна, Богъ вѣдаетъ. Если ему скажешь, чтобъ говорилъ на своемъ языкѣ, то отвѣтитъ, что забылъ или что родной языкъ ему кажется грубымъ и въ доказательство вырветъ какое-нибудь старо-Польское слово изъ «Богородицы» [1]) и сопоставитъ его съ какимъ-нибудь гладкимъ словечкомъ Чешскимъ, чтобъ показать грубость своего и прелесть чужаго языка; наконецъ, онъ сошлется и на то, что почти каждый Польскій ораторъ пересыпаетъ свою рѣчь Чешскими словами, какъ будто-бы это было дѣйствительно хорошо» [2]).

Гурницкій съ жаромъ защищаетъ пользу наукъ, пренебрегаемыхъ шляхтою. Онъ указываетъ на знаменитыхъ героевъ древности, посвящавшихъ себя съ любовью научнымъ занятіямъ (Александръ Великій, Алкивіадъ, Сципіонъ Африканскій, Лукуллъ, Силла, Помпей, Брутъ и др.). Знаніе иностранныхъ языковъ онъ считалъ также необходимымъ для шляхтича: «Я хочу, чтобы онъ зналъ не только Греческій и Латинскій языкъ, чтобы читать классиковъ, но также чтобы понималъ по-Нѣмецки, по-Итальянски, по-Французски и по-Испански. Необходимо, чтобы онъ перечиталъ и обдумалъ всѣхъ поэтовъ, ораторовъ и историковъ, чтобы ознакомился съ исторіею и географіею каждой страны. Пусть онъ умѣетъ писать и прозою, и стихами: это можетъ ему пригодиться при дворѣ для развлеченія другихъ и для собственнаго удовольствія» [3]).

Защитникъ классическаго образованія, Гурницкій требуетъ положительнаго знанія и смѣется надъ всезнайками. Но что́ еще важнѣе, онъ проповѣдуетъ равноправность женщинъ съ мужчинами, въ чемъ опередилъ свой вѣкъ: по его словамъ, женщина по своимъ способностямъ нисколько не ниже мужчины; она можетъ съ

---

[1]) Польскій переводъ «Богородицы» приписываютъ св. Войтеху, просвѣтителю Поляковъ. Сохранился въ позднѣйшихъ спискахъ, изъ коихъ древнѣйшій (Краковской академіи наукъ) относится къ 1408 году.

[2]) «Dworz. Polski» 33—44. Срв. 46—50, гдѣ авторъ говоритъ объ отношеніи Польскаго языка къ иностраннымъ и, въ особенности, Славянскимъ.

[3]) Ibid. 54—57.

такимъ-же успѣхомъ, какъ онъ, заниматься науками, поэзіею и государственными дѣлами. «Бывали женщины, которыя предпринимали войны и одерживали блистательныя побѣды, правили королевствами и дѣлали все то, что́ и мужчины, и подъ ихъ мудрымъ правленіемъ никто не терпѣлъ несправедливости, не былъ взятъ въ плѣнъ непріятелемъ, не былъ притѣсняемъ сосѣдомъ. Если обратишься къ наукамъ, то изъ лѣтописей узнаешь, что многія занимались философіею, другія писали отличные стихи, третьи изучали законы и своимъ краснорѣчіемъ спасали невинноосужденныхъ» [4]).

Подобно Гурницкому, Станиславъ Оржеховскій [5]) защищалъ классическое образованіе и совѣтовалъ королю серьезно заняться преобразованіемъ школъ. Въ поднесенномъ имъ въ 1549 году Сигизмунду-Августу сочиненіи «Вѣрный подданный» [6]) онъ говоритъ: «Высшія и низшія школы, эти жилища мудрости въ твоемъ государствѣ, учреди, гдѣ ихъ нѣтъ, возстанови, гдѣ онѣ пришли въ упадокъ. Пусть въ нихъ юноши твоего государства научаются человѣколюбію и мудрости,—пусть въ нихъ твои подданные съ малолѣтства пріучаются къ полезной дѣятельности и къ повиновенію тебѣ, мудро правящему. Если, пренебрегая воспитаніемъ ты станешь побуждать твоихъ подданныхъ къ доблести законами и наказаніями, то уподобишься тому, который страхомъ наказанія заставлялъ попадать въ цѣль человѣка, неумѣвшаго стрѣлять. Поэтому, чтобъ поднять науки, прежде всего возстанови Краковскую академію, учрежденную твоимъ предкомъ: особымъ указомъ исправь безчисленные ея недостатки и изгони изъ нея писателей негодныхъ, варварскихъ и безполезныхъ—Копулатовъ, Голкотовъ, Брикоттовъ и

---

[4]) Ibid. 181—183.

[5]) Станиславъ Оржеховскій, Русскій изъ Перемышля (1513—1567), получилъ образованіе въ Вѣнѣ и въ Италіи. Вернувшись на родину, не смотря на то что былъ каноникомъ, не только писалъ противъ безбрачія духовенства («De coelibatu»), но и самъ женился, что̀ было причиною всѣхъ его несчастій. Отъ него осталось до 40 сочиненій по-Латыни и по-Польски. Важнѣйшія: «Turcica», «Fidelis subditus», «Chimera» (противъ ереси Станкара), «Dyalog albo Rozmowa okolo exekucyi Polskiej Korony» (1563), «Quincunf to jest wzór Korony Polskiej na cynku wystawiony», «Zemianin albo Rozmowa oyca z synem o sprawie Polskiej», «Policya królestwa Polskiego» (по образцу Аристотелевой Политики). Обо всѣхъ этихъ сочиненіяхъ мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь укажемъ только на обширную монографію о Ст. Оржеховскомъ, занимающую весь III-й томъ извѣстнаго труда графа Оссолинскаго: «Wiadomości historyczno-krytyczne do Dziejów literatury Polskiej» (Krakow, 1822).

[6]) «Fidelis subditus sive de institutione Regia» (Cracoviae, 1584). Lib. II, pp. 53—54.

грязнаго Глоговиту [1]). Предпиши, чтобы профессоры замѣнили эти грязнѣйшіе подонки классическими писателями какъ Греческими, такъ и Латинскими, дабы изъ этого чистаго и прозрачнаго источника текла та царственная наука, которая сдѣлаетъ твоихъ подданныхъ мудрыми и твоему королевству полезными. Точно также съ величайшимъ стараніемъ преобразуй низшія школы и во главѣ ихъ поставь людей ученыхъ, а не царедворцевъ, блистающихъ пурпуромъ и самоцвѣтными камнями. Позаботься также, чтобы какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ школахъ достойные наставники пріучали дѣтей съ нѣжнаго возраста къ добродѣтельной жизни и къ полезной дѣятельности».

О необходимости преобразованія школъ въ Польшѣ въ томъ-же духѣ и направленіи, какъ предлагалъ Оржеховскій, писалъ двумя годами позже его Модржевскій въ извѣстномъ уже читателямъ сочиненіи «De republica emendanda», пятая и послѣдняя книга котораго посвящена этому вопросу. По стародавнему и исконному обычаю, каждое государство печется о школахъ, отъ процвѣтанія которыхъ зависитъ благосостояніе подданныхъ, говоритъ Модржевскій [2]); а потому люди, посвятившіе себя педагогической дѣятельности, освобождаются отъ всякихъ государственныхъ повинностей. Какъ велики заслуги для государства педагоговъ, такъ-же должно быть почетно ихъ общественное положеніе. Слѣдуетъ помнить, что школа есть разсадникъ добродѣтели, мать хорошихъ законовъ. Но не только для государства, а также и для церкви важна школа: она рѣшаетъ спорные вопросы въ ученіи церкви, она образуетъ проповѣдниковъ и наставниковъ народа, точно также, какъ она даетъ государству искусныхъ ораторовъ, мудрыхъ совѣтниковъ и нелицепріятныхъ судей. Школа во всѣхъ трудныхъ вопросахъ государственныхъ и церковныхъ есть верховный ареопагъ, приговоры котораго считаются непогрѣшимыми. Къ сожалѣнію, въ Польшѣ не умѣютъ цѣнить школъ, и люди, занимающіеся наукою и воспитаніемъ юношества, находятся въ незаслуженномъ пренебреженіи.

«Какими-же наградами, какими почестями слѣдуетъ поощрять къ занятіямъ науками какъ учителей, такъ и учениковъ»? спрашиваетъ далѣе Модржевскій [3]) и та̀къ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «Епископы и государственные люди должны всѣми силами

[1]) По руководству Яна Глоговчика («Minoris Donati de octo partibus orationis», 1503), написанному варварскою Латынью, учились Латинскому языку. Онъ написалъ также много иныхъ учебниковъ по разнымъ наукамъ.

[2]) «De republ. emend.» (ed. Basil. 1554) Lib. V, cap. 1, pp. 351—356.

[3]) Ibid. cap. II, pp. 356—361.

защищать и поддерживать школы: они должны доставлять необходимыя средства существованія бѣднымъ ученикамъ и вознаграждать, какъ слѣдуетъ, учителей за ихъ труды. Ежедневно, какъ мы видимъ, издерживаются огромныя суммы денегъ на разную утварь, на роскошныя постройки, на изысканные пиры и на другія ненужныя вещи. Почему-же нельзя найти средствъ для законныхъ издержекъ, которыя едва-ли на что́ иное могутъ быть съ большею пользою употреблены, какъ на возобновленіе и поддержаніе школъ? Ибо школы нужнѣе всего государству и церкви. Что касается средствъ, то они находятся преимущественно въ рукахъ богатаго духовенства. Много нуждъ учащейся молодежи можно было-бы удовлетворить изъ монастырскихъ доходовъ: часто въ монастыряхъ, имѣющихъ огромные доходы, проживаетъ нѣсколько монаховъ, а потому слѣдовало-бы государству, приведя въ извѣстность монастырскіе доходы, опредѣлить, сколько учениковъ долженъ содержать каждый монастырь. Эти ученики могутъ быть или посылаемы въ академіи, или же обучаться въ самыхъ монастыряхъ приглашенными съ этою цѣлью наставниками. Ихъ можно-бы заставлять пѣть въ костёлахъ по-очереди псалмы, или исправлять иныя обязанности, а потомъ за свое воспитаніе они были-бы обязаны служить государству или церкви. Тоже самое правило слѣдуетъ примѣнить и къ лицамъ, пользующимся большими церковными доходами: пусть и они даютъ что-нибудь въ пользу учащагося юношества. Но едва-ли кто иной могъ-бы болѣе помочь учащимся, какъ тѣ, которые раздаютъ церковныя должности, каковыя были предназначены предками нашими преимущественно для людей, занимающихся наукою, какъ видно изъ самихъ названій: praepositi, scholastici, cantores, canonici». Далѣе авторъ объясняетъ, что первоначально канониками называли духовныхъ лицъ, обязанностью которыхъ было, на основаніи каноническихъ книгъ, рѣшать спорные вопросы въ ученіи церкви,—схоластиками—начальниковъ школъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наставниками,—ка̀нторами—учителей церковной музыки и пѣнія, препозитами—экономовъ и т. д. «Конечно, никто меня не увѣритъ, продолжаетъ Модржевскій, что наши предки, установляя эти церковныя должности, соединенныя съ большими доходами и почестями, предназначали ихъ для людей праздношатающихся, а не для дѣятельныхъ и отличающихся отъ остальнаго духовенства познаніями и добродѣтелями. Кого-же слѣдуетъ избирать на столь священныя и столь полезныя для церкви должности, если не людей ученыхъ, которые-бы хотѣли и могли

достойно поучать, сомнительные вопросы рѣшать и ереси истреблять? Въ недавнее еще время высшія церковныя должности отдавались только шляхтѣ, какъ особыя привилегіи и милости, испрашиваемыя иногда въ самомъ Римѣ. Случалось даже, что въ самомъ сердцѣ Польши монастыри вручались иностранцамъ. Еще на нашей памяти богатыя аббатства переходили во власть шляхты, а о людяхъ ученыхъ никто не заботился. Было время, когда законъ обязывалъ епископовъ содержать при всѣхъ подобныхъ духовныхъ учрежденіяхъ (contubernia sacerdotum) по два ученыхъ (binos literarum doctores); но нашлись люди, которые, собравъ синодъ, освободили епископовъ отъ этой повинности и, вмѣсто двухъ ученыхъ, разрѣшили имѣть одного. И, увы! не было на этомъ синодѣ никого, кто-бы принялъ на себя защиту ученыхъ и воспротивился бы такому постановленію. Чтó вы тогда дѣлали, питомцы наукъ власть имѣющіе? кàкъ вы отблагодарили вашихъ учителей, достоинство которыхъ такъ унижалось? Вы молчали; но и между чернью есть поклонники наукъ, и между рабами есть такіе, которые смѣло возражаютъ разгнѣваннымъ господамъ. Ужели такія были тогда времена, что все рѣшалось по волѣ одного, которому никто не смѣлъ противорѣчить? Хорошо, что они миновали. Дѣйствуйте-же вы, поклонники наукъ, имѣющіе власть: посмотрите на себя, порадѣйте съ епископами о наукахъ, уничтожьте это постановленіе и всѣми силами постарайтесь, чтобы вмѣсто одного, не два, а цѣлыя толпы ученыхъ (integrae literatorum turmae) были приведены.... Если когда, то теперь болѣе всего слѣдуетъ заботиться объ ученыхъ и церковныя beneficia раздавать тѣмъ, которые заслужили.... а не тунеядцамъ, которые, подобно саранчѣ, пожираютъ церковный хлѣбъ.... Слѣдуетъ озаботиться, чтобы учители получали заслуженное жалованье и не были принуждены искать иныхъ средствъ къ жизни, которыя-бы отрывали ихъ отъ науки,— чтобы какъ учители, такъ и ученики были побуждаемы къ занятіямъ науками особыми наградами.... чтобы церковныя должности были отдаваемы только ученымъ....»

Переходя къ вопросу объ устройствѣ школъ [1]), Моджевскій говоритъ, что, прежде всего, слѣдуетъ стараться, чтобы какъ учители были способны къ преподаванію, такъ и ученики къ занятіямъ науками: неспособныхъ не принимать въ школу. О предметахъ обученія онъ говоритъ слѣдующее: по окончаніи элемен-

[1]) Ibid. cap. III. p. 361.

тарнаго курса (artibus trivialibus perceptis), каждый ученикъ выбираетъ себѣ одну изъ наукъ для спеціальныхъ занятій; преподаваться-же въ школѣ должны и философія, и всѣ науки, и въ особенности языки, безъ знанія коихъ нельзя съ успѣхомъ заниматься ни богословіемъ, ни иными науками. Необходимо также упражнять учениковъ въ сочиненіяхъ, диспутахъ и декламаціяхъ. Во второмъ курсѣ къ школьнымъ упражненіямъ слѣдуетъ присоединить еще суды (judicia). Прежде-же всего, слѣдуетъ изгнать изъ школъ варварскую Латынь, чтеніе писателей пустыхъ и ничтожныхъ и безполезныя словопрепиранія.

Хотя наукою слѣдуетъ заниматься для науки, а не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, тѣмъ не менѣе Модржевскій скорбитъ [2]), что, при раздачѣ почетныхъ и прибыльныхъ церковныхъ должностей, руководствуются не познаніями и способностями конкурентовъ, а знатностью происхожденія и родственными и всякими иными связями. Отъ того науки въ упадкѣ, отличные умы съ отчаянія занимаются прибыльными ремеслами, а люди безграмотные сидятъ на мѣстахъ, принадлежащихъ ученымъ, какъ праздные трутни на чужихъ поляхъ (immunesque sedent aliena ad pabula fuci).

Никто изъ Польскихъ писателей XVI вѣка не взглянулъ такъ глубоко на вопросъ о воспитаніи, какъ Модржевскій, что слѣдуетъ приписать не только его высокообразованному, государственному уму, но также тому, что онъ былъ протестантъ: католикъ не могъ-бы съ такимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ разсуждать о причинахъ упадка школъ въ Польшѣ, не могъ-бы предложить такихъ радикальныхъ средствъ для исправленія дѣла, испорченнаго католическимъ духовенствомъ. Оно было главнымъ виновникомъ паденія школъ, находившихся въ его рукахъ: утопавшее въ нѣгѣ и и роскоши, лѣнивое, большею частью необразованное, неруководившееся никакими возвышенными помыслами, недумавшее ни о церкви, ни о государствѣ, оно давно измѣнило своему призванію быть наставниками народа и погрязло въ себялюбивыхъ расчетахъ. Въ этой измѣнѣ церкви и государству Модржевскій громко его обвиняетъ и, не надѣясь на его исправленіе, требуетъ вмѣшательства государства, которое могло и должно было заставить богатыхъ прелатовъ и лѣнивыхъ, развращенныхъ фратровъ удѣлять часть своихъ доходовъ на содержаніе школъ. Указавъ на средства, Модржевскій требуетъ преобразованія школъ: прежде всего, онъ совѣ-

[2]) Ibid. cap. IV, pp. 362—363.

туетъ озаботиться о выборѣ способныхъ и достаточно подготовленныхъ наставниковъ, а затѣмъ изгнать изъ школъ варварскую Латынь и разный средневѣковый хламъ, а вмѣсто того ввести серьезное изученіе наукъ и иностранныхъ языковъ—этого ключа ко всякому знанію, положивъ въ основаніе классическія литературы.

Мы разсмотрѣли мнѣнія лучшихъ Польскихъ писателей XVI вѣка о занимающемъ насъ вопросѣ: всѣ они признаютъ дурное состояніе школъ въ современной имъ Польшѣ и необходимость неотлагательныхъ реформъ; но одни изъ нихъ (меньшинство, представителемъ котораго былъ Рей) желали реальнаго, а другіе (большинство съ Модржевскимъ, Оржеховскимъ и Гурницкимъ во главѣ) классическаго образованія [1]).

3. Домашняя жизнь шляхты.

Домашняя жизнь шляхты XVI вѣка возбуждала негодованіе современныхъ Польскихъ писателей: они жалуются, что никто не думаетъ объ отечествѣ, что личнымъ интересамъ приносится въ жертву все, что̀ есть наиболѣе священнаго для человѣка и гражданина. На государственную службу шляхта смотрѣла какъ на средство для удовлетворенія своей страсти къ непомѣрной роскоши, ради которой она разоряла своихъ хлоповъ, грабила промышленные города, разбойничала по дорогамъ, дѣлала наѣзды на своихъ сосѣдей, сутяжничала. Гдѣ была пожива, тамъ не было для нея препятствій. Поскорѣе нажиться и поскорѣе прожить нажитое—было девизомъ Польской шляхты XVI вѣка.

«Скажите мнѣ, спрашиваетъ Андрей Збылитовскій [2]), на что̀ обращаете вы свои доходы? На роскошь, на одежду, на дворню, на коней, на дорогіе экипажи, на кушанья, на вино: хорошо застроенные города̀, деревни и замки вы уже отдаете другимъ, потому что не хватаетъ вашихъ доходовъ. У иного больше слугъ, чѣмъ крестьянъ въ деревнѣ, а иной и деревню заложитъ,

[1]) Любопытныя подробности о воспитаніи, нравахъ и обычаяхъ Польской молодёжи въ XVI вѣкѣ читатель найдетъ въ сочиненіи Мацѣёвскаго, «Polska aż do pierwszéj połowy XVII wieku pod względem obyczajow i zwyczajow», tom III, str. 1—58.

[2]) «Żywot szlachcica we wsi» (идилія, въ первый разъ изданная въ Краковѣ въ 1597 г.) по изд. Туровск. стр. 6 и 10.—Андрей Збылитовскій былъ придворнымъ поэтомъ Степана Баторія и Сигизмунда III. Кромѣ «Жизни шляхтича въ деревнѣ», онъ описалъ въ стихахъ путешествіе Сигизмунда III въ Швецію («Droga do Szwecyi króla j. mości w r. 1594»; съ перваго Краковскаго изданія 1597 г. перепечатана Туровскимъ въ 1860 г.), въ которомъ самъ онъ принималъ участіе.

чтобъ подать на обѣдъ сто блюдъ. Кто полагаетъ все наслажденіе въ золотѣ, тотъ не задумается обмануть ближняго, лихвою разорить бѣднаго человѣка, насиліемъ отнять чужое имущество или силою выгнать кого изъ собственнаго дома, продать при дворѣ отечество въ надеждѣ на невѣрную награду...»

Извѣстный Польскій историкъ и поэтъ, Мартынъ Бѣльскій [3]), въ сатирѣ «Разговоръ двухъ барановъ объ одной головѣ» [4]), называя современную ему шляхту «выродками доблестныхъ отцевъ», такъ описываетъ перемѣну, происшедшую въ его время въ Польшѣ: «Прежніе мужи стали бабами, какъ видно и по ихъ одеждѣ. Я вижу Испанцевъ, Итальянцевъ, Нѣмцевъ и даже Мадьяръ [5]): куда-же дѣлись Поляки съ древними Мазурами,—тѣ, что́ садились на коня въ простой суконной курткѣ съ мечемъ въ рукахъ и ногъ себѣ не подвязывали китайкою? И было хорошо, хотя и не по-Мадьярски; а теперь все далеко отъ нихъ удалилось: настали раздоры, вѣра разодрана, мѣсто умѣренности заступили надменность, любостяжаніе, корыстолюбіе, духовенство упало, король, ксёндзъ и всѣ вообще потеряли значеніе. Боже, избавь насъ отъ казни»! Словомъ, упадокъ во всемъ: порокъ побѣждаетъ добродѣтель, глупцы первенствуютъ передъ умными, своевольная молодежь не боится наказанія, и кто посильнѣе, тотъ мылитъ другому шею: говоритъ сладкія слова, а въ сердцѣ ядъ кроетъ. «Какія убійства, клеветы, вражды, того и гляди, что одинъ бросится на другого. Кинулись люди на всѣ излишества свѣта, возстали другъ противъ друга. Часто дерутся отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ. Дѣти не слѣдуютъ обычаямъ отцевъ: если отецъ порядочный, то сынъ

[3]) Мартынъ Бѣльскій (1495 — 1575) молодость провелъ при дворѣ Краковскаго воеводы, Петра Кмиты, потомъ служилъ въ войскѣ и участвовалъ въ походахъ въ Валахію и противъ Татаръ; на старости поселился въ своей деревнѣ Бѣлой въ Сѣрадзскомъ повѣтѣ. Пріобрѣлъ извѣстность своими историческими трудами, особенно же своею «Польскою хроникою», изданною съ дополненіями и измѣненіями сыномъ его Іоахимомъ въ Краковѣ въ 1597 г. См. Неринга, «O życiu i pismach Joach. Bielskiego» (Poznań 1860).—Отъ него остались также три весьма рѣдкія нынѣ сатиры: «Женскій сеймъ» (Sejm niewieści), «Майскій сонъ» (Sen majowy) и «Разговоръ двухъ барановъ объ одной головѣ» (Rozmowa dwu baranów o jednéj głowie). О первой см. статью Войцицкаго въ «Archiwie domowym» 1856, о двухъ послѣднихъ Владислава Вислоцкаго: «Dwie rzadkości bibliograficzne» (Lwow, 1873).

[4]) «Rozmowa nowych prorokow, dwu baranow o iedney głowie, starych obywatelow Krakowskich» (Krakow 1587)—у Вислоцкаго стр. 16—18, 23.—Въ Краковѣ до нашего времени на углу рынка и улицы св. Анны былъ домъ съ изображеніемъ двухъ барановъ объ одной головѣ. Домъ этотъ еще въ XVI вѣкѣ назывался «Pod Barany». Въ уста этихъ барановъ авторъ влагаетъ жалобу на испорченность современныхъ ему нравовъ.

[5]) Здѣсь разумѣется страсть Поляковъ носить иностранныя одежды, — о чемъ скажемъ впослѣдствіи.

мотъ. Пріятель-опекунъ отдаетъ его въ ксендзы, а другой самъ пойдетъ въ монахи, и, таскаясь по улицамъ въ сѣрой рясѣ, проситъ милостыни. Всѣ вообще развратились, каждый ищетъ своей корысти, а объ отечествѣ никто не думаетъ. Границы государства оставлены безъ защиты, и некому объ этомъ заботиться. Москва трубитъ намъ подъ ухомъ, Шведъ бьетъ въ барабанъ и старается отнять у насъ ключи отъ Лифляндскихъ замковъ. Татары хотятъ отъ насъ дани, сукна и кожуховъ, Волохи помышляютъ объ измѣнѣ, Низовскіе козаки охотно поссорили-бы насъ съ Туркомъ. А мы что́ дѣлаемъ? сидимъ спокойно за чарками, оставляя непріятелю полную свободу грабить насъ». Указавъ на безправіе судовъ, пустую болтовню и пьянство на сеймахъ, поэтъ продолжаетъ: «Не достало-бы бумаги, если-бы я хотѣлъ описать, какая во всемъ роскошь, какія одежды у шляхтянокъ и молодыхъ людей, за которыя выманиваетъ деньги Жидъ и Итальянецъ, хитрый народъ, ка̀къ дорого стоютъ напитки и кушанья, которыя потомъ приводятъ къ большой нуждѣ. Не могу смотрѣть на нынѣшній свѣтъ: съ каждымъ годомъ приходимъ къ худшему». Обманъ, вымогательство, взяточничество господствуютъ повсюду; вымышленныхъ пошлинъ требуютъ съ хлопа, съ котораго и безъ того каплетъ кровавый потъ. «Но возвратимся къ шляхтѣ. Какая расточительность! Одинъ другого старается перещеголять... хотя-бы пришлось заложить деревню съ усадьбою».

Съ подобными-же укорами обращается къ шляхтѣ даже беззлобный поэтъ чернолѣсскій—царь Польскихъ поэтовъ XVI вѣка[1]): «Укажите мнѣ, вы, люди денежные, что́ хорошаго вы сдѣлали. Не буду вспоминать старины: въ нѣсколько лѣтъ Татаре пять разъ васъ обобрали, братью вашу продали Туркамъ въ неволю, — деспотъ, настоящій потомокъ тѣхъ давнихъ деспотовъ, на вѣчное ваше посрамленіе, дважды прошелъ всю вашу землю, Московитянинъ отнялъ у васъ Полоцкъ и въ грамотахъ пишетъ, что Галичъ его отчина. Шведы черезъ море протягиваютъ къ вамъ руки и изъ горсти вашей вырываютъ Лифляндію; наконецъ, если-бы не Висла, то у насъ были бы ужь Нѣмцы, отъ которыхъ вы откупились Поморьемъ. Вотъ плодъ вашихъ богатствъ, вотъ что̀ вы выиграли, оставивъ саблю и сидя за плугомъ. Но это еще только нача́ло: не того еще дождетесь со-временемъ, милые братья, когда снимутъ съ ва̀съ маску и узна́ютъ люди, ка̀къ Поляки отстали отъ

[1]) «Jana Kochanowskiego, Satyr». Первое его сочиненіе, вышедшее въ 1563 г., по изд. Варш. 1861, стр. 168—170.

своихъ предковъ. Не разсчитывайте на праздность Турковъ: они—себѣ-на-умѣ; вѣдь, послѣ затишья на морѣ бываетъ сильная буря. Не знаю, что за пріязнь у васъ съ Нѣмцами, что за самонадѣянность; знаю только то, что они съ васъ глазъ не спускаютъ и съ каждымъ годомъ все ближе къ вамъ присосѣживаются. Копайте-же каналы, свозите изъ боровъ къ Вислѣ корабельный матеріалъ, обращайте въ пепелъ лѣса, рубите, и я увижу, куда припрутъ васъ, Поляковъ, такъ прозванныхъ отъ полей [2]), куда вы скроетесь. Нѣтъ у васъ ни коней, ни хорошаго оружія, ни надлежащей подготовки, а безъ этого плохо воевать. Посмотрите-же, куда васъ привели эти богатства: вы совсѣмъ забыли военную науку, а отъ нея зависятъ не только ваши помѣстья, но и жизнь и вольность ваша. Пусть себѣ другіе, какъ хотятъ, разумѣютъ право, пусть себѣ умѣютъ красно писать и говорить: все пустяки, если на границѣ не будетъ надежнаго воина. Если же золотомъ хотите быть грозны сосѣдямъ, то тѣмъ скорѣй они пожалуютъ къ вамъ въ гости. Но и богатства у васъ я не вижу: гораздо больше между вами такихъ, что разстались съ своими деревнями и отцовскую утварь дали Жидамъ на храненіе. Тяжело нуждаться, а еще тяжеле поневолѣ убираться изъ дома. Какая же тому причина, ради Бога, что вы—такіе хозяева—терпите нужду? Роскошь, сосѣдушка, роскошь, которая, какъ море ненасытное, все пожираетъ: мало ей на разъ все годовое гумно, съѣстъ она иногда вмѣстѣ съ нимъ и землю, и хлоповъ, а наконецъ и пана: вотъ что это за гостья! Хоть пропади, никому не уступитъ. Даетъ кто пятьдесятъ блюдъ—онъ [3]) дастъ втрое; ты его напоишь, а онъ и слугъ твоихъ; ты въ рысьей шубѣ, а онъ въ собольей; у тебя золото на шапкѣ, а у него и на башмакахъ, хотя-бы была грязь на улицѣ; шаровары у него шире, чѣмъ у кого; за кафтанъ сто злотыхъ—это еще не дорого; а когда онъ нарядится по-гусарски, узнаешь по воротнику, на который пошла цѣлая шкура звѣриная... Сколько-бы онъ ни проигралъ, никогда не смутится, да еще остатокъ разбросаетъ пажамъ; его дворъ—льстецы, а совѣтникъ—сводникъ; привратниковъ ему не нужно—его ворота стерегутъ кредиторы. Вотъ кому вы служите, вотъ кто вводитъ васъ въ долги, выживаетъ изъ деревень и обращаетъ въ слугъ. Бѣдность вашихъ пред-

---

[2]) Polak od pola rzeczon, pospolite głosy.

[3]) Здѣсь поэтъ олицетворяетъ роскошь—zbytek (по-Польски муж. рода). Въ переводѣ, по необходимости, удержанъ мужескій родъ, такъ какъ поэтъ олицетворяетъ роскошь въ образѣ мужчины.

ковъ была лучше нынѣшнихъ богатствъ. Кто теперь заложитъ замокъ? кто построитъ монастырь? кто подаритъ королю городъ и значительную сумму денегъ? а это бывало часто при вашихъ отцахъ, которые отечество любили больше самихъ себя. А нынѣ скорѣе возьмутъ, чѣмъ дадутъ королю или священнику...»

Клёновичъ, въ извѣстной уже читателямъ поэмѣ «Victoria deorum» [1]) говоритъ, что въ роскоши и изнѣженности Поляки превзошли Сибаритовъ и Клеопатру: «всѣ домогаются чрезвычайнаго и гнушаются обычнымъ,—чуть не начинаемъ выжимать сокъ изъ ягодъ, чуть не растворяемъ въ уксусѣ жемчугъ». Въ другой поэмѣ на Польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Мѣшокъ Іудинъ» (Worek Judaszow) [2]), Клёновичъ называетъ изнѣженность и страсть къ роскоши источникомъ всего злаго, и представляетъ намъ нѣсколько образовъ, схваченныхъ съ натуры: картёжника, плута, вора и разбойника, ханжу, сутягу и т. п. Все это люди, непривыкшіе къ труду и промотавшіе свое состояніе въ пьянствѣ, роскоши и развратѣ. Между ними находимъ и такихъ, которые обогащались на счетъ государства. «Есть еще и теперь такія государства, въ которыхъ вельможные сенаторы получаютъ обильные доходы. Никто имъ не завидуетъ, никто ихъ не упрекаетъ: глупая и слабая зависть безсильна противъ нихъ. Какъ встарину, такъ и теперь говорятъ: пойдемъ на золотое жниво (eamus ad messem auream), какъ совѣтовалъ Дромоклидъ Стратоклесу, когда съ алчностью зазывалъ его на такое жниво. И нынѣ между корыстолюбивыми раздаются такіе голоса: будемъ жать золотую пшеницу, будемъ жать золотые колосья,—будемъ доить государство, будемъ рѣзать золотое гроздіе: вѣдь виноградникъ богатъ, а вымя полное. На такихъ мѣстахъ можешь и разбогатѣть, и утратить доброе имя и душу» [3]).

О людяхъ, покупавшихъ государственныя должности, поэтъ такъ отзывается: «Не знаю, что ты покупаешь, несчастный; не знаю, долго-ли ты, невольникъ, просидишь на своемъ княжествѣ. Вотъ тотъ купилъ бургомистерство въ большомъ городѣ, чтобы слупить

[1]) Cap. XXI, p. 122.

[2]) «Worek Judaszow to iest złe nabycie maiętności». Эта сатира въ первый разъ вышла въ Краковѣ въ 1600 году. Названіе объясняется эпиграфомъ изъ евангелія отъ Іоанна, 12: «Iudas fur erat, et loculos habens, ea quae mittebantur portabat». Раздѣлена на 4 части: 1-я—волчья шкура или тайное любостяжаніе, 2-я — лисья или присвоеніе чужой собственности хитростью, 3-я—рысья или присвоеніе чужой собственности подъ видомъ права и купли и 4-я—львиная или присвоеніе чужаго насиліемъ.

[3]) По Краковскому изданію 1607 г. B. 4. (изд. Туровск. стр. 74—75).

съ другихъ, что̀ далъ за свой выборъ. Онъ продаетъ справедливость, беретъ взятки, потому что эту должность купилъ безмѣрно дорого» [4]). А вотъ изображеніе чиновника-казнокрада и плута [5]): «Иной, получивъ государственную должность, завѣдуетъ городскимъ имуществомъ или судомъ въ цѣлой области: общественные доходы присвоиваетъ себѣ, притѣсняетъ королевскихъ подданныхъ,—пугая своимъ мундиромъ, вымышляетъ всякія штуки—winy, deputacye, pamiętne i sosze [6]) и забираетъ неповинные гроши съ простаковъ, которые не смѣютъ, или не умѣютъ противиться кривдѣ...»

Страсть къ роскоши, говоритъ Модржевскій [7]) порождаетъ любостяжаніе и влечетъ ко многимъ порокамъ. «Мы хвалимся измѣною, обманомъ, пьянствомъ, обжорствомъ, распутствомъ и всякаго рода пороками. Сдѣлать наѣздъ, овладѣть чужою собственностью, убить человѣка, попирать божеское и человѣческое право считается у насъ славнымъ».

Ограничиваясь вышеприведенными отзывами лучшихъ Польскихъ писателей XVI вѣка (чтобъ исчерпать весь матеріалъ находящійся у насъ подъ руками, не достаетъ намъ ни времени, ни мѣста) о томъ, ка́къ вліяла домашняя жизнь шляхты на Польское общество и государство, постараемся проникнуть въ «святая-святыхъ» шляхтича, посмотримъ, ка́къ онъ жилъ и проводилъ время въ кругу своей семьи и друзей.

Устройствомъ домъ шляхтича мало отличался отъ панскаго палаццо или замка: вся разница была въ размѣрахъ, въ придаточныхъ видахъ, въ роскоши. Домъ шляхтича обыкновенно былъ деревянный, одноэтажный, но иногда имѣлъ еще gadę (этажъ). По угламъ въ немъ были двѣ комнаты (izby), а посрединѣ сѣни. Во дворъ, находившійся передъ домомъ, вели высокія ворота. Обыкновенной величины домъ назывался дворомъ; если же онъ былъ бо́льшихъ размѣровъ и имѣлъ при себѣ флигели (officyny), то его величали палаццо; если же былъ построенъ изъ камня на холмѣ и окруженъ водою или рвами и валомъ, то звался за́мкомъ. Панскіе палаццо и за́мки строились изъ прочнаго камня и имѣли обыкновенно два, рѣдко три этажа. Фасадъ украшался гербами и вензелями владѣтеля или владѣтельницы. Фронтонъ поддерживался колонами. Галерея (ambit, krużganek) иногда окружала все зда-

---

[4]) Ibid. f. C. (Туровск. стр. 76). [5]) Ibid. f. C. 2 (Туровск. 78—79).
[6]) Названія налоговъ и пошлинъ.
[7]) «De republ. emend.», lib. I, cap. XXIII, p. 79.

ніе; по угламъ были барьеры, у подъѣзда крыльцо со столбами (ƀalasy); надъ галереею бывали балюстрады и балконы. Надъ палаццо или за́мкомъ возвышались башни, на одной изъ которыхъ были часы, съ металлическими, иногда золочеными шпилями, съ разнообразными флюгерами. При палаццо или за́мкѣ находились: каплица, павильоны, разныя службы и кордегарда (сторожка), съ турмою или козою (карцеромъ). Посреди обширнаго двора былъ прудъ, съ бьющимъ фонтаномъ. Внутреннее расположеніе покоевъ было слѣдующее: обширныя сѣни вели въ переднюю (antikamera), за которою слѣдовала цѣлая амфилада комнатъ разныхъ названій, разной величины, съ разнообразною обстановкою. Порогъ былъ высокій, откуда произошла поговорка: «za wysokie te progie na moje nogi» (эти пороги слишкомъ высоки для моихъ ногъ). Высокія же двери покрывались дорогими портьерами. Полъ былъ каменный, мраморный или деревянный. Лѣпною работою изъ гипса или воска украшались двери, окна и потолокъ, расписанный золотомъ или красками. Стекла въ окнахъ обыкновенно были круглыя, зеленыя; бѣлыя, Венеціянскія были большою рѣдкостью. Стѣны покрывались Цареградскими коврами или расписывались картинами и арабесками. Иногда на стѣнахъ изображались портреты Польскихъ королей, но чаще—предковъ владѣльца палаццо или замка. Покрывали также стѣны парчею, атласною или бархатною матеріею, или же шпалерами съ историческими изображеніями (гобеллины). На стѣнахъ висѣли зеркала, сначала металлическія, а потомъ стеклянныя. У оконъ были занавѣси, маркизы и ставни. Мебель подъ цвѣтъ обоевъ была самая разнообразная; аптечки, шкапы, столы, лавки съ матрацами, кресла, стулья, диваны, этажерки съ дорогою посудою и разными бездѣлушками изъ кипариса и слоновой кости, башенки съ часами, бившими или игравшими. На каминахъ и столикахъ (иногда мраморныхъ) стояли дорогіе подсвѣчники и жирандоли; на потолкѣ висѣло люстро. Столы и полъ покрывали Турецкими, Персидскими и Англійскими коврами. Широкая роскошная лѣстница вела въ женскую половину, отдѣланную съ меньшею роскошью.

Необходимую принадлежность палаццо составлялъ садъ, въ которомъ разводились рѣдкія заграничныя растенія и цвѣты. Такіе сады назывались wiridarze или dziardyny (съ Итальянскаго giardino). Они украшались фонтанами, каскадами, кіосками, бельведерами, гротами, руинами и т. п. Дубовый заборъ отдѣлялъ цвѣточный садъ отъ фруктоваго. Съ другой стороны палаццо былъ рыбный

прудъ, окруженный липами, а при немъ иногда роща съ множествомъ птицъ, зайцевъ, кроликовъ, сѣрнъ и оленей [1]).

Въ немногихъ словахъ Рей [2]) описываетъ наружность замка: «Увидѣлъ на горѣ замокъ особенной красоты: съ высоты онъ блестѣлъ, какъ цвѣтокъ. Какія правильныя крыльца! Какія прекрасныя башни! мастерски расположенныя, одна другую стережетъ. На позолоченыхъ шпиляхъ скрипятъ флюгеры—точно музыка играетъ...»

А нѣсколько ниже онъ такъ изображаетъ домъ простаго шляхтича: «Подошли къ дому: онъ былъ огороженъ, и за приличнымъ заборомъ были насажены деревья — каштаны, фиги, померанцы, сливы, персики. Между ними стоятъ красивыя розы, бѣлыя и красныя,—а далѣе красуются огурцы, арбузы и разныя ягоды. Посреди течетъ ручеекъ, окаймленный зеленою травкою. По деревьямъ летаютъ фазаны, а цыплята, какъ муравьи, подъ ними копошатся. Скачутъ кролики и зайчики. Подъ самымъ заборомъ течетъ красавица-рѣка, переливаясь по камнямъ золотою струею. Плаваютъ по ней рыбки и, преслѣдуя червяковъ, скачутъ на зеленые кустарнички. Вошли потомъ въ домъ: всего полно, вездѣ чистота. Стоитъ опрятная кровать, покрытая одѣяломъ, а за нею въ головахъ lilium convalium. На столѣ лежатъ книжки и стоятъ часы».

Въ другомъ мѣстѣ Рей подробно описываетъ панскій садъ и внутренность панскихъ покоевъ [3]): мы не будемъ вслѣдъ за поэтомъ перечислять всѣ растенія, большею частью—рѣдкія, которыя украшали панскій садъ; пройдемъ молчаніемъ заморскихъ птицъ и животныхъ, содержавшихся для панской потѣхи; остановимся только на постройкахъ. «По угламъ чудныя бесѣдки, построенныя съ большими издержками. Онѣ украшены рѣзными изображеніями изъ кипариса и слоновой кости въ новомъ вкусѣ. Мебель изъ дорогаго дерева съ мозаикою изъ камней и жемчуга. Полъ изъ серебряныхъ досокъ, покрытыхъ лазурью, а потолокъ въ дивныхъ цвѣтахъ весь позолоченный. Шпалеры на стѣнахъ изъ серебра, изъ золота, такой чудной работы, что въ глазахъ рябитъ. На нихъ изображены Ахиллесы, Парисы, Язонъ, Гекторъ, Улиссъ и Пріамъ, Елена въ драгоцѣнной одеждѣ, Дидона, Пенелопа, прекрасная Эксіона. Какъ живые, они стояли предъ очами удивленнаго зрителя. Разныхъ видовъ столы, дорогіе буфеты были украшены дорогими камнями и разно-

---

[1]) Ł. Gołębiowskiego, «Domy i dwory» (Warszawa 1830) str. 7—27, 145—156.—W. Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow i zwyczajow», t. II, str. 231—240.

[2]) «Wizerunek żywota człowieka poczciwego» (Krakow, 1558), Rozdz. VI, 64—65. [3]) Ibid. Rozdz. III, 23—25.

образною позолотою. Тарелки, миски, ложки изъ чистаго хрусталя, а кораловыя вилки оправлены въ золото. Куда ни посмотришь, вездѣ блестѣло...»

По словамъ Петра Збылитовскаго [1]), стѣны съ верху до низу и даже камины покрывались дорогими коврами; кровати были на винтахъ, перины атласныя, а подушки изъ золотой парчи.

Еще больше роскоши было въ одеждѣ, и это съ отдаленнѣйшихъ временъ. По свидѣтельству перваго Польскаго лѣтописца, Мартына Галла [2]), паны и пани при дворѣ Болеслава Храбраго носили дорогія одежды и шубы, крытыя парчею; паны украшали шеи тяжелыми золотыми цѣпями, а золотыя украшенія пань были такъ тяжелы, что ихъ должны были поддерживать, чтобъ онѣ не упали подъ тяжестью металла. Въ правленіе Альбрехта и Александра Ягеллончика еще болѣе развилась роскошь въ одеждѣ: носили длинныя одежды изъ дорогихъ шелковыхъ матерій, драгоцѣнныя шубы, и отпускали длинные волосы. Позже (съ 1515 г.), въ подражаніе Татарамъ, стали носить короткія одежды. Польскіе короли изъ иностранцевъ (Вячеславъ Чешскій, Лудовикъ Венгерскій, Степанъ Баторій) и кровные Поляки на иностранныхъ престолахъ (Владиславъ Варненчикъ и сынъ Казиміра Ягеллончика), путешествія молодыхъ людей заграницу и служба Поляковъ при иностранныхъ дворахъ—развили въ Польшѣ страсть къ иностраннымъ одеждамъ, преимущественно Итальянской, Французской и Испанской. Заимствовали одежду даже у непріятелей (Турокъ, Волоховъ, Татаръ) на память о побѣдахъ, одержанныхъ надъ ними. Сигизмундъ-Августъ любилъ одѣваться по-Испански; Степанъ Баторій распространилъ въ Польшѣ Мадьярскую одежду. Только Нѣмецкая одежда возбуждала въ Полякѣ отвращеніе, и въ Бохнѣ простолюдинъ до сихъ поръ говоритъ:

Nie cyń gzechu niecystego,
Stseż się stroju Niemieckiego [3]).

Объ одеждѣ Польской шляхты въ XVI вѣкѣ современники-Поляки и иностранцы, описывавшіе Польшу, оставили нѣсколько любопытныхъ извѣстій.

Янъ Красинскій въ «Описаніи Польши», посвященномъ

---

[1]) «Zchadzka zemiańska» (первое изданіе въ Краковѣ 1605 г.), по изд. Туровск., стр. 26. [2]) Lib. I, cap. 6, 12, 16.
[3]) Gołembiowskiego, «Ubiory w Polsce» (Krakow, 1861), str. 7.

Генриху Валуа въ 1574 году [4]), говоритъ: «Шляхта и паны носятъ весьма дорогія одежды изъ парчи, обшитой перлами, подбитой собольимъ или куньимъ мѣхомъ, съ отворотами, шитыми серебромъ и золотомъ. На пальцы одѣваютъ серебряные позолоченные и золотые перстни съ жемчугомъ. Весьма дорогіе кривые мечи, называемые Персидскими саблями, въ серебряныхъ или золотыхъ ножнахъ, припоясываютъ къ боку; ножны и рукоятки украшаютъ драгоцѣнными камнями».

По словамъ другаго современника, Мартына Кромера [5]), одежда у Поляковъ чрезвычайно разнообразна. Многимъ нравится иностранная одежда. Съ недавняго времени женщины стали носить мужскіе плащи. Замужнія носятъ на головѣ кисейныя или газовыя покрывала, а дѣвушки по старому обычаю ходятъ съ открытыми головами, украшая ихъ золотыми, жемчужными и шелковыми повязками и вѣнками цвѣтовъ; но теперь женщины, подобно мужчинамъ, стали носить на головѣ шелковыя шапки, отороченныя мѣхомъ. Нѣсколько далѣе (стр. 76) Кромеръ говоритъ: «Вошло въ обычай одѣваться не только въ иностранные сукна и мѣха̀, но также въ шелкъ и пурпуръ и украшаться серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Примѣру богатыхъ пановъ страстно подражаютъ шляхта и мѣщане».

Бывшій на Польской службѣ при Степанѣ Баторіѣ, Итальянецъ Александръ Гваньини [6]) говоритъ: «Поляки носятъ одежду различныхъ народовъ, въ особенности же Итальянцевъ,

---

[4]) Впослѣдствіи секретарь Степана Баторія; умеръ въ 1592 году. Его «Polonia» издана въ 1574 г., въ Болоньѣ, гдѣ онъ въ то время учился.—Польскій переводъ Будзинскаго (Варшава, 1852), стр. 21.

[5]) «Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica regni Poloniae» (Coloniae, 1577). Lib. I, pp. 63—64. Знаменитый Польскій историкъ и дипломатъ, Мартынъ Кромеръ (1512—1589) учился сначала въ Краковской академіи, а потомъ заграницею (въ Германіи и Италіи). По возвращеніи на родину получилъ мѣсто секретаря короля Сигизмунда-Августа, который въ 1552 году пожаловалъ его въ шляхтичи и далъ ему Варминскую канонію. Съ тѣхъ поръ онъ принялъ дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и нѣсколько разъ былъ отправляемъ посломъ къ заграничнымъ дворамъ (къ папѣ Павлу III, императорамъ Карлу V и Фердинанду) и на Тридентскій соборъ. По смерти извѣстнаго кардинала Гозія, былъ назначенъ Варминскимъ епископомъ. Славился ученостью и дипломатическими способностями. Въ 1555 году въ Базелѣ онъ издалъ свою исторію Польши «De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX». Она доведена до 1506 года и отличается критическими пріемами и образцовымъ языкомъ. Другое его сочиненіе «Polonia» (Описаніе Польши и ея жителей) издано въ первый разъ въ Кёльнѣ въ 1577 г.—Кромеръ оставилъ также много политическихъ рѣчей и посланій и сочиненій богословскихъ (противъ Лютеранъ). См. о немъ монографію Кипріана Валевскаго: «Marcin Kromer» (Warszawa 1874)

[6]) «Sarmatiae Europeae descriptio» (Cracoviae, 1578). Poloniae descriptio f. 77 r°.

Испанцевъ и Мадьяръ (одежда этихъ послѣднихъ наиболѣе распространена); иные одѣваются по-Нѣмецки, по-Турецки, по-Московски и по-Чешски; ибо, странствуя по разнымъ, даже отдаленнымъ странамъ, они заносятъ въ отечество чужіе обычаи».

Другой Итальянецъ, Антонъ Граціани въ жизнеописаніи кардинала Коммендони [1]), бывшаго папскимъ легатомъ въ Польшѣ подъ конецъ правленія Сигизмунда-Августа и при Генрихѣ Валуа, также свидѣтельствуетъ о разнообразіи одежды Польской шляхты: «одни носятъ народную одежду, другіе—Мадьярскую, Татарскую, многіе—Итальянскую, нѣкоторые—Французскую. Одни съ луками, стрѣлами и кривою саблею, другіе съ копьями и щитами, иные въ панцыряхъ и шлемахъ; немногіе тяжело вооружены, почти всѣ составляютъ легкую конницу. У нѣкоторыхъ были бритыя головы, у другихъ стриженныя, у многихъ были отпущены длинные волосы; у однихъ была длинная борода, у другихъ бритые подбородки и длинные усы. Разнообразіе одеждъ, голубыя, зеленыя и красныя платья, дорогіе мѣха̀, блестѣвшіе шелкомъ и золотомъ, поражали взоръ зрителей».

Менѣе обстоятеленъ въ описаніи одежды Польской шляхты Юлій Руджери, состоявшій нунціемъ папы Пія V при дворѣ короля Сигизмунда-Августа съ 1566 по 1568 годъ [2]): «Вся шляхта одѣвается богато въ разноцвѣтныя платья, преимущественно Мадьярскія, иногда Итальянскія, не только изъ шелка, но также изъ парчи, подбитыя дорогими мѣхами».

Венеціянскій посолъ, Іеронимъ Липпомано, возвратившись изъ Польши въ 1573 году, въ представленной имъ въ Венеціянскій сенатъ реляціи [3]) говоритъ, между прочимъ, объ одеждѣ

[1]) Польскій переводъ въ изданіи Нѣмцевича: «Zbior pamiętnikow historycznych o dawnéy Polszcze», t. I, str. 249.

[2]) «Relatione data al S. S. N. papa Pio V da monsig[r] Giulio Ruggieri protonat[o] apostolico ritornato nuntio di S. S. dal serenissimo rè di Polonia nell' anno 1568». (Съ рукописи библ. св. Марка въ Венеціи моя копія, стр. 10): «Usano nondimeno li nobili tutti di andare riccamente vestiti, et de varii colori, con habiti per il più all'Ungaresca, benche alle volte vestano ancora all'Italiana, con drappi non solo di seta, ma d'oro ancora e fodre di pelle molto honorate».—Польскій переводъ изд. Рыкачевскаго, «Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce 1548—1690 r.», t. I, str. 170.

[3]) «Relazione del regno di Polonia di Girolamo Lippomano l'anno 1575» (Съ рукописи библ. св. Марка въ Венеціи моя копія, листъ 12): «Vestano tutti li nobili pomposamente, e non solo di seta, ma d'argento ancora e d'oro, usando le fodre di perle preziose, ed abiti alcuni all'Italiana, ma per il più all'Unghera, siccome si radano il capo alla medesima usanza, costumando scarpe ferrate, e portando l'estate berretini alla Schiavona, e l'inverno di veluto o d'altro panno fodrati di pelle, adornandoli d'oro e d'argento, con le staffe d'argento, mostrando l'istessa pompa nelle scimitare ed in gran spadoni,

шляхты слѣдующее: «Вся шляхта одѣвается роскошно, не только въ шелкъ, но также и въ серебряную и золотую парчу, и украшаетъ одежду драгоцѣннымъ жемчугомъ. Нѣкоторые носятъ Итальянскую одежду, но большая часть—Мадьярскую. Подобно Мадьярамъ, брѣютъ голову. Сапоги подковываютъ. Лѣтомъ носятъ шапки Далматинскія, а зимою изъ бархата или другой матеріи отороченныя мѣхомъ, съ золотыми и серебряными украшеніями. Съ такою же роскошью украшаютъ сабли и огромные палаши, которые носятъ за ними ихъ слуги....»

Приведемъ, наконецъ, свидѣтельство извѣстнаго Французскаго историка, De Thou [4]). Онъ такъ описываетъ одежду Польскихъ пословъ, прибывшихъ въ Парижъ къ Генриху Валуа: «Парижане съ удивленіемъ смотрѣли на такихъ видныхъ мужей. Ихъ благородный и нѣсколько гордый взглядъ, ихъ сановитость, длинныя и густыя бороды, собольи шапки, мечи, украшенные драгоцѣнными камнями, сапоги съ серебряными подковками, луки, колчаны—все приводило въ удивленіе и очарованіе».

Лучшій комментарій къ сообщеннымъ нами извѣстіямъ современниковъ находимъ въ произведеніяхъ Польскихъ поэтовъ и публицистовъ. Бѣда тому государству, въ которомъ размножится и крылья распуститъ корыстолюбіе, говоритъ Рей [5]); ибо вмѣстѣ съ нимъ возсѣдаютъ несправедливость и грабительство. И какъ-же всему этому не размножиться при нашихъ издержкахъ, при нашихъ излишествахъ въ питьѣ, въ ѣдѣ, въ посудѣ, въ одеждѣ и въ экипажахъ,—для иныхъ и названія не приберешь. «Если вспомнишь дивныя чухи [6]), фальзарухи [7]), страдіотки [8]), деліи [9]) съ дивными воротниками, жупаны [10]), различные вымыслы Итальян-

---

che si fano portare dietro da loro servitori...» Въ напечатанномъ Рыкачевскимъ Польскомъ переводѣ (op. cit. I, 251—252) есть значительныя ошибки и пропуски.

[4]) Niemcewicza, «Zbior pamiętn. histor.» t. I, str. 231.

[5]) «Żywot poczciwego człowieka» (Краков. изд. 1568 г.), kn. II, kap. VI, ll. 57—58.

[6]) Czucha—шуба, крытая иногда красною камкою. Въ нихъ щеголяли молодые люди и пани. Ксендзы носили Турецкія шубы вмѣсто реверенды (Стрыйковскій). Чуха до сихъ поръ въ употребленіи у Карпатскихъ Лемковъ (см. «Славянскій Сборникъ», томъ I, 37).

[7]) Неизвѣстно, какой родъ одежды. Упоминается только Реемъ. Быть можетъ также, что falszura—длинная Турецкая одежда.

[8]) Родъ куртки, употреблявшійся для верховой ѣзды.

[9]) Делія, у Турокъ телей,—плащъ съ широкими рукавами, подбитый рысьимъ или инымъ мѣхомъ, съ огромнымъ мѣховымъ воротникомъ. Чѣмъ больше былъ воротникъ, тѣмъ пышнѣе считался нарядъ.

[10]) Стародавняя Польская одежда, почетная, въ употребленіи до сихъ поръ кое-гдѣ у простолюдиновъ.

скіе и Испанскіе, дивные плащи, саяны [1]), колеты [2]), оберцухи [3]), становится страшно о нихъ говорить: иныхъ назвать и заказать себѣ не умѣешь, а только прикажешь портному, чтобы сшилъ модное платье. И я слышалъ, что въ иностранныхъ краяхъ, когда случится нарисовать каждый народъ, изображаютъ Поляка нагаго съ ножницами въ рукахъ и кускомъ сукна передъ нимъ—крой себѣ, какъ хочешь! А сколько дивныхъ понталиковъ [4]), феретовъ [5]), эмалевыхъ цѣпочекъ, пестрыхъ беретовъ [6]) съ различными бубенчиками [7]). Есть такіе, что не только на головѣ, но и къ ногамъ привѣшиваютъ эти понталы и фереты. Кто-же можетъ достаточно надивиться этимъ чуднымъ вымысламъ, отъискивая которыя, мы исколесили землю и море, чтобы присвоить ихъ себѣ? А посмотри, сколько блага Божія тратится на эти золоченыя нитки, на эти форботы [8]), на эти теперелли [9]), на эти ткани и шитья, рисунковъ для которыхъ не можетъ уже болѣе выдумывать художникъ. Кто могъ-бы перечислить и запомнить всѣ эти различныя петлицы, строчки, затѣйливыя пуговицы и дивные шнуры съ кистями? Еслибы десять покроевъ выдумалъ въ одну недѣлю, все-таки каждый найдетъ своихъ поклонниковъ. Если будетъ платье съ большимъ воротникомъ по самый поясъ, то скажутъ: хорошо, красиво и удобно—и отъ вѣтра можно прикрыться, и спина не такъ почувствуетъ палочный ударъ. У другаго платья не будетъ воротника и на палецъ,—все таки хорошо: можно свободно оборачиваться на всѣ стороны, и воротникъ не будетъ кусать шею. Если платье съ длинными рукавами, иногда съ тремя, все-таки хорошо: придаетъ важности, когда ѣдешь на лошади, а рукава раздуваются. Если у платья рукава до локтя, все-таки хорошо: движенія свободнѣе и легче сѣсть на коня. Если платье будетъ длинное до земли, все-таки хорошо: кажешься рослымъ, идешь-ли пѣшкомъ, ѣдешь-ли верхомъ, и вѣтеръ не такъ гуляетъ около колѣнъ; если будетъ короткое—по поясъ, все-таки хорошо: чувствуешь себя легче и сво-

[1]) Sajan—Итальянская куртка на распашку.

[2]) Kolet—короткая одежда изъ лосьей шкуры для верховой ѣзды.

[3]) Obercuch, съ Нѣмецкаго,—верхнее платье, распущенное или шнурованное.

[4]) Pontał, pontalik — серебряныя и золотыя украшенія въ родѣ бусъ на шеѣ, въ ушахъ и на платьѣ.

[5]) Feret, fereta—пряжка изъ золота или серебра.

[6]) Bieret, biret — старинная рогатая шапка первоначально духовенства и академиковъ, а впослѣдствіи также женщинъ и мужчинъ вообще, даже Жидовъ (желтыя).

[7]) Czętki, cętki—бубенчики металлическіе, янтарные и стеклянные.

[8]) Forbot—кружева, вывозившіяся преимущественно изъ Голландіи бывали даже золотыя и серебряныя. [9]) Teperelle, trepelle—жабò.

боднѣе пѣшкомъ и на конѣ. Если будутъ шпоры въ пол-локтя, также хорошо: красивѣе кажешься на лошади и легче на ней держаться; если будутъ такія, что едва замѣтны на пяткахъ, также хорошо: и легче, и въ травѣ не завязнешь, если лишишься коня. Я увѣренъ, что если-бы кто приставилъ себѣ ко лбу позолоченные рога, то и это нашли-бы также хорошимъ, потому что все хорошо, что появилось сегодня и чего мы не видѣли вчера. А сколько будетъ стоить это хорошее, спросите у кошелька—пусть онъ отвѣтитъ. Одна работа стóитъ теперь столько, сколько прежде вся одежда порядочнаго шляхтича и его челяди».

Такою роскошью въ одеждѣ отъ богатыхъ пановъ заразилась шляхта средней руки, говоритъ Рей въ другомъ сочиненіи, изданномъ десятью годами раньше [10]): подобно панамъ, она украшается рубинами и жемчугомъ, одѣвается въ атласъ и парчу, хотя бы пришлось для этого заложить Жиду свою деревеньку.

На страсть Поляковъ подражать въ одеждѣ иностранцамъ, преимущественно Итальянцамъ, жалуется Мартынъ Бѣльскій въ извѣстной уже читателямъ сатирѣ «Разговоръ двухъ барановъ объ одной головѣ [11])». «Когда глупые Поляки не обращаютъ вниманія на дороговизну, пусть продаютъ (Нѣмцы и Итальянцы) кáкъ можно дороже. Будь самое дорогое платье, скажи только—Итальянское, и Полякъ купитъ, хоть-бы пришлось подъ залогъ занимать. Пока Поляки не знали этихъ Итальянцевъ, до тѣхъ поръ давали хорошій отпоръ непріятелю. А нынѣ самый ничтожный шляхтичъ считаетъ нужнымъ ѣхать въ Италію—посмотрѣть свѣтъ, хотя-бы долженъ для этого заложить вотчину. А вѣдь это народъ изнѣженный, ибо въ маскахъ ходитъ, и въ военномъ дѣлѣ намъ не наставники. Прежде, у насъ этихъ Итальянцевъ не бывало: они занесли къ намъ Французскую болѣзнь (franca), мускусъ и салатъ. Эти широкіе панталоны (pludry [12]), чулочки, горчицу недавно къ намъ принесъ гордый Итальянскій народъ».

Далѣе поэтъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о модныхъ товарахъ, продававшихся въ его время въ суконномъ ряду (sukiennice) въ Краковѣ [13]). «Если пойдешь въ тотъ прекрасный суконный рядъ, то тáмъ скоро выворотятъ наизнанку твой кошель. Фалендушемъ [14]) прозвали дорогое Итальянское сукно, чтобъ лу-

[10]) «Wizerunek żywota człowieka poczciwego» (ed. 1558), Rozdz. II, 15—16. Cnf. V, 53 r°. [11]) «Dwie rzadkości bibliograficzne», str. 19.

[12]) Pludry—заимствованы не отъ Итальянцевъ, а отъ Шведовъ.

[13]) Ibid. 19—21.

[14]) Съ Нѣмецкаго fein-Holländisch, тонкое Голландское сукно.

каво сводить съ ума бѣдныхъ Поляковъ. Другое сукно для прелатовъ—зовутъ Итальянцы per cento, чтобы поболѣе выманить денегъ. Навозили котныровъ [1]), чтобъ обрѣзывать кошельки: купите, милые Поляки, есть въ чемъ показаться; а купивши, щипли по перышку съ барвы, продай за это платье старыхъ воловъ и овецъ: есть еще у насъ, слава Богу, иной скотъ. Куда вы дѣли стаметы [2]), двойные кольтрыши [3]), Мехельнскія [4]), Амстердамскія, Фламанскія сукна? Все это вы промѣняли на болѣе дорогія, за которыя Нѣмцы дерутъ съ васъ Польскіе злотые.... Пойдешь ли черезъ суконный рядъ на рынокъ, кричитъ торговка: купите, баринъ, брыжи; есть у меня двойная китайка, тонкое полотно; скажите только, что вамъ нужно....»

Вслѣдствіе страсти къ роскоши и предпочтенія иностраннаго своему родному настала страшная дороговизна на всѣ товары и развилось мошенничество купцовъ: чтó прежде стоило два гроша, продавали за 30, и при томъ низшаго качества.

«Но вернемся къ шляхтѣ, продолжаетъ поэтъ. Какая расточительность! Хотя иного въ крюкъ свели годы, все-таки онъ хочетъ перещеголять другаго въ одеждѣ, имѣть Турецкаго коня, золоченую сбрую. Чтобъ справить для своего коня серебряную упряжь, онъ заложитъ деревеньку съ усадьбою. Его Турецкое платье должно быть до земли; Венгерскіе полусапожки (ciżmy) и огромныя шпоры настали въ наши лѣта. Огромный воротникъ на куцомъ платьѣ прикрытъ шапкою: вѣтеръ и сзаду, и сверху поддуваетъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ Польшѣ настали эти огромные воротники, перевелись у молодыхъ людей денежки (halerze, нѣмецкое Häller, мелкая монета): воротникъ больше стóитъ, чѣмъ все платье. У иныхъ висятъ они до колѣнъ: ихъ оставляютъ въ наслѣдство женамъ вмѣсто недолговѣчныхъ полей....»

А женщины?—«Что за дива строютъ,—людей не стыдятся, Бога не боятся! Принялись читать книги, оставили веретено: отъ того такъ вздорожало у насъ полотно на рубахи. Какіе роскошные наряды каждый годъ вымышляютъ, — удивительно, какъ мужья это допускаютъ. Если нѣтъ своихъ платьевъ, индѣ занимаетъ.... Ибо онѣ сто разъ въ день перемѣняютъ наряды, а если нечего перемѣнить, притворится больною и лежитъ до вечерни.... Всѣ шляхтянки хотятъ имѣть кружевные рукава, хотя-бы пришлось зало-

---

[1]) Ворсъ на сукнахъ. [2]) Легкая шерстяная матерія.
[3]) Простое сукно. [4]) Изъ города Мехельна въ Голландіи.

жить деревню. Юнкеры [5]), салтарелле [6]), ментлики [7]), индераки [8]) приводятъ несчастныхъ людей въ разореніе.... Посмотри-жъ, что̀ сто̀итъ жемчужная рубашка, а на перстень и золотую цѣпочку идетъ послѣдній грошъ....»

Замужнимъ подражаютъ дѣвушки: онѣ отправляются по воскресеньямъ на балъ въ атласѣ; подъ тяжестью золотыхъ цѣпей едва могутъ ходить; зашнурованы такъ, что едва̀ дышатъ.

До насъ дошла весьма ѣдкая сатира Петра Збылитовскаго [9]) на страсть Полекъ къ роскошнымъ иноземнымъ нарядамъ. Она начинается такъ: «Что̀ со мною дѣлается? куда я занесенъ? Во Францію, въ Италію, или въ иныя страны? Вѣдь ты, сосѣдушка, просилъ меня къ себѣ на свадьбу, а я вижу удивительные наряды въ здѣшнемъ женскомъ кружкѣ и не замѣчаю тутъ ни одной Польки. Не знаю, кому кланяюсь, кого угощаю. Вотъ тамъ сидитъ Венеціянка, а тутъ—въ одеждѣ Испанской страны; тамъ, вѣроятно, Француженка, а тутъ—въ нарядѣ Нидерландскомъ или Флорентинскомъ. Одна прикрѣпила себѣ къ темени прозрачное покрывало.... другая одѣла на голову блестящую корону, шляпу съ перьями, съ которой ниспадаетъ великолѣпное покрывало, а высоко на лбу стоитъ кудрявая мушка [10])—настоящая чужеземка; третья пришпилила на голову какіе-то воротнички (krezíki) и проткнула ухо жемчужнымъ кольцомъ: жаль, что у носа она не привѣсила чего-нибудь — цѣнную жемчужину, или дорогой рубинъ! На шеѣ ожерелье изъ драгоцѣнныхъ алмазовъ: какъ выноситъ шея такой жесткій гальсбандъ! У той на шеѣ настоящая сѣтка, у другой Фламандское, у третьей газовое покрывало. Одна спустила его на плечи, а другая подставила подъ него серебряный обручъ. А та, посмотри, что̀ въ углу, какой воротникъ одѣла на шею: концы его спустились до самаго пояса. Ну а та въ дорогомъ платьѣ ужаснаго покроя: кругомъ—хоботы [11]) не дадутъ ей пошевелиться; шесть рукавовъ виситъ у нея, она усыпана жемчугомъ и разными драгоцѣнностями. А какъ ту охватилъ Португальскій нарядъ! мнѣ даже больно смотрѣть на нее. А когда наклонится, всѣ ноги видны....» Далѣе въ числѣ жен-

---

[5]) Неизвѣстный нарядъ, неупоминаемый Голембёвскимъ. Вислоцкій производитъ отъ Латинскаго jungere—едва ли правдоподобно.

[6]) Saltarella—извѣстный Итальянскій танецъ. Здѣсь разумѣется одежда, вѣроятно, заимствованная у Итальянокъ.

[7]) Mentlik,—съ Нѣмецкаго Mantel, плащъ.

[8]) Inderak, съ Нѣмецкаго Unterrak, юбка.

[9]) «Przygana wymyslnym stroiom białogłowskim» (Krakow, 1603).

[10]) Muszczka kędzierzawa—вѣроятно, особый головной уборъ, а не мушки, которыя налѣпляли на лице. [11]) Растопыренная юбка.

скихъ нарядовъ поэтъ упоминаетъ высокій киверъ, какъ у Турка, какой-то головной уборъ, называемый kornufas, и Испанскій хвостатый козубъ (Hispański kozub ogonisty).

По словамъ Андрея Збылитовскаго [1]), нигдѣ въ чужихъ краяхъ нельзя найти такихъ замысловатыхъ нарядовъ, какіе въ Польшѣ. Женщины подражаютъ мужчинамъ. «Одни одѣваются по-Турецки, другіе по-Персидски, третьи по-Татарски, четвертые по-Итальянски (мнѣ такія фигуры совсѣмъ не нравятся, такъ какъ онѣ имѣютъ въ себѣ что-то подозрительное); есть такіе, что̀ носятъ козацкое или Московское платье. Одинаково одѣваются паны и ихъ слуги. Одинъ далъ себѣ сдѣлать куцый кафтанъ, другой—шаровары, какъ мѣшки, третій—плащъ съ широкими рукавами (телей), четвертый—обрѣзанную делію, въ которой ходитъ, какъ полуощипанный гусь...»

Збылитовскій, подобно Бѣльскому, осмѣивая страсть къ роскоши и къ иноземнымъ нарядамъ современной ему шляхты, вспоминаетъ старыя времена, когда носили простую народную одежду, но зато имѣли денегъ въ изобиліи и не щадили ихъ на нужды государства.

Объ утратѣ народной одежды скорбитъ и Гурницкій; но онъ не имѣетъ достаточно смѣлости, чтобы возстать противъ модныхъ одеждъ, и совѣтуетъ только держаться въ предѣлахъ умѣренности и не впадать въ излишества и крайности [3]). «Нынѣ такъ много у насъ нарядовъ, что нѣтъ имъ числа: Итальянскій, Испанскій, Брауншвейгскій, гусарскій двоякій—старый и новый, козацкій, Татарскій, Турецкій и много иныхъ нарядовъ, которыхъ я не знаю. Кромѣ того, одни брѣютъ бороды и отпускаютъ усы, другіе стригутъ бороду по-Чешски, третьи подстригаютъ по-Испански. И усы носятъ различно: одни спускаютъ внизъ, другіе задираютъ вверхъ. Если-же кто совсѣмъ не стрижетъ бороды, то и этому находятъ оправданіе. Хотѣлъ-бы я знать, что-же лучше? Трудно дать на это отвѣтъ. Было-бы желательно, чтобы дворянинъ одѣвался какъ большинство; но, при необыкновенномъ множествѣ нарядовъ, трудно сказать, который болѣе употребителенъ; при томъ-же мы, Поляки, черезчуръ пристрастны къ иностраннымъ нарядамъ... Не знаю, хорошо-ли это, или дурно, что мы, Поляки, не имѣемъ своего собственнаго наряда: вѣроятно онъ былъ прежде, но потомъ омерзѣлъ намъ, когда мы стали гоняться за модами. Охо̀пни намъ не нравятся, а между тѣмъ они пахнутъ честною и святою свободою Польскою, которая была соединена съ

---

[1]) Ibid. 23—26. [2]) «Żywot szlachcica we wsi», str. 7—8.
[3]) «Dworzanin Polski», ks. II, str. 92—95 (изд. Туровскаго).

здоровьемъ государства, тогда какъ нынѣшніе новые наряды сіяютъ распутнымъ нахальствомъ,—источникомъ всего злаго, которое, сохрани Боже, чтобъ не привело къ Польской неволи...»

«Богъ знаетъ, продолжаетъ авторъ, принесетъ-ли чтò добраго намъ существующее въ Польшѣ разнообразіе нарядовъ; если же бы разорвали Польшу всѣ тѣ, наряды которыхъ мы носимъ, не знаю, чтò бы ей осталось. Поэтому нужно просить Бога, чтобы не было у насъ ни столь разнообразныхъ нарядовъ, ни столь дивнаго тщеславія. Возвращаясь-же къ предмету, о которомъ была рѣчь, скажу, что дворянинъ долженъ не уклоняться отъ общепринятаго обычая и одѣваться, сообразно съ своимъ призваніемъ. Если онъ будетъ гусаромъ, то пусть не носитъ огромныхъ воротниковъ и шпоръ (хотя бы находили въ томъ, не знаю—какую, пользу), потому что онъ можетъ быть виднымъ гусаромъ безъ этихъ крайностей. Кому нравится итальянщина, пусть броситъ слишкомъ короткую одежду—с а я н ъ на распашку и одѣвается кáкъ можно приличнѣе. Прежде все сіяло, а теперь, не знаю почему, вошелъ въ моду черный цвѣтъ—знакъ скорби и печали: хорошо-бы было, если-бы онъ уступилъ мѣсто веселому и блестящему цвѣту, гдѣ это нужно, какъ-то на турнирахъ, на охотѣ, въ маскарадахъ: эти блестящіе цвѣтà, если они хорошо расположены, имѣютъ въ себѣ грацію, оживляютъ и веселятъ взоры зрителей. Но, кромѣ этихъ случаевъ, пусть одежда дворянина будетъ не слишкомъ пестра ему слѣдуетъ одѣваться степенно, потому что по одеждѣ судятъ о людяхъ. Не даромъ у насъ говорятъ: «iako cię widzą, tako cię piszą» (какъ тебя видятъ, такъ тебя и пишутъ) или: «szalony strój—szalona głowa» (безумный нарядъ—безумная голова)...

«Прежде всего дворянинъ долженъ заботиться объ опрятности въ одеждѣ; такая—мужская, а не женская—опрятность должна быть соблюдаема не въ одной какой-нибудь вещи, а во всѣхъ: есть люди, которые выбрѣютъ себѣ голову и вздернутъ чуприну, а объ остальномъ не думаютъ; есть и такіе, чтò разчешутъ себѣ бороду или одѣнутъ акуратные сапожки и мечтаютъ, что ужъ они щеголи. Есть еще и такіе, чтò заботятся только о головѣ, чтобы шляпа была съ пряжками, съ красивою запонкою и съ разноцвѣтными перьями. Чѣмъ щеголяютъ они, то кажется не ихъ собственностью, а заимствованнымъ у другихъ; ихъ-же собственностью кажется то, чтò лежитъ на нихъ какъ ни попало...»

Въ томъ, что роскошь въ одеждѣ и страсть къ иностраннымъ нарядамъ имѣла развращающее вліяніе на нравы Поляковъ, согла-

сенъ съ Гурницкимъ знаменитый авторъ сочиненія «О преобразованіи Польскаго государства», Модржевскій [1]). Онъ говоритъ: «Честолюбцы, по большей части, живутъ въ чрезмѣрной роскоши и въ этомъ полагаютъ свою славу: понятно, ка́къ это вредно дѣйствуетъ на нравы. Ка́къ они тщеславятся богатствомъ и разнообразіемъ одежды—невозможно передать словами! Одежду, изобрѣтенную по необходимости для защиты отъ холода и жара или для прикрытія срамныхъ частей тѣла, люди тщеславные и честолюбивые употребляютъ, какъ средство для возбужденія въ другихъ уваженія къ ихъ богатствамъ, знатному происхожденію или къ общественному ихъ положенію: безразсудно они желаютъ, чтобы по блеску одежды считали ихъ великими. Стараясь передать матеріи честь, должную доблести, они болѣе украшаютъ одежду, чѣмъ самихъ себя. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобъ не порицать небрежность и неопрятность въ одеждѣ, а чтобы внушить умѣренность и устранить излишнюю роскошь въ одеждѣ, которая, сто́я такъ дорого, доказываетъ только пустоту ума, по слову поэта: «vestitu nimio indulges, nimium ineptus es» (ты слишкомъ заботишься объ одеждѣ, потому что ты слишкомъ глупъ). Разнообразіе формъ и цвѣтовъ одежды обнаруживаетъ разнообразіе и непостоянство нравовъ. Развѣ это не безобразіе, что въ одномъ и томъ-же домѣ члены одного и того-же семейства одѣваются различно—одни по-Нѣмецки, другіе по-Итальянски, а третьи по-Турецки, точно они родились въ различныхъ частяхъ свѣта? Но еще безобразнѣе, когда тотъ, кто утромъ ходилъ въ Итальянской шапкѣ, вечеромъ одѣваетъ Турецкую фалшуру, остроконечную шляпу и красные загнутые сапожки съ желѣзными подковками [2]). На перья тратится весьма много денегъ безъ всякой пользы и въ огромный ущербъ. Этотъ родъ украшеній простителенъ дѣтямъ, но мужей онъ не до-

---

[1]) «De republica emendanda», lib. I, cap. XXII, p. 74.

[2]) Въ современномъ Польскомъ переводѣ Кипріана Базилика (1577 г.) слѣдуетъ любопытная вставка, дополняющая Латинскій подлинникъ: «Пять или шесть лѣтъ назадъ (слѣдовательно, послѣ 1570 года), наши (Поляки) стали носить одежды короче, чѣмъ иностранцы, не стыдясь показывать тѣ части тѣла, которыя должны быть закрыты. А такъ какъ природа устроила наше тѣло такъ, что нѣкоторыя части должны быть скрыты отъ глазъ людей, то слѣдуетъ хвалить длинное платье или доходящее до колѣнъ, какъ признакъ стыдливости и скромности; ибо не только женщины, но и мущины оставивъ приличную одежду, теряютъ стыдъ. Развѣ не мерзко было бы, если бы женщины ходили въ платьяхъ немного ниже шагу? Старая пословица говоритъ: «u onych niemasz czoła, u których wstyd zagasł». А что-же это былъ бы за человѣкъ—безъ чела? Итакъ мы должны думать о стыдѣ, стараться заслужить доброе мнѣніе о себѣ и стыдиться взоровъ и сужденій людей». (По изданію Туровскаго, стр. 123).

стоинъ. Не знаю, не вредитъ-ли добрымъ нравамъ, что золотыя цѣпи—этотъ знакъ храбрости—носятъ одинаково люди храбрые и трусы. Въ Карѳагенѣ, во время его независимости, никому иному не было позволено носить перстней, кромѣ тѣхъ, которые отличались въ сраженіяхъ съ непріятелями: сколько кто совершилъ походовъ, столько перстней носилъ. Нынѣ-же настали такія времена, что не только перстни, но и цѣпи носятъ всѣ безъ разбора—не только люди честные, но и сводники, сутяги и ростовщики. Многимъ кажется, что ихъ мало уважаютъ, если они не сіяютъ золотою цѣпью, и чѣмъ она будетъ цѣннѣе, тяжелѣе и длиннѣе, тѣмъ болѣе будутъ ихъ почитать; а на самомъ дѣлѣ это только тщеславіе богатствомъ и признакъ необразованности».

Изъ вышеприведенныхъ выдержекъ, надѣемся, читатели могли познакомиться не только съ разнообразіемъ нарядовъ въ Польшѣ XVI вѣка, но также со взглядомъ Польскихъ писателей того времени на вопросъ объ одеждѣ. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ наше выраженіе: вопросъ объ одеждѣ; но кто поглубже вникнетъ въ то значеніе, какое имѣетъ одежда для народа, легко согласится съ нами, что такой вопросъ не только возможенъ въ наукѣ, но даже имѣетъ важное значеніе общественное и государственное. И это понимали Польскіе писатели XVI вѣка: они понимали, что нарядъ самъ по себѣ, какого бы онъ ни былъ покроя и происхожденія, дешево или дорого стоилъ, не имѣетъ никакого значенія для общества и государства, но что важно его вліяніе экономическое и нравственное на народъ. Всякій можетъ одѣваться, какъ ему хочется и нравится; но если для удовлетворенія его прихоти имѣть роскошные и модные наряды истощаются его средства, если онъ рѣшается, для пріобрѣтенія щегольскаго наряда, заложить Жиду или Нѣмцу деревню, продать необходимый въ сельскомъ хозяйствѣ скотъ, какъ это бывало въ Польшѣ XVI вѣка, если потомъ разорившись онъ старается поправить свои дѣла насчетъ государственной казны или выжать послѣдніе соки изъ своихъ хлоповъ, что тоже было нерѣдко между Поляками того времени,—то цѣлое общество и государство заинтересовано въ томъ, чтобъ положить предѣлъ такой пагубной страсти. Вотъ почему Польскіе писатели осмѣивали страсть шляхты XVI вѣка къ роскоши въ одеждѣ, указывали на дурныя послѣдствія экономическія такой страсти и напоминали своимъ современникамъ объ ихъ предкахъ, носившихъ простое платье, но зато располагавшихъ достаточными средствами, чтобъ помочь ближнему

или принести свою лепту въ пользу церкви и отечества: «такъ бывало встарину, говорятъ они, а нынѣ шляхта не даетъ, а только беретъ». Такова экономическая сторона вопроса объ одеждѣ; но онъ имѣетъ еще другую—болѣе важную сторону—національно-политическую. И на эту сторону обращали вниманіе Польскіе писатели XVI вѣка: они скорбятъ, что современная имъ шляхта забыла народный нарядъ и иначе о немъ не вспоминаетъ, какъ съ презрѣніемъ, что подобно ребенку, она съ жадностью кинулась на всевозможные иностранные наряды; они утверждаютъ, что разнообразіе въ одеждѣ порождаетъ рознь въ нравахъ, обычаяхъ, мнѣніяхъ; они высказываютъ даже опасеніе, что зависимость отъ иностранцевъ въ модѣ можетъ кончиться зависимостью отъ нихъ политическою, что со временемъ тѣ народы, у которыхъ Поляки заимствовали наряды, разорвутъ Польшу по клочкамъ, такъ что и слѣда ея не останется. Нѣтъ сомнѣнія, что высокомѣрная шляхта съ улыбкою снисхожденія или сожалѣнія слушала подобныя предсказанія; но увы! имъ суждено было исполниться.

Польская шляхта XVI вѣка отличалась роскошью не только въ украшеніяхъ жилищъ и въ одеждахъ, но также въ экипажахъ и лошадяхъ. Она пренебрегала породою Польскихъ и украинскихъ лошадей и разводила иностранныя породы: Арабскую, Турецкую, Татарскую (бахматъ), Трансильванскую (секель), Испанскую (дзянетъ), Нѣмецкую (фризъ), Англійскую и Итальянскую (Неаполитанскую) [1]). Не жалѣя издержекъ на пріобрѣтеніе дорогихъ лошадей, шляхта не скупилась также на сбрую и упряжь, которыя блестѣли золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями; сѣдла, чепраки, попоны покрывались бархатомъ, атласомъ и краснымъ Итальянскимъ сукномъ съ разными украшеніями. Лошадь убирали, какъ куклу, въ перья, ленты, цвѣты и металлическіе бубенчики. Красинскій говоритъ, что шляхта ѣздила на коняхъ богато убранныхъ; ихъ шею и груди покрывали серебряными или золотыми бляхами и дорогими мѣхами; сѣдла-же, головы и хвосты украшены драгоцѣнными камнями; многіе красили лошадей въ различные цвѣта. По словамъ Липпомано [3]) шляхта украшала лошадей золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; стремена бывали золотыя.

Экипажи были весьма разнообразны. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны колыбки (kolébka, т. е. колыбель), кораби (ко-

[1]) Ł. Gołębiowskiego, «Domy i dwory», str. 164.

[2]) «Polska», str. 21. [3]) «Relazione del regno di Polonia».

рабли) и кочи (Мадьярское kocsi—экипажъ вообще). Колыбки были большія и малыя; вмѣсто рессоръ, которыхъ въ то время не знали, употребляли цѣпочки или ремни; онѣ обивались бархатомъ и атласомъ, а у наиболѣе богатыхъ были посеребренныя или позолоченныя; подушки были набиты шерстью; покрывала для ногъ дѣлали изъ краснаго атласа. Кареты (karoce, вывозились сначала изъ Вѣны) большихъ размѣровъ назывались кораблями, а коляски (kolasa) полуоткрытыя—кочи: снаружи онѣ обивались разноцвѣтнымъ атласомъ, а внутри серебряною или золотою парчею [4]). На роскошь въ экипажахъ и лошадяхъ Рей та́къ жалуется въ лучшемъ своемъ произведеніи [5]). «Лошадь стоитъ 500 злотыхъ и столько-же сбруя. Какіе хальсбанды (alszband съ Нѣмецкаго halsband), кисти, бахромы! дивно смотрѣть на эти страшные вымыслы нынѣшняго свѣта... Какія также разнообразныя и чудно раскрашенныя колыбки съ вывѣшанными коврами, съ подушками изъ золотой парчи, съ покрывалами изъ краснаго атласа, съ позолоченными львами! А сколько это сто́итъ, кто расчитаетъ? Какъ-же при этомъ не размножиться корыстолюбію и грабительству? Какъ-же при этомъ можетъ остаться правда и справедливость? возможна-ли при этомъ беззаботная и веселая жизнь? Доставай, гдѣ хочешь, fas или nefas, чтобъ только удовлетворить страсти къ роскоши и съ другими сравняться, хотя бы пришлось кривить совѣстью и занимать безъ отдачи».

Шляхетскіе экипажи запрягались обыкновенно шестернею, потому что, какъ тогда говорили,

Już teraz tuzem jezdzić i kwatrem i dryją
Tylko tym należy, co żebracko żyją

(т. е. ѣздить въ одну, четыре и три лошади считается теперь приличнымъ только тѣмъ, которые живутъ, какъ нищіе).

Андрей Збылитовскій [6]) говоритъ, что шляхтичъ считалъ «необходимымъ имѣть коляску, внутри обитую телетомъ [7]), а снаружи покрытую бархатомъ, запряженную въ шестерку лошадей. Пажи должны быть одѣты въ дорогой атласъ. Кто-же, спрашиваю, сидитъ въ коляскѣ? Одна только пани въ коронѣ; а я думалъ—королева, потому что шляхтянка не держитъ такъ роскошно убран-

[4]) Ł. Gołębiowski, o. c. 174—176.
[5]) «Żywot człowieka poczciwego» (ed. 1568), list. 58.
[6]) «Żywot szlachcica we wsi» (изд. Туровскаго) str. 7—8.
[7]) Telet, tylet, telej — родъ дорогой матеріи, изъ которой дѣлали платья. Локоть бархата стоилъ 20 талеровъ, парчи 100, а телета 50.

ныхъ пажей, и непристойно ей ходить въ такой коронѣ и впрягать въ коляску такихъ дорогихъ Турецкихъ коней.... Богатыя украшенія вашихъ колясокъ (кочи), обитыхъ дорогими коврами, показываютъ, что у васъ господствуетъ такая роскошь, какой нѣтъ у иныхъ народовъ. Вы болѣе ихъ украшаете, чѣмъ алтари въ костёлахъ; вы дѣлаете изъ нихъ настоящія Армянскія лавки....»

Но какъ-бы ни были велики издержки на убранство домовъ, на одежду, на лошадей и экипажи, онѣ были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ тратилось на содержаніе дворовъ богатой шляхты, устроенныхъ по образцу королевскаго. Безпристрастный наблюдатель современныхъ нравовъ и обычаевъ, Кромеръ[1]) говоритъ, что шляхтичъ иначе не выходилъ изъ дома, какъ въ сопровожденіи свиты (assedis maribus), а шляхтянку, кромѣ мужчинъ, сопровождали женщины. Съ этою цѣлью каждый содержитъ въ своемъ домѣ, сообразно со своими средствами, дворъ (famulitium): дворянъ одѣваютъ въ однообразныя и одноцвѣтныя одежды, не щадя издержекъ. Болѣе почетные изъ нихъ сопровождаютъ пана пѣшкомъ, если онъ ѣдетъ верхомъ на лошади или въ экипажѣ въ городѣ или въ предмѣстьяхъ; сенаторовъ же окружаетъ цѣлая толпа на лошадяхъ и пѣшкомъ: передъ ними идутъ болѣе почетные, а за ними и остальные съ пажами. Шляхтянкамъ предшествуетъ мужская свита, а женская слѣдуетъ за ними. При выборѣ дворянъ и слугъ обращается вниманіе не только на ихъ способности, но также на ростъ, красоту, щеголеватость (elegantia) и происхожденіе. Есть много молодыхъ шляхтичей, которые или для личнаго образованія, или по бѣдности, или же для снисканія покровительства за незначительное жалованье, или же даромъ служатъ при дворахъ не только знатныхъ пановъ и епископовъ, но даже равныхъ себѣ, а иногда и низшихъ по происхожденію, особенно же тѣхъ, которые или занимаютъ государственныя должности, или имѣютъ вліяніе при королевскомъ дворѣ, или же отличаются богатствомъ, умомъ и ученостью. Ихъ служба продолжается, пока имъ самимъ и господамъ нравится. Многіе принимаютъ къ своему двору на воспитаніе сыновей даже богатыхъ своихъ родственниковъ и друзей. Съ этою же цѣлью отдаются ко дворамъ и дѣвушки. Такая служба вовсе не считается постыдною и позорною: напротивъ, на нее смотрятъ, какъ на школу жизни. Нерѣдко случается, что тотъ, въ услуженіи котораго находится сынъ, служилъ его родителямъ. Полагаютъ,

---

[1]) «Polonia» (ed. 1576), pp. 87—89.

что такой способъ воспитанія имѣетъ хорошую сторону, ибо поддерживаетъ равенство между неравными по фортунѣ. Многіе низкаго происхожденія и бѣдные, пройдя эту школу, достигали высшихъ почестей и большихъ богатствъ, благодаря отчасти своимъ способностямъ, отчасти же покровительству своихъ пановъ....»

По словамъ другаго современника, Гваньини [2]), шляхта содержитъ невѣроятное множество дворянъ и слугъ, которые ничего инаго не дѣлаютъ, какъ только сопровождаютъ пана, если онъ куда-нибудь отправляется, или исполняютъ его порученія. Механическую работу дворяне-шляхтичи считаютъ позорною: ее исполняютъ хлопы, содержимые съ этою цѣлью при панскихъ дворахъ. Вопреки западно-Европейскому обычаю, панамъ служитъ шляхта, большею частью равнаго съ ними происхожденія и воспитанія. Отъ того, когда панъ садится за столъ, садятся вмѣстѣ съ нимъ дворяне въ порядкѣ, предписанномъ этикетомъ, занимая иногда три или четыре стола; имъ подаютъ роскошныя блюда въ такомъ количествѣ, что каждый изъ нихъ своею порціею можетъ прокормить еще трехъ слугъ: обыкновенно, наѣвшись досыта, дворянинъ передаетъ блюдо стоящему за нимъ слугѣ. Тотъ дворянинъ считается у Поляковъ лучшимъ, который болѣе пьетъ за здоровье пана. При каждомъ дворянинѣ находится нѣсколько слугъ и пажей, у которыхъ опять есть свои слуги и пажи, и это соблюдается до четвертой степени. Всѣ они получаютъ столъ и жалованье отъ пана. Большая ихъ часть служитъ только при столѣ. По окончаніи обѣда или ужина, насытившись, они преклоняютъ колѣна предъ паномъ, снимаютъ шапки и уходятъ, куда хотятъ. Случается, что слуга три—четыре дня или же цѣлую недѣлю пируетъ въ корчмѣ въ въ веселой компаніи и не показывается на глаза пану. Рѣдко когда онъ спроситъ о причинѣ долгаго отсутствія своего слуги, и въ такомъ случаѣ получаетъ отвѣтъ: «весело пилъ за здоровье пана»,— и панъ съ улыбкою поблагодаритъ его и еще щедро наградитъ. Когда-то случилось, что одинъ епископъ раздавалъ черезъ своего подскарбія (казначея) жалованье дворянамъ и слугамъ, разставленнымъ въ извѣстномъ порядкѣ; въ ихъ ряды втерся какой-то тунеядецъ, который никому не служилъ, а только ежедневно ѣлъ и пилъ за епископскимъ столомъ; слуги пришли въ негодованіе отъ его нахальства и стали ворчать, что онъ, ни кому не служа, желаетъ получать жалованье. Услышавъ это, епископъ спросилъ

---

[2]) «Sarmatiae Europeae descriptio» (Poloniae descriptio), ff. 78 r° — 79.

его, кому онъ служитъ и какой родъ его службы. «Вашему преосвященству служу, отвѣчалъ онъ, и усердно исполняю то, что и другіе». Когда-же епископъ спросилъ, въ чемъ состоитъ его служба, отвѣтилъ: «ежедневно два раза за вашимъ столомъ весело ѣмъ и пью». И епископъ разсмѣявшись заплатилъ ему жалованье.

Итальянецъ Фульвій Руджери (Ruggieri), сопровождавшій въ Польшу папскаго нунція, кардинала Коммендони, въ своей реляціи, помѣченной 1565 годомъ[1]), говоритъ, что много бѣдной шляхты находится на службѣ у болѣе богатой и что ни одинъ шляхтичъ не принимаетъ къ себѣ въ услуженіе хлоповъ, которые занимаются только обработкою земли... Шляхта живетъ обыкновенно съ большою роскошью, любитъ содержать много слугъ и лошадей, такъ-что многіе шляхтичи имѣютъ ихъ сто и болѣе: слуги сопровождаютъ пановъ въ путешествіи верхомъ на лошадяхъ, а въ городѣ идутъ за ними пѣшкомъ. Сенаторамъ предшествуютъ дворяне, а толпа слугъ сопровождаетъ ихъ; мущины идутъ передъ панями, а женщины слѣдуютъ за ними. Другой Итальянецъ, Іеронимъ Липпомано[2]) говоритъ, что шляхта старается держать какъ можно болѣе слугъ и что на роскошное ихъ содержаніе тратитъ болѣе, чѣмъ дозволяютъ средства.

Какъ были многочисленны панскіе дворы, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: при дворѣ князя Константина Острожскаго было 2000 шляхты подъ начальствомъ гофмаршала-воеводы, получавшаго ежегодно 70,000 злотыхъ (на нынѣшнія деньги 1,100,000 злотыхъ) за то, что онъ два раза въ годъ—въ торжественныхъ случаяхъ являлся къ нему на службу; у Яна Замойскаго было нѣсколько сотъ пажей, множество шляхты и большое придворное войско; дворъ Станислава Любомірскаго состоялъ изъ 6000 дворянъ, слугъ и воиновъ, а на войну онъ водилъ 9000 человѣкъ; у Станислава Яблоновскаго, воеводы Русскаго, было 7000 дворянъ, слугъ и воиновъ[3]). Естественно, что при столь многочисленныхъ дворахъ должно было соблюдаться извѣстное чиноначаліе. Меньшіе дворы состояли изъ дворянъ и слугъ; при дворахъ знатныхъ пановъ были, кромѣ того, дружина и войско.

Дворяне (dworzanie) служили одному только пану. Между ними бывали богатые шляхтичи, жившіе при панскомъ дворѣ на соб-

---

[1]) «Relacye nuncyuszów apostolskich», t. I, str. 125, 127.

[2]) Relazione del regno di Polonia», 1575 (Ркп. библ. св. Марка). У Рыкачевскаго въ Польскомъ переводѣ, I, 252.

[3]) Ł. Gołębiowskiego, «Domy i dwory», str. 198, 202. Moraczewskiego, «Dzieje rzeczyposp. Polsk.», t. VI.

ственномъ содержаніи и служившіе только ради собственной своей пользы: ихъ называли панскою дружиною (drużyna pańska, assistentia). Менѣе богатые получали содержаніе отъ пана: ихъ называли вообще дворянами. Начальникомъ двора былъ маршалъ (marszałek), которому были подчинены дворяне-маршалы. За ними слѣдуютъ старосты, ключники, канцлеры и цѣлая вереница такъ называемыхъ оффиціалистовъ (officyaliści), занимавшихся хозяйствомъ пана. Важное мѣсто между дворянами занимали ксендзъ-капеланъ, докторъ (часто иностранецъ), гувернёръ панскихъ дѣтей и секретарь, который иногда бывалъ посвященъ въ тайны политики. Въ числѣ дворянъ непремѣнно также находился шутъ (błazen или stańczyk), потѣшавшій пана шутками и позволявшій себѣ иногда рѣзкія выходки противъ дворянъ [4]).

День при панскомъ дворѣ начинался слушаніемъ богослуженія въ костёлѣ, какъ говоритъ Петръ Збылитовскій [5]): «Рано вставши, отправлялись въ костёлъ помолиться Богу, а потомъ собирались передъ панскимъ покоемъ въ ожиданіи приказаній и порученій пана».

Иногда дворянамъ приходилось долго подпирать своими плечами панскія двери, какъ выражается Андрей Збылитовскій [6]), и они отъ бездѣлья пускали на вѣтеръ пухъ и, какъ лошади, стучали въ землю подковами, бренча шпорами. Вообще дворяне проводили въ праздности время, которое могли бы употребить съ пользою для себя и для отечества, и тратили здоровье въ неумѣренныхъ попойкахъ; а потому поэтъ сожалѣетъ, что шляхтичи отдаютъ своихъ дѣтей ко дворамъ, вмѣсто того, чтобы пріучать ихъ къ сельскому хозяйству [7]).

Не то было въ старину: тогда паны не тратились на роскошную одежду для своихъ дворянъ и награждали ихъ по заслугамъ, а дворяне были дѣятельны, трезвы и здоровы. Такъ противополагаетъ современнымъ дворянамъ дворянъ стараго времени Петръ Збылитовскій [8]): «У каждаго даже незначительнаго пана дворяне

---

[4]) Ibidem, 203—205.—Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow», t. II, str. 241—243, 249—250.

[5]) «Schadzka ziemiańska» (изд. Туровскаго), str. 21.

[6]) «Żywot szlachcica we wsi» (изд. Туровскаго), стр. 6:

Nie pragnę ja podpierać cudzych drzwi ramiony,
I biegać za nastułką pańską, jak szalony....
Czuprypy wygoliwszy na piórka dmuchali,
Podkówkami jak szkapy w ziemię kołatali,
Ostrogami brząkając....

[7]) Ibid. p. 11. [8]) «Zchadzka ziemiańska», str. 19—22.

такъ одѣты, какъ прежде не бывало: у одного хранится въ ларцѣ цвѣтная делія на рысьемъ мѣху, у другаго парчевая на куньемъ или на собольемъ мѣху. Но лучше было прежде ходить въ сѣромъ жупанѣ, въ лосьей шкурѣ, иль въ старомъ кафтанѣ, потому что паны старались тогда обезпечить каждаго своего слугу на будущее время, смотря по его заслугамъ: они дарили не шелковыя матеріи, а деревни; кто-же менѣе заслужилъ, тому давали хорошее солтыство или войтовство, мельницу или корчму, и эти панскіе дары перешли къ внукамъ, которые понынѣ хорошо живутъ получаемыми съ нихъ доходами... Въ то время, когда паны такъ награждали своихъ дворянъ, ихъ содержаніе обходилось гораздо дешевле: ихъ одежда не стоила цѣлыя тысячи; значительный шляхтичъ получалъ жалованья двѣ гривны въ кварталъ (три мѣсяца); не подавали на столъ множества блюдъ; бутылку вина ставили только передъ паномъ, маршалу едва давали одну рюмочку, а молодому дворянину ничего. И это не по скупости, а по привычкѣ къ трезвости. Послѣ обѣда бывали приличныя забавы, а не легкомысленные разговоры. Парни отличались передъ паномъ въ верховой ѣздѣ, въ гимнастическихъ играхъ, въ стрѣльбѣ, въ фехтованіи. И зато былъ народъ здоровый и тѣломъ, и умомъ: не нужно было водки для пищеваренія, ни заморскихъ травъ для возбужденія аппетита... И было пріятно пану имѣть дѣло съ такими слугами—исправными, трезвыми, вѣжливыми. А теперь для чиновниковъ у великаго пана настоящее чистилище, особенно-же для старшаго слуги (маршала). Да и самому пану бываетъ бѣда отъ многочисленнаго двора: вмѣсто того, чтобы спокойно сидѣть въ своихъ палатахъ и заниматься важными государственными дѣлами, онъ часто долженъ сердиться на неисправныхъ слугъ. А въ какой бѣдѣ старшій слуга: ни днемъ, ни ночью онъ не имѣетъ покоя. Тѣ ночью подрались, другіе двери выбили, третьи чуть не подожгли панское мѣстечко. Тотъ въ шутку приколотилъ пивничаго, а другой столкнулъ съ лѣстницы эконома. Что̀ дѣлать маршалу противъ такого своеволія? Наказать рукою, сохрани Боже; словами не урезонишь пьянаго. Станетъ мирить подравшихся, а разбившихъ двери штрафуетъ... Итакъ, по двумъ причинамъ въ старину каждый богатый панъ держалъ болѣе многочисленный дворъ и такъ щедро награждалъ своихъ слугъ: во-первыхъ, имъ лучше служили, чѣмъ теперь, а во-вторыхъ—легче было содержать слугъ, потому что они отличались трезвостью. А теперь — хорошо это знаютъ имѣющіе въ своихъ рукахъ хозяйство пановъ — ка̀къ

дорого обходится содержанiе панскаго двора, какъ всѣмъ хочется ежедневно пировать, напиваться до безобразiя, имѣть весь столъ заставленнымъ блюдами—варенымъ и жаренымъ мясомъ, дичью и тортами: всего этого вдоволь у дружины. Каждый хочетъ имѣть роскошное платье—изъ бархата, атласа и дорогаго пурпура. О, безумiе! лучше было прежде, когда цѣлый годъ ходили въ сѣрой одеждѣ; ибо теперь дворяне тѣмъ и ограничиваются, что пышно одѣваются, попиваютъ винцо, приправляютъ кушанья пряностями. И хотѣлъ бы панъ обезпечить своего слугу, чтобы привязать его къ себѣ на долгое время или вѣрнѣе до смерти, какъ это бывало въ старину; но теперь (дворянинъ) едва прослужитъ четверть года, чтобы дождаться только шелковаго жупана, и уходитъ къ другому пану: обдираютъ только пановъ, а сами ничего не имѣютъ...»

Дворяне чиновные, т. е. занимавшiе придворныя должности, не только обдирали, но и обкрадывали своего пана, какъ пишетъ Рей[1]). «Этого знатнаго князя зовутъ Зелаторомъ: повѣрь мнѣ, онъ много ломаетъ себѣ голову, чтобы не унизить своего сана, и отъ того онъ такъ блѣденъ. Его замокъ на горѣ называютъ Tumultus: повѣрь, что въ немъ бываетъ не одинъ stultus; ибо гдѣ разбушуетъ своеволiе, тамъ изъ костёла станетъ вертепъ разбойниковъ. Изъ тѣхъ двухъ, что ѣдутъ впереди, одного зовутъ Invidus, а другаго Cupidus: это важные дворяне, которые имѣютъ великое попеченiе о цѣломъ замкѣ. По правой рукѣ ѣдетъ панъ Avarus: онъ все загребаетъ, что только попадется. Если-бы ты посмотрѣлъ на его сокровища, подумалъ-бы, что пришелъ въ домъ знатнаго князя; но ничѣмъ онъ не пользуется, все гнiетъ въ ожиданiи его смерти. По лѣвой рукѣ ѣдетъ Simulator—сильный пана Procurator. При немъ съ другой стороны Adulator — его племянникъ. Оба получаютъ большiе доходы съ своихъ должностей, какъ всѣ это знаютъ. Того, что̀ несетъ жезлъ, называютъ Superbia: гордо на всѣхъ смотритъ, никого не знаетъ и никто его не знаетъ, только всѣ пальцемъ на него указываютъ, какъ на шута... За нимъ ѣдетъ панъ Приватъ—первый совѣтникъ: повѣрь, что и онъ имѣетъ не мало въ кладовой, потому что, подъ видомъ попеченiя о всѣхъ, онъ печется только о самомъ себѣ. Всѣ это знаютъ, но никто не смѣетъ доложить объ этомъ пану. А вотъ стороною ѣдетъ панъ Rixa—извѣстный нахалъ и забiяка, съ искривленною губою, съ выбитыми зубами. За нимъ ведетъ запаснаго коня Козырь—прiятный собе-

[1]) «Wizerunek żywota człowieka poczciwego» (изд. 1558 г.), Rozdz. VI, 74—75.

сѣдникъ, который получаетъ иногда шишки на лбу, не смотря на трехъ королей и на трехъ тузовъ. Передъ гвардіею бьетъ въ барабанъ Nugas—парень знатнаго рода, родной племянникъ Симулятора: и онъ не скрывается отъ пирушекъ и, какъ мудрецъ, пользуется, чѣмъ можетъ. Старосту замка зовутъ Забираломъ (Sobiegarnem): это хитрая голова; онъ постоянно грѣетъ себѣ руки, никогда не упуститъ поживиться, чѣмъ можно, и часто чужой кошелекъ къ нему заблудится. Онъ не думаетъ о справедливости: только-бы нажиться, хотя бы и кривдою. Не мало тамъ иныхъ чиновниковъ—всякаго сброда: каждый хватаетъ, что̀ попадется, и лакомъ до кошелька, какъ ястребъ до падали; ибо корыстолюбіе тамъ въ большой силѣ, и каждый помышляетъ о поживѣ болѣе, чѣмъ о панѣ...»

Конечно, не всѣ дворы были одинаковы: каковъ былъ панъ, таковы были обыкновенно его дворяне. У пана пьяницы, картежника и развратника дворяне проводили дни и ночи въ кутежѣ и за картами; но были и такіе паны, дворъ которыхъ былъ настоящею школою для молодыхъ людей: тамъ они учились наукамъ и литературѣ, знакомились со свѣтскими обычаями или изучали военное искусство. Такимъ, напримѣръ, былъ дворъ Короннаго канцлера, епископа Краковскаго, Самуила Мацѣёвскаго, описанный Гурницкимъ въ его «Дворянинѣ». «У Кракова, надъ рѣчкою Прондникъ, говоритъ онъ, [1]) Самуилъ Мацѣёвскій, епископъ Краковскій и канцлеръ Коронный, построилъ прекрасный домъ въ Итальянскомъ вкусѣ, между прочимъ, для того, чтобы имѣть гдѣ принимать и угощать иностранцевъ и пословъ великихъ державъ, ибо, занимая высокое положеніе въ государствѣ, онъ долженъ былъ держать открытый домъ, что̀ было не такъ удобно въ самомъ городѣ, какъ въ его окрестностяхъ, и это не для наслажденій или изъ чванства, которымъ онъ гнушался, а ради чести короля и славы Польскаго народа. Для достиженія столь похвальной цѣли, природа щедро надѣлила его необходимыми качествами внѣшними и внутренними: осанка у него была настоящая панская; его пріятное лице выражало искренность и добродушіе; онъ отличался проницательностью ума, опытностью въ государственныхъ дѣлахъ и неутомимою дѣятельностью; въ счастьи онъ не былъ гордъ, въ несчастьи не падалъ духомъ; но болѣе всего заслуживаетъ похвалы его самообладаніе: онъ не стремился къ пріобрѣтенію богатствъ,

[1]) «Dworzanin Polski» (изд. Туровск.), str. 10 — 12. (По Варшавскому изданію 1761 г., стр. 1—4).

не расточалъ значительныхъ своихъ средствъ, не былъ грознымъ, имѣя власть, должность свою исполнялъ богобоязненно, жилъ примѣрно, такъ-что никто не зналъ и не слышалъ о какихъ нибудь грубыхъ его недостаткахъ. Человѣческое чувство такъ мудро въ немъ соединялось съ сенаторскимъ достоинствомъ, что нельзя было узнать, что въ немъ преобладаетъ. Онъ былъ настоящимъ паномъ не потому, что былъ богатъ, а потому, что умѣлъ владѣть собою. Этотъ епископъ, какъ второй Сократъ, окружалъ себя людьми честными, учеными и дѣятельными, не жалѣя ни издержекъ, ни стараній на привлеченіе такихъ къ своему двору, который былъ знаменитою школою для шляхты, и жилъ съ ними не какъ панъ съ слугами, а какъ отецъ съ сыновьями, радуясь всякому, кто желалъ провести свою молодость при его особѣ. А такъ какъ онъ постоянно жилъ при королевскомъ дворѣ, то знатнѣйшіе шляхтичи старались быть въ домѣ епископа Мацѣёвскаго не гостями, а своими. Тамъ можно было и другихъ послушать, и себя показать въ кругу тѣхъ знаменитыхъ людей, которыми былъ полонъ его дворъ. Глядя на своего пана и удивляясь въ немъ столь великимъ дарамъ Божіимъ, прямодушію, умѣренности, добротѣ, стыдливости, благочестію, всѣ постоянно брали съ него примѣръ, и каждый, кто хоть сдалека могъ приблизиться къ этому идеалу, становился современемъ великимъ человѣкомъ и пользовался любовью согражданъ. Такъ, напримѣръ, доблестный Пржерембскій, который изъ дворянъ Мацѣёвскаго сталъ сначала Коронныммъ подканцлеромъ, потомъ епископомъ Холмскимъ и, наконецъ, архіепископомъ Гнѣзненскимъ съ великою для себя честью и славою, заслужилъ всеобщую любовь, потому что къ своимъ природнымъ доблестямъ—къ уму, къ трудолюбію, къ необыкновенной дѣятельности и къ инымъ добрымъ качествамъ—присоединилъ нѣкоторые обычаи своего пана... Я не намѣренъ перечислять тѣхъ, которые изъ школы Мацѣёвскаго достигли высшихъ должностей въ церкви и государствѣ, а скажу только, что изъ Троянскаго коня не вышло столько храбрыхъ воиновъ, сколько изъ дома епископа Мацѣёвскаго добрыхъ, доблестныхъ и способныхъ людей».

Самъ Гурницкій былъ дворяниномъ Мацѣёвскаго; при его дворѣ возникъ въ головѣ Гурницкаго тотъ идеалъ Польскаго дворянина который онъ представилъ въ знаменитомъ своемъ произведеніи, столько-же замѣчательномъ по образцовому языку, сколько по тѣмъ даннымъ, которыя въ немъ содержатся для характеристики современныхъ автору дворянъ. Гурницкій жалуется, что дворяне обык-

новенно подражаютъ пану въ томъ, что̀ есть въ немъ дурнаго и смѣшнаго. «При дворѣ графа Гурки, кастеляна Познанскаго, говоритъ онъ [1]), есть дворянинъ, который старается подражать своему пану не въ хорошихъ его качествахъ, а въ произношеніи въ носъ. Вообще-же есть много такихъ дворянъ, которые полагаютъ, что много выиграли, если умѣютъ что̀ дѣлать, какъ панъ; но, желая подражать ему въ обычаяхъ, обыкновенно перенимаютъ то, что̀ достойно въ немъ порицанія». Восхваляя нравы и обычаи дворянъ прежняго времени, Гурницкій [2]) скорбитъ, что «между дворянами не только совсѣмъ исчезла братская любовь и порядочная жизнь съ добрыми обычаями, но что даже нигдѣ нельзя найти болѣе зависти, злобы, разврата, измѣны, лицемѣрія и всякихъ пороковъ, какъ при дворахъ».

«Мнѣ было уже двадцать лѣтъ, говоритъ онъ далѣе [3]), жалуясь на испорченность современныхъ нравовъ,—а я еще не былъ отлученъ отъ матери и сестеръ, и потомъ еще много лѣтъ я не зналъ, что̀ такое foemina, а теперь мальчишки, дѣти, едва вышедшіе изъ пеленокъ, болѣе знакомы съ развратомъ, чѣмъ въ то время взрослые люди». Далѣе Гурницкій излагаетъ правила придворной жизни, почерпнутыя имъ при дворѣ Мацѣёвскаго: дворянинъ долженъ держать себя съ достоинствомъ, избѣгать во всемъ крайностей и постоянно имѣть въ виду честь и славу не только самого себя, но и пана, которому онъ служитъ [4]); онъ долженъ помнить, что онъ не болѣе, какъ слуга, и что онъ обязанъ любить и чтить своего пана, какъ земнаго бога, и стараться во всемъ угождать ему [5]); волю пана онъ долженъ исполнять безъ прекословія и безъ лести; изъ угожденія пану онъ долженъ переломить себя и дѣлать даже то, къ чему чувствуетъ отвращеніе; предъ лице пана онъ долженъ являться съ веселымъ челомъ, оставивъ всякую злую мысль до̀ма; онъ долженъ остерегаться сплетенъ и не говорить ничего дурнаго о панѣ, если бы даже былъ имъ обиженъ; пусть онъ избѣгаетъ разврата, не разноситъ новостей; пусть будетъ остороженъ въ разговорѣ, не упорствуетъ, не споритъ, не хвастаетъ, а держитъ себя скромно и съ

---

[1]) Ibid. 39—40. [2]) Ibid. 68. [3]) Ibid. 70. [4]) Ibid. 73—76.

[5]) Ibid. 83: «Towarzystwo między dworzaninem a panem zda zię jakoby żadną miarą być nie mogło; to dla tego, iż sobie są nierówni. Ale jednak tak się to porówna: kiedy dworżanin będzie zawżdy na to pomniał, iż on jest sługą, a pan panem,—k'temu iż pana swego prawdziwe miłować, i we czci, jako ziemskiego boga, mieć będzie, wszystek się stosując k'temu obycjajmi, sposobem życia, checią szczerą, aby mu się co najwięcej pobobał».

достоинствомъ; пусть не дозволяетъ себѣ фамильярности въ обращеніи съ паномъ подобно тѣмъ, которые, имѣвъ разъ случай говорить съ какимъ-нибудь знатнымъ воеводою, при встрѣчѣ съ нимъ бѣгутъ къ нему съ ужимками и усмѣшками; пусть ничего у пана не проситъ для себя и безъ его приказанія не входитъ въ его комнату, а когда панъ позоветъ его къ себѣ, пусть старается развлечь его пріятною бесѣдою и остерегается наскучить ему пустою болтовнею» [6]).

Подобно Гурницкому и многимъ другимъ своимъ современникамъ, Модржевскій [7]) смотрѣлъ на дворъ, какъ на отличную школу для шляхты; но при этомъ сознавалъ, что дворы его времени далеко не соотвѣтствовали его идеаламъ. При дворахъ, говоритъ онъ, есть много молодыхъ людей, которые съ легкостью усвоиваютъ себѣ придворные нравы и обычаи, но, къ сожалѣнію, рѣдко съ пользою для себя; ибо при дворахъ господствуютъ тщеславіе, необыкновенная роскошь въ посудѣ, одеждѣ и пирахъ, зависть и интриги, глупость и злоба; дворяне забавляются любовными пѣснями и посланіями, и кто въ нихъ не находитъ удовольствія, того считаютъ дуракомъ; они проводятъ время въ игрѣ въ кости, въ развратѣ и попойкахъ, или забавляются съ шутами, или занимаются сплетнями; они гнушаются не только ремеслами, но и науками. Въ такомъ развращеніи придворныхъ нравовъ Модржевскій винитъ пановъ, которые, вмѣсто того, чтобы обуздывать и карать молодежь, сами подаютъ ей дурной примѣръ своимъ поведеніемъ.

Говоря о дворянахъ, нельзя забыть шута (błazen, trefnis или stańczyk), который былъ необходимымъ украшеніемъ какъ королевскаго, такъ и панскаго двора. Шутовъ называли и называютъ до сихъ поръ Поляки «станьчиками» по знаменитой, исторической личности, называвшейся этимъ именемъ (Stańczyk уменьшительное отъ Станиславъ) и бывшей придворнымъ шутомъ Альбрехта, Александра и Сигизмунда I. Кохановскій, Гурницкій и Бѣльскій сохранили довольно много образцовъ его остроумія. Хорошо зная всѣхъ при королевскомъ дворѣ, онъ говорилъ, что въ Польшѣ есть только два человѣка, которые не выдадутъ тайны — архіепископъ Гамратъ и епископъ Самуилъ Мацѣёвскій: первый, ничего не зная, показываетъ видъ, будто-бы все знаетъ, а второй, все зная, притворяется, что ничего не знаетъ. Указывая на пьявки, которыя

---

[6]) Ibid. 84—86.
[7]) «De republica emendanda», lib. I, cap. VII, pp. 23 — 24 (ed. Basileae 1554).

ставили больному Сигизмунду, Станьчикъ сказалъ: «вотъ настоящіе дворяне и друзья короля». Находясь въ Варшавѣ, онъ замѣтилъ, что почти за каждою панею слуга несъ въ костёлъ подушку (на которой становились на колѣни), и, какъ бы не зная назначенія этихъ подушекъ, спросилъ: «развѣ эти пани будутъ спать въ костёлѣ?» Подобныхъ остротъ Станьчика современники записали довольно много, а это показываетъ, что онъ мѣтко попадалъ въ цѣль. При раздражительномъ Сигизмундѣ-Августѣ онъ впалъ въ немилость, потому что его остроты иногда попадали въ больное мѣсто короля.

Современникомъ Станьчика былъ шутъ Гонска (Gąska, Гусакъ), дожившій до 80 лѣтъ. Кохановскій почтилъ его эпитафіею, начинающеюся словами:

Już nam, Gąska nieboże, nie będziesz błaznował [1]).

Роль придворнаго шута была не такъ ничтожна, какъ кажется съ перваго взгляда: онъ не только забавлялъ, но въ шутливой формѣ высказывалъ горькую правду самому даже королю; это была совѣсть двора.

Слугъ называли барвою (barwa съ нѣмецкаго Farbe), потому что они носили ливрею одинаковаго цвѣта, именно такого, какой принятъ въ домѣ ихъ пана. Старшихъ возрастомъ называли pachołkami, младшихъ pacholętami и chłopiętami. Въ услуженіе брали не только Поляковъ, но и иностранцевъ—Мадьяръ, Турковъ, Татаръ, Козаковъ, Негровъ, Цыганъ и т. д. Мужская прислуга находилась подъ начальствомъ гофмаршала, а женская, называвшаяся фрауцимеромъ, подъ начальствомъ старой пани или экономки. Каждый слуга вписывалъ въ свой реестръ (rejestr) обязанности, возложенныя на него гофмаршаломъ, и свыше положеннаго ничего не хотѣлъ дѣлать. Отъ трудной работы каждый отказывался, а на легкую бросалось нѣсколько человѣкъ разомъ. Гурницкій [2]) говоритъ: когда панъ плюнулъ, трое слугъ подтирали его плевотину,—когда онъ умывался, четверо подавали ему полотенце. Случалось, что изъ многочисленной прислуги не было человѣка, который во время могъ бы услужить пану. Отсюда поговорка: «ка-

[1]) L. Gołębiowskiego, «Domy i dwory», str. 229–241. — Seweryna Gołębiowskiego «Czasy Zygmunta Augusta» (Wilno, 1851), Część II, str. 316—319.—Наружность шута та́къ описываетъ Рей («Wizerunek», л.39): «A za nimi błazenek w kukle a s czepami—Zową go Stulticia, a pas okowany.—Uszy iako u sarny, na nich wiszą dzwonki, — A czepy na pstrym kiju z lisiemi ogonki». [2]) «Dworzanin Polski».

zał pan, musiał sam» (панъ приказалъ, а исполнить долженъ самъ [3]). Слуги отличались неисправностью, лѣностью, непослушаніемъ и вели самую распутную жизнь, чему не мало способствовали сами паны. Кромеръ [4]) говоритъ: «когда пьютъ господа, не воздерживается отъ чарки прислуга. Считается скрягою тотъ хозяинъ дома, который не позаботится о томъ, чтобы слуги его гостей были хорошо накормлены и напоены». Вслѣдствіе щедраго панскаго угощенія нерѣдко происходила драка между прислугою его гостей. Особенно много хлопотъ было съ пажами. Маршалъ не сѣкъ ихъ, а сажалъ въ карцеръ (kosz): отъ того ихъ называли koszowemi rycerzami [5]).

Паны разорялись на богатыя ливреи для своихъ слугъ. «Такой роскоши не было при доблестныхъ вашихъ предкахъ, говоритъ Андрей Збылитовскій [6]), она началась только въ наше время. Помню, хотя я еще недавно на свѣтѣ, что панскій слуга (pachołek) не носилъ на своихъ плечахъ ливреи изъ бархата, атла́са, дорогаго пурпура и тонкаго Голландскаго сукна, а теперь вы ихъ одѣваете даже въ телеты. Поэтому вы на нихъ тратите деревни и города, а иногда и здоровье, и все ваше имущество». Другой Збылитовскій, Петръ [7]), восклицаетъ: «А какая ливрея у пановъ и шляхты! Теперь дорогà, а современемъ будетъ еще дороже. У одного изъ бархата, у другаго изъ атла́са, а черезъ годъ будетъ навѣрно изъ драгоцѣнной Турецкой матеріи (altębas). Мѣхà куньи и даже цвѣтные рысьи, а для лѣта красивыя шерстяныя пошевки [8]). И это не только у пановъ, но и у небогатой шляхты. У инаго увидишь до десяти пажей въ атла́сѣ, иль въ камкѣ. Сравни старыя времена: бывало-ли тогда чтò-нибудь подобное, щеголяли-ли тогда такъ, какъ теперь? Вспомни самъ, носилъ-ли ты когда такую ливрею, въ какой ходитъ твой сынъ? Какую-жъ награду получалъ прежде дворянинъ отъ пана? Долго онъ служилъ изъ-за сѣраго жупана иль лосьей шкуры, да и то прятали въ ларецъ на случай выѣзда».

У каждаго пана было свое войско, называвшееся chorągiew nadworna. Оно шло съ паномъ на войну, а въ мирное время ходило на караулъ къ панскимъ покоямъ, сопровождало пана въ путешествіяхъ и въ торжественные дни выходило на парадъ. Въ

[3]) Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow», t. II, str. 243—249. [4]) «Polonia», p. 74. [5]) Górnicki, «Dworzanin Polski».
[6]) Żywot szlachcica we wsi», str. 6. [7]) «Schadzka ziemiańska», str. 8—9.
[8]) Poszwa, poszewka—родъ Сербской струки и нашего пледа.

послѣднемъ случаѣ оно являлось во всемъ своемъ блескѣ, какъ видно изъ словъ Петра Збылитовскаго [1]): «Если ты былъ когда-нибудь на военномъ парадѣ, то видѣлъ, какъ каждый ротмистръ показываетъ свою роту, какъ каждый унтер-офицеръ (towarzysz) выводитъ свой взводъ, какъ каждый красиво сидитъ на своемъ конѣ. Сбруя блеститъ золотомъ, серебромъ и дорогими камнями. Виднѣются бѣлые бунчуки. Одинъ накинулъ на плечи дорогую леопардовую шкуру, другой шелковый плащъ. На одномъ дорогой телей, на другомъ чудно вышитая делюра [2]). У ногъ блестящій палашъ, литая сабля». Въ такомъ-же блескѣ являлось панское войско во всякомъ торжественномъ случаѣ, напримѣръ, при въѣздѣ въ Варшаву иностранныхъ пословъ, при королевской коронаціи и т. д.

Павелъ Муканте [3]), описывая въѣздъ въ Варшаву папскаго посла, кардинала Гаэтано (1596 г.), говоритъ, что его сопровождали придворные чины и государственные сановники, каждый со своимъ отборнымъ войскомъ. «Впереди ѣхали шесть трубачей. За ними несли большое знамя изъ красной китайки, на которой былъ вышитъ серебряный орелъ. За тѣмъ слѣдовалъ Коронный хорунжій съ 200 всадниками, въ рукахъ у которыхъ были пики гораздо длиннѣе Итальянскихъ съ красными значками; на нихъ были латы, при боку кривой палашъ, верхняя одежда изъ чернаго бархата, сапоги со шпорами, сзади къ сѣдлу были прикрѣплены два большія крыла изъ огромныхъ птичьихъ перьевъ.

«За ними шелъ другой отрядъ изъ 200 всадниковъ съ вождемъ на челѣ; на длинныхъ копьяхъ развивались значки изъ пунсовой и желтой китайки; зеленые бархатные плащи по краямъ были обшиты золотомъ; у лука сѣделъ были серебряные молотки; съ боку кривые мечи.

«За нимъ вождь велъ иныхъ 200 всадниковъ, также съ копьями, въ стальныхъ панцыряхъ съ широкими рукавами изъ золотой сѣтки; плечи были покрыты тигровыми шкурами; у сѣдла серебряные молотки, мечи съ боку. Передъ ними ѣхали два воина, одѣтые по-Турецки, въ чалмахъ на головѣ; одинъ держалъ дротикъ, другой лукъ со стрѣлами; ихъ одежда была изъ дорогихъ мѣховъ; у сѣдла висѣла сѣкира. Лошади были убраны въ пунсовый сафьянъ, ши-

---

[1]) «Zchadzka ziemiańska», str. 8.

[2]) Волошская делія или ферезія обыкновенно пунсоваго или краснаго цвѣта.

[3]) Niemcewicza, «Zbior pamiętnikow historycznych o dawney Polszcze», tom II, str. 153—155.

тый золотомъ. Пять иныхъ отрядовъ въ столь-же роскошномъ вооруженіи слѣдовали одинъ за другимъ.

«За этими отрядами ѣхалъ обер-гофмаршалъ въ черной бархатной одеждѣ съ большимъ гофмаршалскимъ жезломъ въ рукѣ. На головѣ у него была маленькая Польская шапка; подъ нимъ вороной Турецкій конь. За нимъ шли 50 воиновъ съ копьями, на которыхъ развивались красные значки. Посреди несли бѣлое знамя съ гербомъ гофмаршала. На нихъ были позолоченные панцыри, покрытые сзади леопардовыми шкурами; сбоку висѣли мечи [4])».

На встрѣчу Генриху Валуа, когда онъ въѣзжалъ въ Краковъ, по современному извѣстію [5]), выѣхали Польскіе паны со своими войсками. Всего было до 32 отрядовъ, каждый приблизительно въ 300 человѣкъ, вооруженныхъ по-Французски, по-Нѣмецки или по-Мадьярски. Это послѣднее вооруженіе состояло изъ шлема, кольчуги, огромнаго щита до самой головы и копій. Лошади были покрыты медвѣжьею или леопардовою шкурою [6]). Какъ всадники, такъ и лошади были убраны въ такое множество большихъ перьевъ и, кромѣ того, въ орлиныя крылья, расписанныя золотомъ, что казались скорѣе привидѣніями или масками, чѣмъ воинами. Еще болѣе странный видъ придавали имъ длинные значки, развивавшіеся на копьяхъ. Музыка состояла изъ трубъ, роговъ и небольшихъ мѣдныхъ барабановъ. Четвертый родъ вооруженія—козацкій: употребителенъ на Литвѣ и Руси. Онъ состоитъ изъ пикъ и колчана со стрѣлами. У козаковъ лошади быстрые, какъ вѣтеръ. Ко въѣзду короля въ Краковъ не поспѣли воевода Русскій (Юрій Язловецкій), пріѣхавшій позже съ 500 козаками, и Самуилъ и Христофоръ Зборовскіе, каждый съ 200 всадниками [7]).

Современный Польскій историкъ Святославъ Оржельскій [8]) говоритъ, что Французы, сопровождавшіе Генриха Валуа, при въѣздѣ его въ Познань и особенно въ Краковъ до такой степени были поражены роскошнымъ убранствомъ войска Польскихъ пановъ, что недоумѣвали, простые ли это смертные, или небесныя силы, нигдѣ еще невиданныя.

Изъ другихъ источниковъ [9]) извѣстны болѣе точно военныя

---

[4]) Войско было одѣто въ черный цвѣтъ по случаю траура при дворѣ.

[5]) Напечатано въ Польскомъ переводѣ Будзинскимъ въ III приложеніи къ Красинскаго «Польшѣ», стр. 158—159.

[6]) Едва ли вѣренъ въ этомъ мѣстѣ Польскій переводъ. Обыкновенно медвѣжьи и леопардовыя шкуры набрасывали на плечи воины, а не покрывали ими лошадей. [7]) Ibid. 163. [8]) Swiętosława Orzelskiego «Bezkrólewia ksiąg osmioro» (1572—6). Wyd. Wł. Spasowicza. Petersb. 1856, t. I, str. 190, 206. [9]) Moraczewski, «Dzieje rzeczyposp. Polsk.» t. VI.

силы, приведенныя Польскими панами на встрѣчу Генриху Валуа: примасъ имѣлъ 200 гусаровъ, епископъ Красинскій 200 всадниковъ въ атласныхъ одеждахъ, Фирлеи, Зборовскіе, Ласкіе, Мелецкіе, Мацѣёвскіе, Тенчинскіе, Гербурты и иные по нѣскольку сотъ всадниковъ; у Русскихъ бояръ были козаки, у Прусскихъ пановъ Нѣмецкіе рейтары; у кастеляна Коморовскаго было до тысячи собственной пѣхоты; Гурки привезли съ собою значительную артиллерію.

Такова была chorągiew nadworna Польскихъ пановъ! Ка́къ дорого она имъ обходилась и насколько была пригодна на войнѣ, всякій самъ пойметъ.

Чѣмъ знатнѣе былъ панъ, тѣмъ многочисленнѣе былъ его дворъ. Окруженный дворянами-льстецами, утопавшій въ нѣгѣ и роскоши, привыкшій къ необузданному произволу, панъ воображалъ себя чуть не земнымъ богомъ, по выраженію Гурницкаго [1]). Хотя этотъ придворный писатель самъ проповѣдывалъ обоготвореніе пановъ, тѣмъ не менѣе онъ видѣлъ и подмѣчалъ ихъ пороки и слабости, и до такой степени они были далеки отъ его идеаловъ, что онъ сравнивалъ ихъ съ гробами, снаружи блестящими, а внутри наполненными гнилью, прахомъ и смрадомъ. Но они еще хуже такихъ гробовъ, прибавляетъ онъ, потому что гробы, вмуравленные въ стѣны, стоятъ на прочномъ фундаментѣ и извнутри скованы желѣзомъ, такъ-что не могутъ упасть, а паны не имѣютъ подъ собою почвы, внутри ни чѣмъ не сдерживаются, а потому должны падать отъ собственной тяжести и отъ одного порока переходить къ безчисленному множеству другихъ. Ихъ неспособность и глупость въ соединеніи съ ложнымъ мнѣніемъ о себѣ, о своей непогрѣшимости, о своей силѣ приводитъ ихъ къ присвоенію себѣ чужаго: какъ короли захватываютъ чужія королевства, такъ паны—земли и имущества своихъ своихъ крестьянъ... А отъ неспособности управлять людьми происходитъ много злого: убійства, разрушеніе городовъ, неволя, пожары, опустошеніе земли [2])... Надменный панъ ходилъ по своимъ покоямъ, задравъ къ верху голову и не обращая ни на кого вниманія; привыкши къ праздности, онъ цѣлый день ухаживалъ за

---

[1]) «Dworzanin Polski» (изд. Туровскаго) 239: «Panowie mimo to, że niewiedzą prawdy w żadnej rzeczy, upiwszy się oną swowolną swobodą, która im ztąd roście, iż się pany czują, zawróciwszy sobie mózg dostatkiem, pływając i ledwie nie topiąc sie w rozkoszach, tak się bardzo zdradzają sami, tak się barzo w wnątrz na umyśle każą, widząc iż im wszyscy ulatają, iż się im kłaniają, iż ich ledwie nie za bogi chwalą...» Cnf. 240: «mniemają... żeby je ledwie nie za bogi u siebie mieli!..»

[2]) Ibid. 240—243.

соколомъ, котораго держалъ, какъ необходимое украшеніе своего палаццо, а не для нужды, потому что на охоту не ходилъ [3]). Хозяйствомъ онъ не занимался; жилъ въ своемъ домѣ, но былъ въ немъ только тѣнью, по выраженію Мацѣёвскаго [4]). Проводя праздную и безпорядочную жизнь, онъ часто нуждался въ деньгахъ на угощеніе знатныхъ пановъ дорогими яствами и напитками, потерявъ кредитъ, закладывалъ Жиду или продавалъ за безцѣнокъ золотыя цѣпи, доставшіяся ему отъ предковъ, за цѣпями шли помѣстья, а когда ужь нечего было заложить, отдавалъ подъ залогъ своихъ дѣтей, какъ свидѣтельствуетъ Рей. «Ты видѣлъ, говоритъ онъ [5]), этого блѣднаго князя: его доходовъ далеко не хватаетъ на удовлетвореніе его страсти къ роскоши; если-бы онъ имѣлъ мѣшокъ до неба, то все бы изъ него высыпалъ... Ты слышалъ музыку, ты слышалъ трубачей; при ихъ, хоть пріятномъ, звукѣ не одинъ заплачетъ. Этотъ звукъ призываетъ къ платежу барщины: дѣла пана идутъ такъ плохо, что вскорѣ придется закладывать дѣтей».

Полякъ стараго времени отличался гостепріимствомъ. Гостю онъ былъ чрезвычайно радъ. «Гость въ домъ—Богъ въ домъ», говоритъ Польская пословица. Сидѣть въ заперти было не по душѣ Поляку. Передъ гостемъ растворялись настежь ворота. Его кормили и поили до упаду [6]). Поляки необыкновенно гостепріимны, говоритъ Кромеръ [7]): даже незнакомыхъ и чужестранцевъ они не только охотно угощаютъ, но даже сами зазываютъ къ себѣ.

Полякъ любилъ угощать и угощаться, но, къ сожалѣнію, не въ мѣру: угощеніе обращалось въ обжорство и пьянство, а слишкомъ щедрое гостепріимство разоряло амфитріоновъ. На столы подавали множество дорогихъ блюдъ, расписанныхъ въ добавокъ золотомъ, какъ пищетъ Рей [8]). «Посмотри на роскошь изысканныхъ нашихъ кушаній... Посмотри на эти различные соусы, которые называютъ сапора́ми (съ Итальянскаго sapori): по истинѣ «сапоры», потому что обожравшійся ими сопитъ, какъ боровъ въ берлогѣ. Посмотри на разныя приправы, на позолоту, на краски, на дивную живопись, и быть можетъ, ты подумаешь, что это не кушанья, а какія-нибудь картинки. На одномъ блюдѣ позолоченный баранъ, на другомъ левъ,

---

[3]) Górnicki, «Dworzanin Polski».

[4]) «Polska pod względ. obycz.» t. II, str. 268.

[5]) «Wizerunek żyw. człow. poczciw.» Rozdz. VI, 69.

[6]) Sewer. Gołębiowskiego, «Czasy Zygm. Aug.» t. II, str. 259—260.—Cnf. Łuk. Gołębiowskiego «Domy i dwory», str. 101—102.

[7]) «Polonia» p. 66.

[8]) «Żywot człowieka poczciwego», ks. II, kap. VI, л. 58—59 (ed. 1568). По изд. Туровскаго стр. 122—124.

на третьемъ пѣтухъ, на четвертомъ какая-то разодѣтая барыня. Ихъ окружаютъ дубы съ желудями, позолоченныя розы и разные цвѣты. Все блеститъ золотомъ—курицы, орлы, зайцы, а за позолотою—гниль и слизь: гораздо лучше и вкуснѣе они были-бы, еслибы изъ горшка выложили ихъ прямо на блюдо. Вотъ тотъ, что́ съ позолоченными ушами, еще въ пятницу варился, и только въ воскресенье его подали на столъ. Вотъ тортъ изъ хлѣба и миндалей, склеенныхъ клеемъ: онъ приготовленъ уже нѣсколько дней назадъ. Одно жаркое высохнетъ, пока испечется его товарищъ. Если же подадутъ какую-нибудь жареную рѣдкость, то сверху ея скорлупа, а что́ въ срединѣ, тѣмъ могъ бы накормить ястреба. Какъ же быть при этомъ здоровымъ? какъ-же при этомъ не разболѣться и кошельку вмѣстѣ съ паномъ? какъ же не размножиться при этомъ корыстолюбію? Иногда на ужинъ бываетъ недочетъ въ блюдахъ: ихъ радушно пристроилъ у себя Жидокъ, хотя и смердятъ они свининою, которую онъ не ѣстъ. Каковъ долженъ быть желудокъ, чтобъ переварить эти склеенныя, замороженныя и сожженныя кушанья, облитыя виномъ и ликерами? Потомъ лей въ горло соки, витпахеры, розекеры, ривулы, мальвазіи, мускателли [1]: какъ же отъ этого не сгорѣть? какъ же можно при этомъ долго жить? иной, какъ обожравшійся песъ, едва дотащится до своей берлоги, и еще хорошо, если за столомъ же не издохнетъ» [2].

Богатымъ панамъ подражали шляхта средней руки и мѣщане: они старались подавать на столъ ка́къ можно больше блюдъ, и притомъ по возможности дорогихъ, а столы покрывали узорчатыми скатертями. Рей разсказываетъ, что одна пани, увидѣвъ на столѣ у шляхтича скатерть, на который былъ вышитый такой же узоръ, какъ и у нея, сказала: «не знаю, что̀ ужь и придумать, чтобъ отличаться отъ васъ, развѣ жемчугомъ вышивать скатерти». На это шляхтянка отвѣчала ей: «вышьемъ и мы такой же узоръ жемчугомъ, хотя помельче».

Обжорство, говоритъ Рей [3], влечетъ за собою пьянство. «Когда напекутъ и нажарятъ себѣ этихъ тортовъ... то ужь на ногахъ не держатся, а иногда въ растяжку на землю падаютъ и валяются,

---

[1]) Witpacher—дорогое заграничное вино.—Rozekier — вино, па́хнувшее розами.—Rywuła—вино, привозимое моремъ изъ Франціи, Италіи и Испаніи.—Małmazya—вино изъ города Napoli di Malvasia въ Мореѣ.—Muszkatel—Македонское (? не вѣрнѣе-ли Итальянское?) вино. L. Gołębiowski, «Domy i dwory», 108—109.

[2]) Cnf. «Wizerunek», rozdz. II, л. 14—15.

[3]) «Żywot człow. poczciw.», л. 61 (у Туровск. стр. 127—129). Cnf. «Wizerunek», rozd. II, л. 15, rozdz. III, л. 30.

какъ свиньи, продолжая лить себѣ въ горло. Иной три раза завернетъ за уголъ и еще хорошенько губъ себѣ не вытретъ, а ужъ кричитъ: «налей еще»! Блюютъ, чтобъ пить, и опять пьютъ, чтобъ снова блевать. Это, по истинѣ, прекрасная приправа къ хорошей бесѣдѣ. Говорятъ, что та́къ дружба скрѣпляется. Что̀ это за дружба, мы видимъ во очію. Одинъ имѣлъ что̀-то противъ другаго цѣлый годъ, но, пока былъ трезвъ, молчалъ, а подпивши все высказалъ, и вотъ они поссорились и валятъ другъ друга подъ лавку. Слугамъ насильно льютъ въ горло, приговаривая: «осуши же за здоровье твоего милостиваго пана»; а панъ едва дышетъ гдѣ-нибудь у забора или подъ лавкою».

Кто видитъ въ словахъ Рея поэтическое преувеличеніе, тому мы можемъ указать на свидѣтельства современниковъ-Поляковъ и иностранцевъ, описывавшихъ Польшу. Кромеръ [4]) говоритъ, что на неумѣренныхъ попойкахъ (intemperantioribus compotationibus) происходитъ иногда жестокая драка между собутыльниками-друзьями и родственниками, большею частію вслѣдствіе ссоръ между ихъ прислугою... Многіе истрачиваютъ всѣ свои доходы на пиры и попойки. Напиваются не только на бесѣдахъ, но и въ корчмахъ (in cauponis). Въ пьянствѣ одинъ не хочетъ уступить другому, и у болѣе знатныхъ роскошь въ пищѣ и напиткахъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ. По словамъ Гваньини [5]), Поляки разоряются на неумѣренные пиры и попойки. По обычаю, когда пьютъ за здоровье, высушиваютъ до дна большую чашу (изъ стекла, дерева или глины) и потомъ разбиваютъ ее о свою голову: отъ того просыпаются на другой день со страшною головною болью. Пьютъ, хотя бы претило, по очереди одинъ за здоровье другаго. Заставляютъ, особенно въ Мазовшѣ, силою пить, предлагая на выборъ или выпить за здоровье, или драться на дуэли. Такъ они разстроиваютъ свое здоровье. Іеронимъ Липпомано [6]) удивлялся пьянству и обжорству Поляковъ. По его словамъ, они пролёживали по 7 и 8 часовъ за столомъ. Хозяинъ считалъ для себя обидою, если гость не пилъ; а между гостями часто происходили драки, оканчивавшіяся иногда убійствомъ того, который отказывался пить за здоровье.

Модржевскій [7]) скорбитъ, что пьянство распространилось между всѣми сословіями въ Польшѣ и что нѣтъ средствъ искоренить

[4]) «Polonia» pp. 74—75. [5]) «Descriptio Poloniae», f. 78 r⁰.
[6]) «Relazione del regno di Polonia» (по моей рукописи л. 12 об.).
[7]) «De republ. emend.» lib. 1, p. 76.

этотъ порокъ. «Есть люди, говоритъ онъ, которые наканунѣ пира принимаютъ рвотное, чтобы побольше мѣста приготовить въ желудкѣ для яствъ и напитковъ; вообще-же не стыдятся уходить изъ-за стола для очищенія желудка, и совершивъ эту операцію, снова принимаются пировать, снова ѣдятъ и пьютъ». Какъ для возбужденія аппетита, такъ и для очищенія желудка, загроможденнаго яствами и напитками, прибѣгаютъ къ помощи медицины, «и не только сами пьютъ, но и возбуждаютъ къ пьянству другихъ, уже изнемогающихъ, состязаясь съ ними въ количествѣ выпитыхъ бокаловъ: пьютъ за здоровье другихъ, чтобы самимъ сдѣлаться нездоровыми». Пили за здоровье стоя, что̀, при множествѣ безпрестанно повторявшихся тостовъ, было въ высшей степени утомительно.

«Хозяинъ пьетъ за здоровье», говоритъ Янъ Кохановскій [1]), «вставай, гость: а за чье? За королевское: встанемъ и также выпьемъ». «За здоровье королевы: нужно встать и выпить, вѣдь это обычный второй тостъ». «За здоровье королевны: ужь я стою, подай живѣй мою (чашу)»... «За здоровье епископа: встанемъ, или лучше не будемъ садиться». «За здоровье маршала: вставай снова, гость». «За здоровье графа: встанемъ опять, но отдохнутъ ли когда ноги? Хозяинъ держитъ въ рукахъ чашу,—мы знаемъ обязанность нашу». «Эй, хлопъ, убери мою лавку: ужь я такъ простою обѣдъ».

Въ другой пѣснѣ [2]) поэтъ жалуется на навязчивость хозяина въ угощеніи: «Челомъ бью за честь, добрѣйшій мой сосѣдушка: не дай Боже бывать у тебя на бесѣдѣ [3]): ты заставляешь меня противъ воли пить твое прескверное пиво [4]) и, когда не выпиваю до дна, смотришь на меня косо».

«Все тебѣ мѣшаетъ: на носъ сѣла муха, и ты крутишь головою, думая, что она укусила тебя до крови. Жену прогналъ отъ стола, на прислугу кричишь, мечешь тарелки, опрокинешь и столъ».

«Подожди, достанется тутъ и гостямъ: гнѣвайся, сколько хочешь, не бей только, пане! Въ твоемъ пивѣ я не нахожу наслажденія: здоровье мнѣ дороже тебя, куфля (кружки) я не принимаю».

«Если идетъ о славу, кто больше можетъ выпить, охотно уступаю и иду спать: будь ты рыцаремъ, побѣждающимъ пиво; а не убѣжишь ли ты предъ хлопомъ, этого не знаю».

---

[1]) XXVII пѣсснь первой книги (по изд. Варшавскому 1864 г. стр. 38).

[2]) XXI пѣснь второй книги, стр. 65—66.

[3]) Besiada тоже, что̀ посидѣлки, пирушка.

[4]) Пиво и медъ—обыкновенный напитокъ Польскаго шляхтича, изгнанный изъ панскихъ палаццо; но за здоровье пили вино, и притомъ Венгерское, держась поговорки: non est vinum nisi Hungaricum.

«Если ты такъ намѣренъ угощать меня, то знай, что ты меня мучишь, а не угощаешь: вотъ тебѣ моя благодарность. Хочешь угостить меня? — такъ оставь меня въ покоѣ до́ма, чтобъ мнѣ не наливать поневолѣ никому».

«Напрасно даешь мнѣ рвотное: я не буду блевать, хотя бы очень былъ радъ выпить вчерашнее пиво; знаю, что твои псы меня бы стерегли: какъ только бы легъ, стали бы лизать мнѣ губы».

«На это я не охотникъ: на это пристанутъ тѣ, что̀ грызутъ недопеченную свиную шкурку (szperki) и твердый сыръ, что̀ острятъ себѣ горло на невинное пиво рыжиками, селедками, огурцами; не знаю, въ чемъ оно передъ ними провинилось».

«И когда трезвы, немного у нихъ ума въ головѣ; хотятъ и остатокъ залить въ этомъ миломъ весельи: пусть лучше ничего не будетъ, чѣмъ мало, а то пожалуй еще съ ума сойдетъ».

«Ну, вотъ бой безъ вызова: хозяинъ мечется, а гости рвутся, какъ на смерть: я разнималъ васъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ самому не досталось; бейтесь же, сколько хотите, мнѣ все равно».

«Куфли летятъ, какъ градъ. Вотъ тотъ ужь стонетъ: угодили въ него боченкомъ, такъ что на лбу его остались обручи. Но вотъ схватили ружья... Такова ваша бесѣда? Если вамъ такъ весело, изъ-за чего же вы ссоритесь?»

«Назавтра мирятся и снова пьютъ; безголосый поетъ передъ панами: «помнишь, моя душенька, ходилъ я въ чудной красной шапочкѣ».

«Услышишь тамъ пять басовъ, двѣнадцать дискантовъ, шесть альтовъ, восемь теноровъ, двѣнадцать вагантовъ. Потомъ отъ мелодiи заснутъ на столѣ; а другiе кричатъ: на дворъ, на дворъ!»

«Богъ дай вамъ, милые пьяницы, смрадъ въ ротъ и угри на лице—въ угоду вашимъ женамъ, кривыя ноги на старость, неповоротливую шею; авось когда-нибудь упьетесь до смерти.»

Еще болѣе мрачными красками изображаетъ пирушки Польской шляхты Петръ Збылитовскiй [5]). «На каждой свадьбѣ иль на похоронахъ мы не толкуемъ о своихъ нуждахъ, нѣтъ у насъ иной забавы, какъ только пьянство. Выпить одинъ стаканъ и я не прочь, но тебя заставляютъ разомъ высушить шесть и десять стакановъ. Если ты отговариваешься, то навѣрно тебѣ скажутъ: «не трать словъ попустому, а выпей поскорѣе». А вотъ другой предлагаетъ выпить за твое здоровье: встанутъ всѣ, какъ на службу, и ты пей за свое здоровье, хотя бы это была конская моча. И если у тебя

5) «Zchadzka ziemiańska», str. 23—24.

не лошадиная и не коровья голова, то сколько здоровья потратишь ты въ одинъ день. Подъ вечеръ неминуемая ссора, ибо нѣтъ трезвой души: и самъ пьянъ, и его слуга. Если не онъ самъ, то слуга начнетъ ссору. Одни спокойно сидятъ за столомъ, а другіе гасятъ свѣчи, и у печки начинается ужь потасовка. Изъ сѣней бѣжитъ прислуга, бѣжитъ и кучеръ; всѣ смѣшались. Ты ничего не понимаешь, кто затѣялъ ссору—братъ-ли твой, или шуринъ, кому помогать,—видишь только красный капишонъ (кровь) на лбу. Хамы кричатъ, и одинъ другому перерѣзалъ губу. Часомъ и ты въ потьмахъ получишь такой ударъ въ лобъ, что едва удержишься за ближайшую стѣну. Если же въ то время, какъ началось побоище у печки, случится при тебѣ жена, заверещитъ несчастная: «гдѣ сидитъ мой мужъ, гдѣ онъ, живъ ли, Бога ради, куда онъ дѣлся»! Часомъ бѣдная протискается къ тебѣ черезъ столъ, при чемъ нерѣдко сама получитъ шишку. Иная въ такой суматохѣ потеряетъ цѣпочку, и все ея платье обольютъ и испачкаютъ. Часомъ убьютъ кого, котораго ты едва зналъ, а тебѣ бѣда изъ-за него: его сторонники назовутъ тебя пособникомъ и, хотя ты съ нимъ и не сидѣлъ никогда вмѣстѣ, обвинятъ тебя въ соучастіи, а его родственники требуютъ съ тебя удовлетворенія, какъ съ виноватаго. И ты долженъ заплатить за убійство и сидѣть въ тюрьмѣ, или же дорогою цѣною откупиться».

Въ другой идилліи, «Разговоръ Польскаго шляхтича съ чужеземцемъ» [1]), поэтъ говоритъ: «Ты меня спрашивалъ объ изысканныхъ и дорогихъ кушаньяхъ, о крѣпкомъ винѣ и дорогой малвазіи, на которыя столько денегъ тратится въ наше время. Наши предки такихъ крѣпкихъ напитковъ не пили, а были всегда здоровы. Нынѣ же наши домы сверхомъ переполнились всякаго рода излишествами. Смѣется надъ нами воздержный Испанецъ, издѣвается ученый Итальянецъ, всѣ страны знаютъ о нашихъ излишествахъ, не одинъ фунтъ перцу отвѣсилъ Армянинъ, не одинъ лотъ шафрану отпустилъ Гданчанинъ (житель Гданска или Данцига)... Не хватаетъ кораблей для дорогихъ заморскихъ кореньевъ, которыми мы такъ щедро приправляемъ кушанья, какъ бы они у насъ родились или доставались намъ за полцѣны... а при такой приправѣ неудивительно, что вмигъ выходитъ бочка Венгерскаго... Если гость придетъ къ шляхтичу иль даже мѣщанину, тотчасъ на столъ три блюда, а четвертое—дорогая закуска... Разлей, налей, вотъ ужь и

[1]) «Rozmowa szlachcica Polskiego z cudzoziemcem» (первое изданіе вышло въ Краковѣ въ 1600 году), по изд. Туровскаго, стр. 36—38.

конецъ обѣда, а хозяинъ и не думаетъ вставать изъ-за стола. Каждый взявъ двух-ушный куфель дорогаго вина, сидитъ въ углу: таковъ ужь порядокъ вездѣ».

Представленныя Реемъ, Кохановскимъ и Збылитовскимъ, картины Польскихъ пировъ возбуждаютъ въ насъ одно отвращеніе; но есть поэтъ, который съ древне-эпическою простотою и объективностью изображаетъ ихъ величіе и роскошь: это—Клёновичъ. «Дѣло кипитъ, говоритъ онъ въ своей Латинской поэмѣ [2]), сіяетъ кухня отъ сильнаго огня. На вертелахъ торчитъ мясо; жарятся тучные тельцы: шипящія плечи обращаются около яркаго пламени и пекутся обнаженныя внутренности; отъ обильнаго жира дымитъ раскаленный уголь. Жирный запахъ и гарь несутся изъ кухни. На трещащемъ огнѣ дрожатъ неизмѣримыя сковороды. Кипящая вода, не вмѣщаясь въ сосудѣ, идетъ черезъ край, и въ глиняныхъ горшкахъ прыгаетъ вареное мясо. Что только питаетъ море, земля и неосязаемый воздухъ, все стараемся мы выставить на нашихъ столахъ. Триста кушаньевъ стараемся подать на ужинъ и нагрузить столъ множествомъ блюдъ. Начинять быковъ и свиней жаренными птицами и пряностями научило насъ ненасытное обжорство. Кухни не вмѣщаютъ огромныхъ чревъ, и тучная дичь жарится подъ открытымъ небомъ; подъ ихъ тяжестью сгибаются воткнутые во внутренность колы. Не довольствуемся тяжелыми блюдами и немногими мисками по обычаю предковъ, но часто окружаемъ огромныя блюда тарелками. Стоятъ лакомства для горла и изнѣженнаго нёба, и уже давно гостя смущаетъ запахъ кушаньевъ. Лишь только пробудилась жажда, приносятъ на столъ изъ темной кладовой пѣнящіеся бокалы—играетъ въ нихъ старое вино. Лице гостя оживляется при видѣ тароватости хозяина. Вдругъ увидишь серебряныя чаши, наполненныя чистѣйшимъ виномъ, и какъ изъ обильнаго источника льются потоки вина и текутъ свободныя рѣчи. Уже огромный стаканъ и большой сосудъ о двухъ ушахъ смотрятъ съ презрѣніемъ съ высокаго стола на низенькія кружки: старое вино шипитъ и горитъ въ червонномъ золотѣ. Высокій бокалъ, сопровождаемый тысячью рюмокъ, гордится ученою рѣзьбою и находящимися на немъ изображеніями. Уже разноцвѣтный, оправленный въ золото кубокъ середи стола превышаетъ всѣ чаши, до чиста опорожненныя, и нѣтъ ни одного кубка безъ ментора».

Въ другомъ мѣстѣ [3]) поэтъ снова обращается къ описанію рос-

---

[2]) «Victoria deorum», cap. XXI, pp. 123—124.
[3]) Ibid. cap. XXXV, pp. 375—377.

кошныхъ пировъ Польскихъ пановъ XVI вѣка: «Богатства, нажитыя дѣдами и отцами, тратятся на изысканныя яства, испускающія благоуханія. Кушанья разставлены; вереница пышно одѣтыхъ слугъ суетится, подобно странствующимъ журавлямъ. Стоятъ длиннымъ рядомъ многочисленныя блюда, и паръ подымается съ нихъ густымъ облакомъ. Мяса, рѣдкія рыбы (mulli) и шестьсотъ мучныхъ чудовищъ въ тысячѣ образовъ, на подобіе Протея, пекутся и жарятся, возбуждая аппетитъ, щекоча гортань. Омаръ и ракъ, варясь, прыгаютъ въ кострюлѣ, и на блюдахъ краснѣется пища подъ цвѣтъ лица гостей: бобровые хвосты [1]), свиное вымя и фрикасé. Разные соусы и приправы, на видъ невзрачные, но на вкусъ пріятные. Тысяча мисокъ занята разными супами. Какъ роскошны и разнообразны пиры! Продолжительные завтраки и обѣды среди постояннаго излишества смѣняются ужинами; за ужиномъ слѣдуютъ десерты, которыхъ касается розовыми перстами благодѣтельная заря, проникая въ скважины затворенныхъ ставень и украдкою привѣтствуя гостей своимъ сіяніемъ и блескомъ; а полусъѣденные ужины покрываютъ своими парами утренніе завтраки. Та́къ вращается хаотическій рядъ роскошныхъ наслажденій, и за пирами слѣдуютъ безчисленные пиры»...

Далѣе въ числѣ лакомыхъ блюдъ, подаваемыхъ на панскихъ столахъ, поэтъ упоминаетъ морскія чудовища (frutti di mare, какъ называютъ Итальянцы), озерныхъ лягушекъ, кривыхъ молюсковъ и лѣнивыхъ черепахъ.

Кто желалъ-бы провѣрить сообщаемыя Клёновичемъ свѣдѣнія о Польской кухнѣ и о панскихъ пирахъ, тому мы посовѣтывали бы обратиться къ извѣстному сочиненію Луки Голембёвскаго, «Domy i dwory», гдѣ на стран. 32—60 онъ найдетъ перечень нѣсколькихъ сотъ блюдъ, бывшихъ въ употребленіи у Поляковъ, и разсчетъ блюдъ по числу гостей: оказывается, что дѣйствительно на панскихъ столахъ подавалось до трехъ сотъ блюдъ, считая прибавленіе къ каждому блюду, приправы и такъ называемые поварскіе секреты (sekreta kucharskie). На стр. 103—110 авторъ перечисляетъ множество напитковъ, употреблявшихся въ старой Польшѣ, а на стр. 84—95 представляетъ описаніе знаменитѣйшихъ въ Польской исторіи пировъ. Мы не будетъ повторять сообщаемыхъ Голембёвскимъ свѣдѣній: въ сущности они мало прибавляютъ къ тому, что̀ уже намъ извѣстно изъ современныхъ писателей и только

[1]) Бобровый хвостъ (plusk) считался лакомымъ блюдомъ. См. Ł. Gołębiowskiego, «Domy i dwory», str. 40.

подтверждаютъ ихъ извѣстія о необыкновенной роскоши и продолжительности Польскихъ пировъ XVI вѣка. Въ дополненіе къ приведеннымъ нами выдержкамъ изъ Польскихъ писателей скажемъ только, что пышные панскіе пиры сопровождались не только музыкою, пѣніемъ и танцами, но также маскарадами и театральными представленіями; а подъ вечеръ пускали фейерверкъ [2]).

Къ числу обычныхъ развлеченій принадлежала игра въ кости и въ карты [3]), занесенная въ Польшу изъ Венгріи. Бывали отчаянные игроки, проигрывавшіе все свое состояніе.

Та́къ проводила время Польская шляхта XVI вѣка. Бывали, конечно, исключенія, но весьма рѣдкія. Число пановъ, занимавшихся науками, литературою и изящными искусствами, было чрезвычайно ограничено: отъ того такъ мало извѣстій дошло до насъ о частныхъ библіотекахъ, картинныхъ галереяхъ и музеяхъ [4]).

Тунеядство, роскошь, обжорство, пьянство и развратъ составляютъ отличительныя черты домашней жизни Польской шляхты XVI вѣка [5]).

Викентій Макушевъ.

Варшава, 28 января 1876 года.

---

[2]) Moraczewski, «Dzieje rzeczy posp. Polsk.» t. VI.—О музыкѣ, пѣніи и танцахъ на панскихъ пирахъ вспоминаютъ Рей («Wizerunek», л. 25, 27) и Модржевскій («De republ. emend.» lib. I, p. 77).

[3]) Клёновича, «Worek Judaszow» (по Краковскому изданію 1607 г. л. 3, по изд. Туровскаго стр. 93).

[4]) Maciejowskiego, «Polska pod względem obyczajow», t. II, str. 267—271.

[5]) Модржевскій возставалъ противъ господствовавшаго въ его время разврата («De rep. emend.» I, p. 77). Противъ пьянства и обжорства современной шляхты Кіевскій бискупъ Осипъ Верещинскій издалъ въ Краковѣ въ 1585 году брошюру: «Gościniec pewny niepomiernym moczygębom a obmierzłym wydmikuflom świata tego» (перепечатана Туровскимъ въ его «Польской Библіотекѣ»). Противъ тѣхъ-же пороковъ писали: Андрей Волянъ, секретарь Сигизмунда III, противникъ Скарги, въ брошюрѣ «O wolności rzeczypospolitej albo szlacheckiej» (1-е изд. 1606 г., по изд. Туровск. стр. 59) и неизвѣстный авторъ брошюры «Votum szlachcica Polskiego» (написана въ 1589 г.; по изд. Туровскаго стр. 17).

F.
6308
http://rcin.org.pl